

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва   1948   Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Ответственный редактор — член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

*С. Н. Бибилов, С. В. Киселев,
А. Л. Монгайт, С. А. Тараканова*

изготавливались каменные полированные орудия.¹ На Панфиловской стоянке В. А. Городцов отмечает наличие небольшой «мастерской» кремневых орудий.²

На участках 44, 47, 50, 63, 64 и 65 (рис. 1) было найдено кострище, вокруг которого находилось скопление костей животных на площади длинной в 235 см, шириной около 80 см. Среди костей найдено большое количество обломков глиняных сосудов, из них при разборке удалось выбрать части шести сосудов и несколько кремневых орудий.

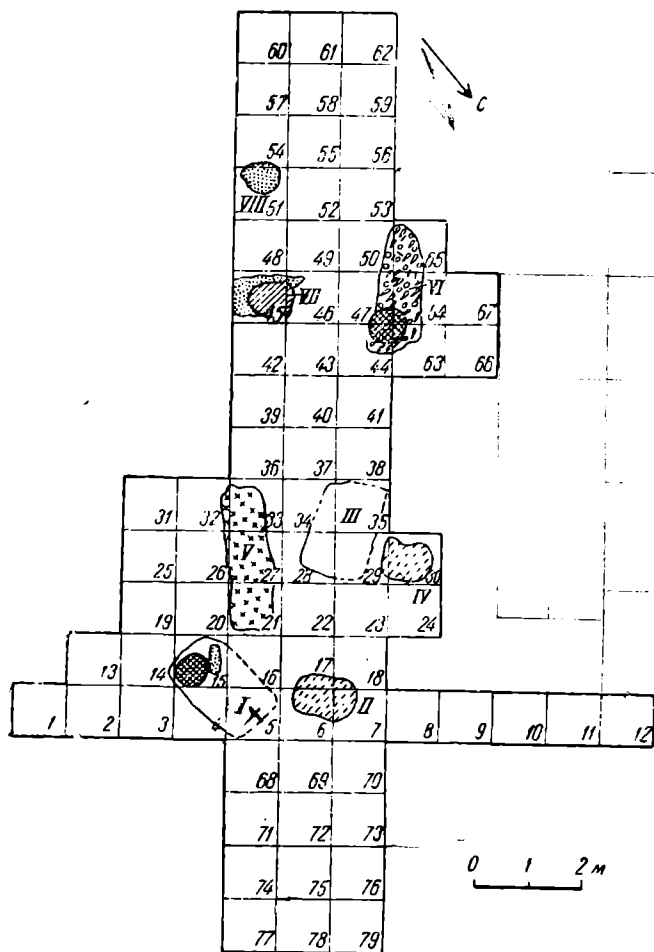

Рис. 1. План раскопок стоянки Володары

I — погребение № 1; II — кострище с рыбьими костями; III — погребение № 2; IV — кострище с рыбьими костями; V — скопление кремня; VI — кострище с разбросанными около него костями животных; VII — куча глины; VIII — кострище с пережженным песком

На участках 45, 46 найдена округлая яма, диаметром около 80 см, наполненная глиной и окруженная белым песком, по-видимому, выброшенным из ямы, прорытой в песчаном грунте ниже культурного слоя (рис. 1).

На расстоянии около 1.5 м к югу от этой ямы была другая такой же формы, диаметром около 60 см, наполненная пережженным песком с примесью толченой керамики. На ее дне находилось большое количество угольков и золы (рис. 1). Возможно, что в этих ямах мы имеем материал для изготовления глиняных сосудов: в первой — глину, во второй — примесь.

Наибольший интерес из всех комплексов, обнаруженных на Володар-

ской стоянке, представляют два погребения. Скелеты найдены в неглубоких (до 50 см глубины) могильных ямах: погребение № 1 непосредственно под культурным слоем, погребение № 2 также в культурном слое, на глубине 76 см от современной поверхности земли. Могильные ямы, частично прослеженные в культурном слое, имели неправильную овальную форму.

Погребение № 1 (рис. 1) оказалось парным. Скелеты лежали в необычном положении. Костяк 1 — на спине, головой на ССЗ. Кисть одной руки, согнутой в локте, находилась под головой; кисть другой, тоже согнутой в локте и широко отставленной от тела, должна была быть на уровне

¹ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенина, Сов. археол., 1946, № 5, стр. 41.

² В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского гос. обл. музея, вып. 2, стр. 9.

тазовых костей. Ноги, согнутые в коленях, были опущены в ямку, выкопанную на дне могильной ямы. Костяк 2 лежал на спине, чуть повернутый на левый бок; одна рука, согнутая в локте и очень широко отставленная от тела, находилась на левой руке костяка 1. Кости второй руки отсутствовали. Нижняя часть скелета совершенно разрушена.

Хорошую сохранность имеют только черепа. Остальные кости в значительной мере фрагментированы; некоторые отсутствуют.

На черепах ясно видны следы красной охры. У левой бедренной кости костяка 1 найдены фрагменты сосуда и астрагал лося. На правой бедренной кости имелась сланцевая просверленная привеска (рис. 5—11).

В северо-восточной части могильной ямы у ног костяка 1 было обнаружено кострище диаметром 35 см, глубиной от дна могильной ямы в 23 см; оно было наполнено пережженными кремневыми орудиями и их обломками. Здесь найдено: 3 целых наконечника дротиков и 7 обломков (рис. 4—4, 5), 1 целый наконечник стрелы и 7 обломков (рис. 4—8), 1 нож, 2 скребка, 14 крупных обломков орудий и 42 мелких бесформенных обломка, выколовшихся под действием огня. Вместе с орудиями найден небольшой полировальный камень. Кроме того, в кострище найдено 12 фрагментов костяных изделий (рис. 5—5, 6), совершенно целый глиняный сосудик с уплощенным дном (рис. 2) и полированное желобчатое кремневое долото длиной в 21 см.

Погребение № 2 (рис. 1), тройное, оказалось целиком разрушенным. Кости лежали в беспорядке, кроме костей ног одного из покойников, которые были согнуты в коленях. От черепов остались мелкие фрагменты. У ног костяка обнаружена куча осколков кремня, отколотых от одного куска. Вся эта куча была густо засыпана красной охрой, следы которой заметны и около черепов. У ног был найден также фрагментированный глиняный сосуд и астрагал лося. Около обломка тазовой кости лежали фрагменты сланцевой привески.

Состав погребального инвентаря Володарских погребений несколько необычен. Находка в погребении № 1 полировального камня вместе с большим количеством кремневых орудий и находка в погребении № 2 кучи осколков кремня, а также близость погребений к месту, где, повидимому, изготовлялись кремневые орудия, заставляет предполагать, что здесь были похоронены «мастера» кремневых орудий. Такое погребение мастера известно, например, в одном из курганов катакомбного могильника «Три брата», где в составе погребального инвентаря, среди довольно большого количества кремневых и бронзовых орудий, было найдено около 50 расколотых кремневых голышей, предназначенных для изготовления орудий.¹

Находка на Волосовской стоянке «волосовского клада», обнаруживающего некоторую стандартизацию найденных в нем орудий, свидетельствует о существовании в это время «мастеров», которые снабжали орудиями население стоянки.²

На соседних с погребениями участках (рис. 1) были обнаружены кучи рыбьих костей и чешуи. Рядом с ними найдены костяные гарпуны. Вполне вероятным кажется предположение, что эти кострища были связаны с погребениями и являлись местом, где совершалась тризна.

Связь погребений со стоянкой не вызывает никаких сомнений, так как могильный инвентарь совершенно тождественен вещам, найденным в культурном слое стоянки.

¹ С этим материалом мне удалось познакомиться по зарисовкам, имеющимся у О. А. Граковой.

² Такое предположение было сделано А. Я. Брюсовым в докладе об Окском неолите.

Наиболее интересным моментом в Володарских погребениях является присутствие кострища в могильной яме погребения № 1. В археологической литературе известны случаи присутствия угольков в могильных ямах неолитических погребений и погребений эпохи бронзы. Например, угольки на дне могильной ямы под костяком, у черепа и на груди покойника, а также скопления угля в ногах покойника были прослежены в неолитическом погребении около озера Уолба в Якутии.¹ То же самое прослежено в погребениях раннебронзовой культуры Якутии, в погребениях на р. Бугачан и на р. Иччилах, где «в могилах имеются следы огня, разведенного прямо в них или поблизости от могильных ям».² В погребении № 7 на Гавриловской

Рис. 2. Стоянка Володары. Глиняный сосудик из погребения № 1

неолитической стоянке над могильной ямой были обнаружены остатки небольшого кострища.³ Остатки тризны в виде небольших кострищ были найдены при раскопках Абашевского могильника. Здесь же в погребении кургана № 3 на ногах костяка находилась жаровенка, наполненная угольками и пережженным песком.⁴ Можно привести немало количество этнографических примеров, свидетельствующих о множестве самых разнообразных ритуалов, связанных с огнем. У многих народов огонь играет роль в погребальном ритуале.

Возможно, что очаг в могильной яме Володарского погребения свидетельствует о ритуале, связанном также с культом огня. Очень любопытно нахождение в могильной яме погребения № 2 кучи осколков кремня, за-

сыпанных охрой, которой хотели, возможно, заменить огонь. Огонь и охра в одинаковой мере имеют в сознании примитивных народов значение животворной силы.

Материал, добытый при раскопках Володарской стоянки, довольно многочисленен и разнообразен. Он состоит из фрагментов глиняных сосудов, кремневых и костяных орудий и украшений, костей животных, птиц и рыб.

Керамика Володарской стоянки распадается на две группы. Разница между ними главным образом в способе приготовления глиняного теста для изготовления сосудов.

К первой группе относятся сосуды из глины с примесью толченой раковины. Глина слоистая, плохо перемешанная; обжиг слабый, неравномерный. Многие фрагменты сильно расслаиваются.

Сосуды второй группы сделаны из глины с растительной примесью, иногда с примесью шамота. Обжиг этих сосудов гораздо лучше. В остальном (способ обработки поверхности, форма обреза края сосудов, орнамен-

¹ А. П. Окладников. Ленские древности, Якутск, 1946, вып. 2, стр. 137.

² Там же, стр. 148.

³ И. Цветкова. Отчет о раскопках Гавриловской стоянки за 1946 г.

⁴ О. А. Гракова. Отчет о раскопках Абашевского могильника за 1945 г.

тальные узоры) между этими двумя группами нет никакого существенного отличия.

Внешняя поверхность сосудов довольно хорошо сглажена; на внутренней заметна штриховка, полученная в результате заглаживания зубчатым штампом или концом щепки. Часто поверх штриховки внутренняя поверхность бывает сглажена мокрой рукой или куском кожи.

Большинство фрагментов Володарской керамики принадлежит толстостенным сосудам. Толщина стенок колеблется в пределах 1.5—0.8 см в керамике первой группы и 1.2—0.4 см в керамике второй группы. Края сосудов прямые, иногда отогнуты наружу или загнуты внутрь. Обрез края чаще округлый, иногда скошенный внутрь. Почти всегда по обрезу нанесен орнамент, который нередко переходит на верхнюю часть внутренней поверхности сосуда.

Из всей массы керамики только один сосуд удалось частично восстановить. Это — небольшой сосудик (высота 7.1 см, диаметр шейки около 11 см) баночной формы, сильно сужающийся к относительно очень маленькому уплощенному дну, украшенный рамчатым орнаментом, причем орнамент в виде небольших, неправильно округлой формы вдавлений переходит на дно.

Орнамент, покрывающий обычно всю поверхность сосуда, довольно разнообразен. Наиболее распространен зубчатый орнамент (рис. 3—1, 2, 3, 5, 6, 9) из прямых или косых параллельных полос, из длинных пересекающихся полос, образующих сетку, или просто из поясков овальных и подтреугольных вдавлений с зубчиками внутри. Часто повторяется узор в виде зигзага из остроконечных треугольников, выполненный длинным зубчатым штампом (рис. 3—1,3).

Наряду с зубчатым встречается большое количество фрагментов с так называемым рамчатым орнаментом (рис. 3—4, 7, 8, 10), образующим узоры в виде сетки параллельных полос, идущих в горизонтальном или вертикальном направлении; часто на поверхности сосуда разбросаны овальные или округлые вдавления, выполненные плоским рамчатым штампом. Иногда такие же узоры нанесены широкой нарезкой.

Довольно большое количество фрагментов украшено орнаментом в виде разбросанных по поверхности неправильных округлых, овальных, подтреугольных вдавлений. Иногда эти вдавления сочетаются с зубчатым или рамчатым орнаментом, образуя разнообразные узоры.

Следует отметить также фрагменты керамики с оттиском веревочки или перевитого шнура (рис. 3—13). Несколько фрагментов украшено так называемым кружковым орнаментом (рис. 3—12).

Наконец, очень небольшое количество фрагментов керамики этой группы совсем не имеет орнамента.

Совсем особое место занимают 8 фрагментов керамики с сетчатым орнаментом и округлыми ямками, нанесенными по сетке (рис. 3—11). Эти фрагменты принадлежат тонкостенным хорошо обожженным сосудам типа стоянки на месте Младшего Волосовского могильника.

Наибольшее количество орудий на Володарской стоянке применялось для обработки дерева, кожи и кости.

Самое распространенное орудие этого типа — скребок (рис. 4—11, 12 и 13); большая часть скребков изготовлена из массивных отщепов с крутой ретушью по рабочему краю; попадаются также скребки из удлиненных отщепов. Довольно большое количество скребков сделано из пластинчатых отщепов; наиболее распространенным типом являются угловые скребки, затем — скребки с округлым и прямым рабочим краем. Скребки на концах ножевидных пластин совершенно отсутствуют.

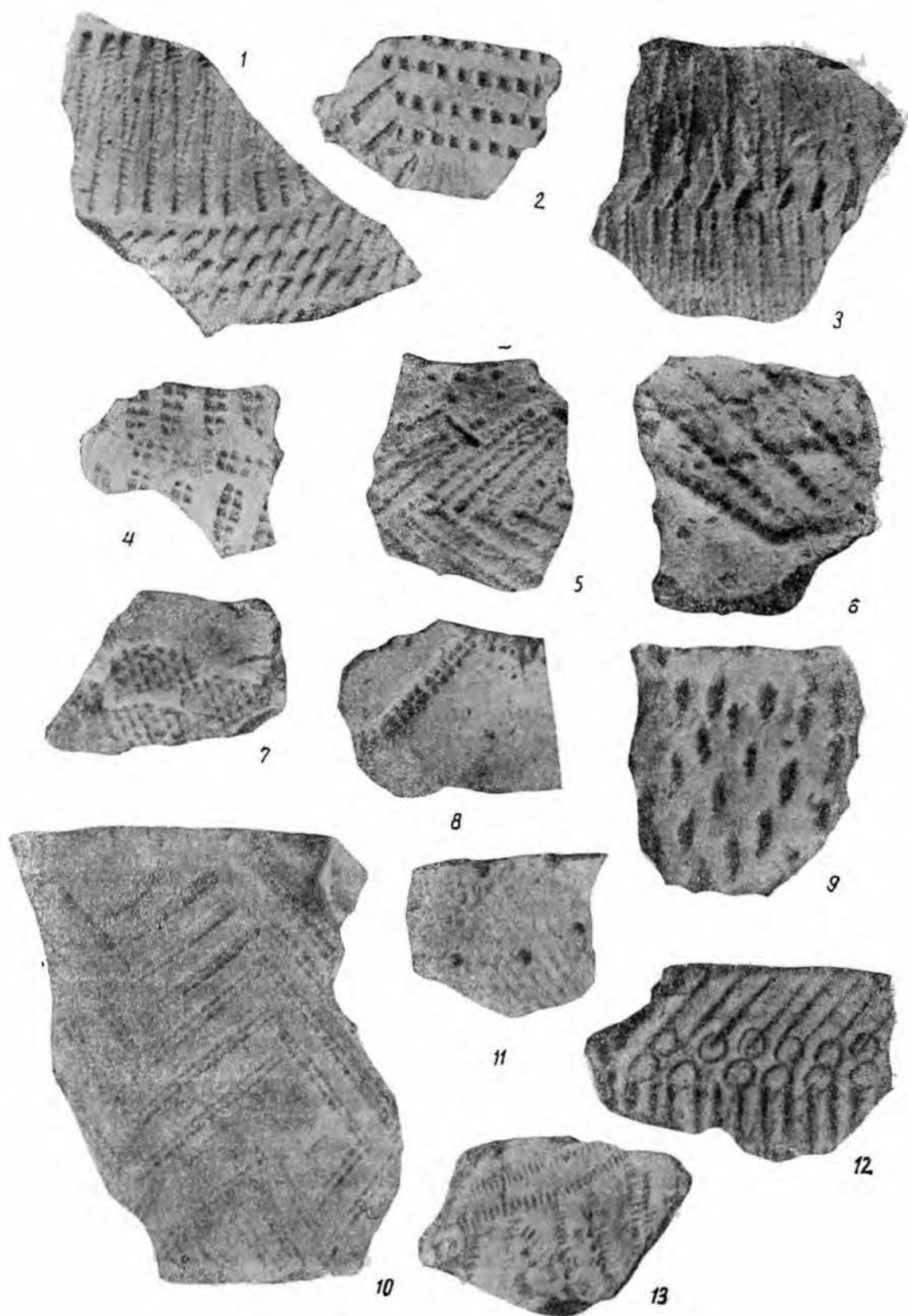
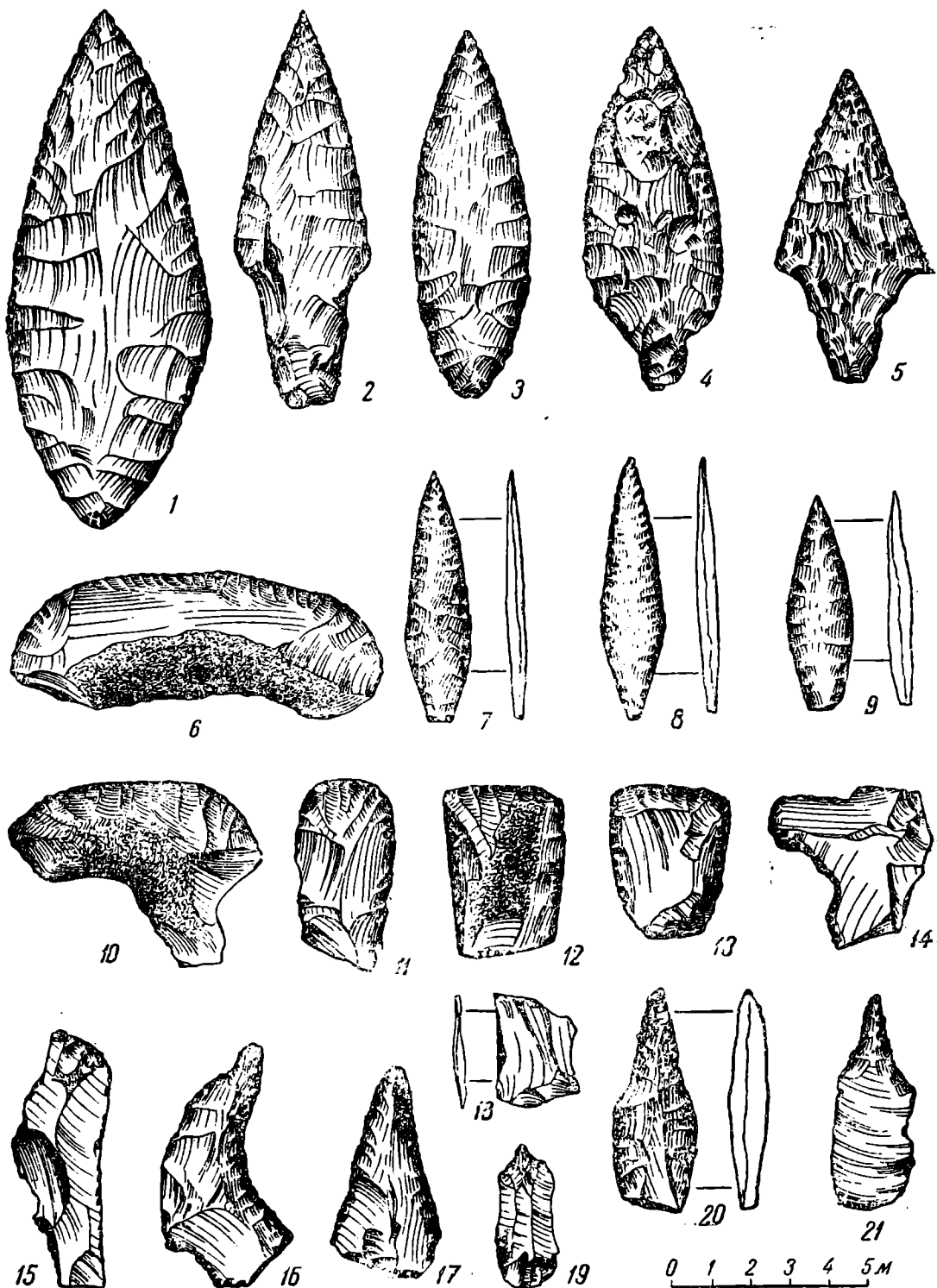

Рис. 3. Стоянка Володары. Фрагменты керамики

Рис. 4. Стоянка Володары

1 — 5 — кремневые наконечники дротиков; 6, 10 — кремневые скребла; 7 — 9 — кремневые наконечники стрел; 11 — 13 — кремневые скребки; 14 — кремневый скобель; 15 — 17 — кремневые ножи; 18 — кремневый резчик; 19 — 21 — кремневые сверла

К скребкам примыкают скребла из массивных, крупных отщепов с широким покрытым крутой ретушью округлым рабочим краем (рис. 4—6, 10). На некоторых скреблах ретушь нанесена по всей поверхности спинки.

Встречаются и скобели с вогнутым рабочим краем. К этой же группе принадлежат небольшие орудья из аморфных пластинчатых отщепов, имеющие одну или две маленькие округлые выемки с ретушью (рис. 4—14). Эти орудья имели то же назначение, что и скобели, только употреблялись для обработки мелких изделий.

Много найдено ножей из аморфных пластинчатых отщепов, вследствие чего и форма их получалась случайной (рис. 4—15). Некоторые имеют определенную, специально выработанную форму: ножи с кривым лезвием (рис. 4—16), а также остроконечные треугольные (рис. 4—17). У большинства имеется ретушь по рабочему краю и только в редких случаях — по всей поверхности. Характерно, что на стоянке не встречено ножей из ножевидных пластин, за исключением нескольких миниатюрных ножевидных пластинок типа вкладышей, без ретуши.

Следующее орудие, найденное на стоянке в большом количестве, — проколки, или сверла. Все они сделаны из удлиненных массивных или пластинчатых отщепов с ретушью по рабочему краю или по всей поверхности. Рабочая часть сверла делалась различной толщины, в зависимости от диаметра отверстия (рис. 4—19, 20, 21).

Наряду с проколками необходимо отметить своеобразные острия, вероятно, для резьбы по кости и заменившие древние формы резцов, которых совершенно не встречено на Володарской стоянке. Острия сделаны из аморфных отщепов и имеют на конце маленький выступ с тонкой ретушью (рис. 4—18).

На стоянке найдено 27 наконечников стрел и их обломки. Единственным распространенным типом наконечников являются листовидные наконечники. Все они изготовлены из отщепов с плоской ретушью по всей поверхности (рис. 4—7, 8, 9). Наконечников древнего типа, сделанных из ножевидных пластин с ретушью в верхней части пера, на стоянке совершенно не найдено. Найдено 5 целых и 11 обломков наконечников дротиков. Три из них листовидной формы (размером 8,5, 9,5 и 10 см) с плоской ретушью по всей поверхности (рис. 4—8); 3 треугольных наконечника — с округлым черешком (рис. 4—2, 4), причем на черешке одного из них имеются выемки для прикрепления наконечника к древку (рис. 4—5).

Кроме того, найдено 2 больших наконечника дротиков, или кинжалов. Один из них листовидной формы с плоской ретушью по всей поверхности, размером 12,5 см (рис. 4—1); другой — тоже листовидной формы, но с чуть намечающимся прямым черешком, с плоской ретушью по всей поверхности, размером 11,4 см.

Характерное для стоянки орудие — это кремневое полированное желобчатое долото. Кроме большого желобчатого долота, найденного в могильной яме погребения № 1, на стоянке найдено 1 целое и 4 обломка таких же долот меньшего размера (10,3 см) (рис. 5—12). Эти долота с выпуклой высокой спинкой, с довольно глубоким желобком, расширяющимся к округлому лезвию с тупым обушком, названы А. Я. Брюсовым «широкими долотами Волосовского типа». Кроме них, найдено 2 небольших желобчатых долотца (длиной 6,3 см) тоже с выпуклой спинкой и тупым обушком (рис. 5—15).

Другим типом желобчатых долот, названных А. Я. Брюсовым «узкими долотами Волосовского типа», является долото с очень узким желобком, предназначенным для тонкой работы. На Володарской стоянке найдено одно такое миниатюрное долотце длиной 3,2 см.

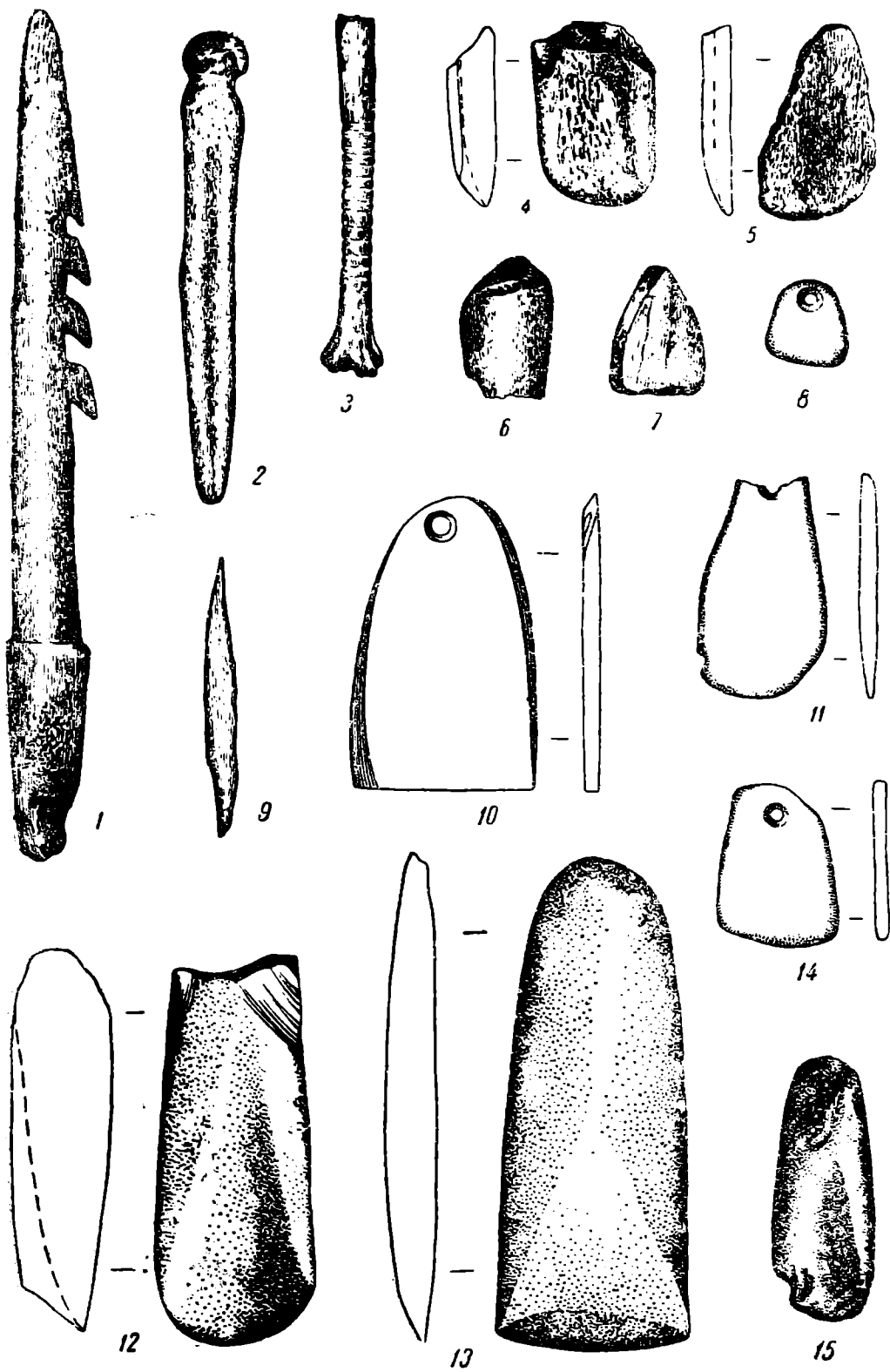

Рис. 5. Стоянка Володары

1 — костяной гарпун; 2 — костяной кочедык; 3 — кость с орнаментом; 4, 5, 7 — обломки костяных долот; 6 — обломок костяной рукоятки; 9 — костяное шило; 8, 10, 11, 14 — сланцевые привески; 12 — 15 — кремневые желобчатые долота; 13 — кремневое тесло

Найден также один полированный кремневый топор клиновидной формы, с прямым сильно сработанным рабочим краем.

Т е с л а представлены двумя экземплярами. Одно из них из кремня, со скошенным, чуть закругленным рабочим краем, с овальным поперечным сечением, полированное по всей поверхности, длиной 12.7 см (рис. 5—13); другое — сланцевое, массивное, со скошенным, заполированным рабочим краем, длиной 10.6 см. Кроме того, найдено 4 обломка сланцевых полированных орудий.

Кроме сверленных привесок из погребения № 1 (рис. 5—11), на стоянке найдены еще 3 сланцевые привески. Одна из них неправильно-округлой формы, диаметром 2.2 см, с круглым просверленным отверстием для шнура (рис. 5—8). Две другие представляют собой совершенно плоские пластины, асимметрично-овальной формы с прямым срезом с одной стороны, с круглым сверленным отверстием в верхней части (рис. 5—10, 14). Найден обломок костяной привески со сверленным отверстием.

Костяных орудий на стоянке оказалось сравнительно немного.

Прежде всего нужно отметить гарпуны около кострищ с рыбьими костями (см. выше). Один из них, длиной 21.6 см, — с пятью клювовидными зубцами, утолщенной нижней частью, указывающей на скрепление его с рукоятью при помощи веревки (рис. 5—1); другой — меньшего размера, с обломанной нижней частью. Найден один костяной наконечник стрелы (обломок пера).

Из орудий, употреблявшихся для обработки дерева, обнаружены обломок нижней части долота с асимметричным округлым лезвием и неглубоким желобком (рис. 5—4) и два обломка рабочей части долот с треугольным рабочим краем (рис. 5—7). Аналогичные долота встречены на стоянке Кубенино,¹ на Ладожских стоянках и в других местах.

Наряду с кремневыми шильями на стоянке имелись 4 костяных шила с тонкой заостренной рабочей частью (рис. 5—9).

Найден костяной кочедык с заполированным краем (рис. 5—2). Интересно отметить тонкую трубчатую кость с нанесенным на ней линейным орнаментом, служившую, возможно, игольником (рис. 5—3).

Кроме того, найдено несколько костяных предметов неопределенного назначения.

Как указывалось выше, при описании находок на месте изготовления кремневых орудий, на Володарской стоянке найдены орудия для обработки камня. К ним относятся отбойники, которыми служили просто довольно крупные кремневые гальки и кремневые ретушоры. Большинство из них находилось на месте изготовления орудий. Здесь же найден небольшой точильный камень, аналогичный встреченному в могильной яме погребения № 1.

Попробуем выделить основные признаки инвентаря Володарской стоянки.

1. Керамика со своеобразным орнаментом, нанесенным по большей части зубчатым или рамчатым штампом.
2. Широкое применение кремневых отщепов для выделки орудий.
3. Отсутствие ножевидных пластин (кроме трех миниатюрных пластинок) и орудий из ножевидных пластин (концевые скребки, древние формы наконечников стрел).
4. Отсутствие резцов и замена их своеобразными остриями.
5. Листовидные наконечники стрел.

¹ М. Е. Фосс. Стоянка Кубенино. Сов. археол., 1940, № 5, стр. 58, табл. VI, рис. 5.

6. Наконечники дротиков листовидной формы и треугольные с округлым черешком.

7. Плоские сланцевые привески.

8. Желобчатые кремневые долота «широкого» и «узкого волосовского типа».

Кроме этих основных признаков, можно добавить еще широкое распространение кремневых сверл, угловых скребков из массивных отщепов, скребков-скобелей из пластинчатых отщепов с выемкой и т. д.

Все орудия Володарской стоянки отличаются прекрасной выделкой, свойственной времени наивысшего развития техники изготовления кремневых орудий, т. е. времени позднего неолита.

Непосредственной аналогией материалу Володарской стоянки является материал Волосовской стоянки, характеризующий, по определению А. Я. Брюсова, среднюю стадию волосовской культуры.

Сходство материала Володарской стоянки с Волосовской настолько велико, что прослеживается по всем основным признакам. Однако Володарская стоянка имеет локальные черты.

Она расположена в низовьях Оки, на границе распространения двух больших окских неолитических культур: волосовской — на западе и юго-западе и балахнинской — на востоке.¹ Ближайшим памятником волосовской культуры является стоянка Халамониха (на расстоянии около 100 км вверх по Клязьме). По всей вероятности, Володарская стоянка — последний пункт распространения волосовской культуры к востоку и северо-востоку.

Население Волосовской стоянки еще в раннюю пору ее существования имело связи с населением стоянок балахнинской культуры, о чем свидетельствует керамика раннебалахнинского типа, найденная на Волосовской стоянке. Стоянка Халамониха является доказательством распространения населения волосовской культуры вниз по Оке и Клязьме. Во время наивысшего развития волосовской культуры балахнинская культура развивалась самостоятельно (поздний комплекс керамики Балахнинской и Большекозинских стоянок).

По всей вероятности, в этот период возникла Володарская стоянка. В то время как в районе гор. Мурома, т. е. в центре территории распространения волосовской культуры, волосовская стадия перешла в более позднюю панфиловскую стадию (по определению А. Я. Брюсова), Володарская стоянка, расположенная далеко от центра, продолжала свое самостоятельное развитие, приобретая свои локальные черты.

Итак, Володарская стоянка целиком должна быть отнесена к памятникам волосовской культуры. Ранняя стадия ее существования совпадает со временем наивысшего развития Волосовской стоянки (или волосовской стадии, по определению А. Я. Брюсова), т. е. относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Дальнейшее ее развитие идет на стадии, близкой к панфиловской, т. е. относится ко времени около середины II тысячелетия до н. э. Присутствие на стоянке небольшого количества сетчатой керамики типа стоянки на месте Младшего Волосовского могильника, датируемой 1400—1200 гг. до н. э., позволяет несколько уточнить дату Володарской стоянки, ставя ее между 1700 и 1300 гг. до н. э.

Таким образом, продолжительность существования Володарской стоянки равняется, по видимому, нескольким сотням лет, о чем свидетельствует и большая мощность культурного слоя. По своему инвентарю, стоян-

¹ См. в экспозиции Гос. исторического музея карту распространения Окских неолитических культур, составленную А. Я. Брюсовым.

ка — типичное охотничье-рыболовческое поселение, обычное на территории Волго-Окского междуречья.

Костный материал, добытый при раскопках, состоит в основном из костей млекопитающих. Здесь представлены следующие виды: лось (причем кости лося составляют основную массу костей), кабан (большое количество), речной бобр, заяц-беляк, медведь бурый, косуля, куница, хорь черный, норка, барсук, лисица. Кости птиц принадлежат гусю, глухарю и рябчику.¹ Все эти виды характерны для фаунистического комплекса лесной зоны.

Описанные выше комплексы, обнаруженные раскопками 1946 г., не дают еще полного представления о поселении в целом. Длительное существование стоянки заставляет предполагать наличие землянок, известных на многих неолитических стоянках этого времени. Дальнейшие раскопки стоянки, намеченные на 1947 г., возможно, подтвердят это предположение.

---

¹ Костный материал определен докт. биол. наук В. И. Цалкиным.

Я. И. ГУММЕЛЬ

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ
АЗЕРБАЙДЖАНА

Археологические исследования последних 15 лет коренным образом изменили прежние представления о древнейшей истории Закавказья. К сожалению, большая часть добытого советскими археологами материала не опубликована, что затрудняет дальнейшую научно-исследовательскую работу.

Цель настоящей небольшой статьи — ввести в научный обиход некоторые, пока неизданные, памятники Азербайджана, открывшие новую страницу в истории этой советской республики.

СТЕПАНАКЕРТСКИЕ КУРГАНЫ С МАССОВЫМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ¹

К замечательнейшим памятникам Азербайджана относятся курганы эпохи энеолита гор. Степанакерта. В 1938 г. нами был исследован курган № 103 с 48 погребениями, в котором, наряду с обсидиановыми изделиями, найдена впервые для всего юга СССР так называемая мешочная керамика.² Раскопки 1939 г. дали важные стратиграфические данные и дополнительные материалы для более уверенной абсолютной датировки этого типа памятников.

Курган № 119 расположен на северной окраине города в районе Зооветеринарного техникума, в 49 м к востоку от Евлахского шоссе и в 97 м к СЗ от кургана № 103.³ К моменту раскопок он имел довольно большую расплывчатую насыпь диаметром около 24 м и 1.5 м высоты, сильно перерытую жителями города при добыче строительного материала; 1/5 же часть могильника была разрушена до основания. Раскопками уцелевшей части кургана выявлены культурные слои трех различных эпох.

Верхний слой, простиравшийся на всю курганскую площадь, содержал погребения типа жальника, перекрытые полуметровым слоем земли. Большая часть жальника была разрушена настолько, что нельзя было определить количество погребенных. Изученные костяки лежали на боку, в скорченном положении с согнутыми в коленях ногами и были ориентированы в разные стороны.

Из могильника извлечены:

1) большое количество бус из сердолика, бронзы, кости, раковин-каури и различных видов пасты;

¹ Все материалы, добытые из степанакертских курганов, хранятся в Степанакертском музее.

² Я. И. Гуммель. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Изв. АзФАН, 1939, № 4, стр. 77—90.

³ См. ситуационный план в указ. соч., стр. 78.

2) пуговицы из тонкой листовой бронзы с двумя сквозными отверстиями;

3) кружочки из листовой меди с четырьмя радиальными полосками, загнутыми вертикально к основе;

4) фрагмент бронзового кольца и буса-раковина с одним звеном от бронзовой цепочки;

5) обломок железной трубки, расширенной в одном конце (копье?) и т. д.

Наряду с находками бронзовых и железных изделий в жальнике найдено много черепков черной керамики, типичной для эпохи «развитой

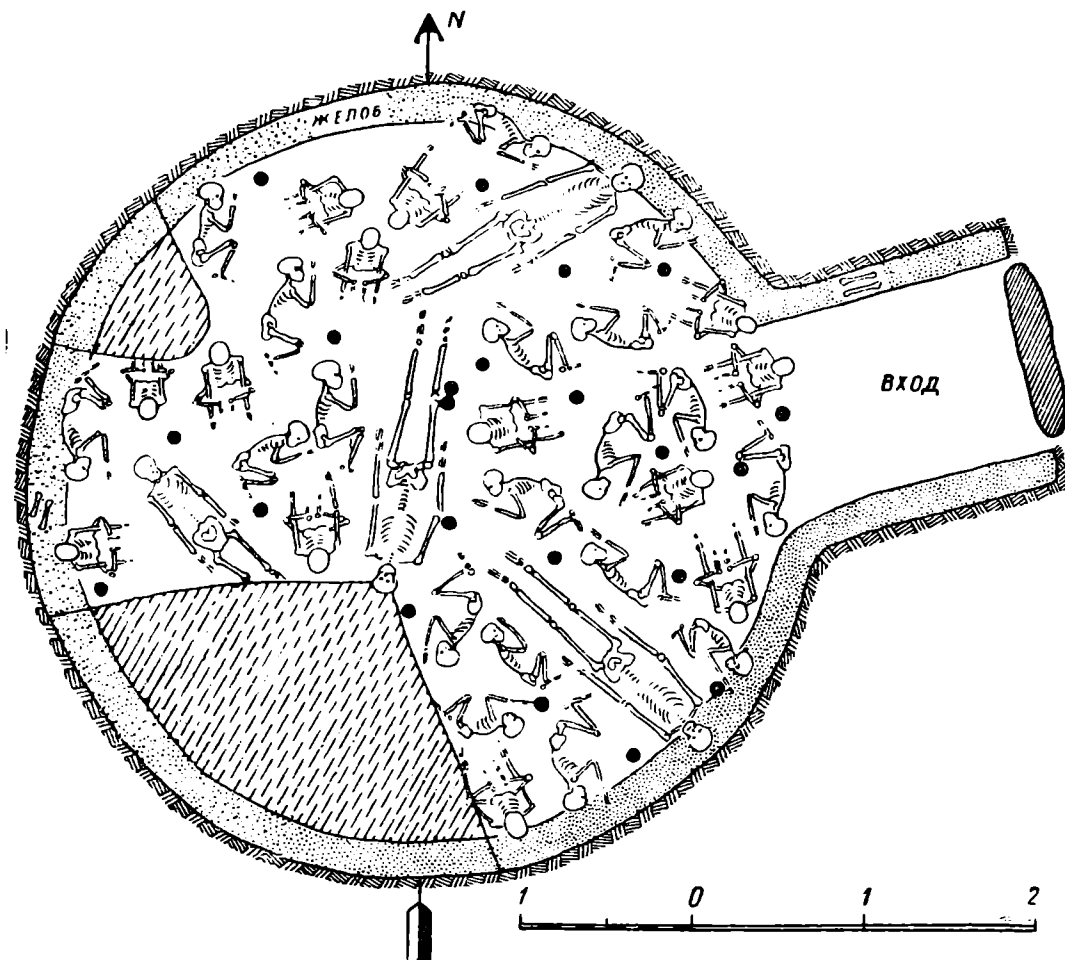

Рис. 6. План кургана № 119

бронзы» Карабаха, датированной VIII—VI вв. до н. э., когда одновременно с бронзовыми имеют применение и железные изделия.

Непосредственно под жальником оказался второй, более древний культурный слой в виде могильника с массовыми погребениями типа кургана № 103, замурованного слоем речных голышей на глиняном растворе, мощностью до 0.7 м. В отличие от кургана № 103, в этом могильнике (рис. 6) грунтовой могильной ямы не оказалось. Покойники были погребены на поверхности небольшой кругообразной площадки диаметром 4.5 м, опоясанной кромлехом в виде желоба со входом с СВ стороны (55°). Вход в могильник закрывала большая каменная плита (1.45 × 1.0 × 0.3 м), установленная в вертикальном положении. Весь желоб был наполнен чистым речным песком, что позволило легко найти его границы в глиняном грунте данной местности (рис. 7). Глубина желоба 0.5 м, ширина 0.20 м. В се-

верной части коридорообразного входа в желобе были найдены остатки человеческого костяка, перекрытые плоским речным гольшом. Самый же могильник был приурочен к кругообразной площадке.

На неразрушенной части ее (разрушенная заштрихована на плане) нами отпрепарировано 36 костяков взрослых людей и детей, уложенных, как и в грунтовой могиле кургана № 103, в сидячем, скорченном на боку и вытянутом на спине положении. Ввиду широкого распространения в окрестностях Степанакерта курганов с подобными могильниками¹ мнение о «братских могилах» одновременно погибших людей должно быть отвергнуто. Причину погребения столь большого числа покойников различного воз-

Рис. 7. Вид кургана № 119 после раскопок

раста и пола следует искать в структуре тогдашнего родового общества. Вероятнее всего, отдельные родовые группы имели такие могильники, в которых члены коллектива после их смерти погребались друг возле друга и замуровывались затем сверху гольшами.

В центре погребальной площадки описываемого кургана лежал на спине в вытянутом положении костяк взрослого человека, ориентированный с юга (голова) на север (ноги). У правого предплечья его найдена каменная булава, возле тазовых костей — небольшой медный кинжал и около левой бедренной кости — 2 каменные «ступки». Над костяком, в замурованном слое, лежали кости дикой козы. Юго-восточный сектор площадки дал 6 каменных наконечников стрел и 5 костяных пряслиц, а северная половина площадки — 3 золотые бусы и 6 каменных подвесок. Кроме того, возле погребенных стояло 22 раздавленных глиняных сосуда, отмеченных на плане черными кружочками, и множество отщепов из обсидиана.

¹ Нами раскопано 3 таких кургана и осмотрено 4 кургана этого типа. Аналогичный курган раскопала там же Л. П. Татчян. Интересно отметить, что после нас такие же массовые погребения, сопровождаемые мешочной керамикой, обнаружены А. П. Кругловым в Северном Дагестане (КС ИИМК, 1939, вып. V, стр. 66).

² Краткие сообщения, вып. XX

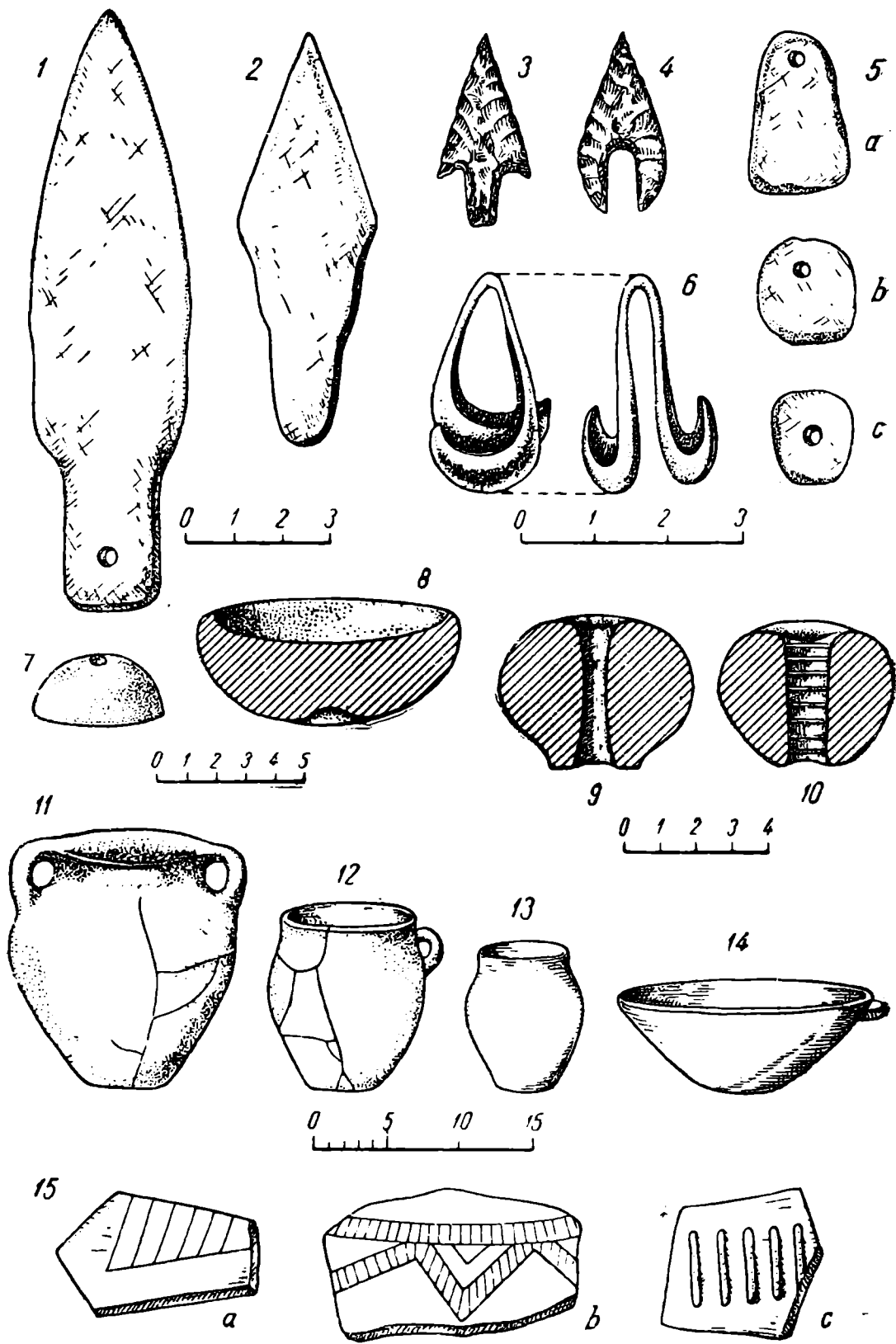

Рис. 8. Находки из курганов

1, 3, 4, 5: *a*, *b*, *c*, 7-9, 11-14, 15: *a*, *b*, *c* из кургана № 119, 2, 6, 10 из кургана № 125

Краткое списание добытого из среднего слоя кургана инвентаря приводится ниже (рис. 8).

1) Шаровидный наконечник булавы из мраморизованного плотного белого известняка с вытянутым, слегка выступающим основанием и сквозным отверстием (рис. 8—9).

2) Плоский кованый медный двусторонний кинжал с язычком и сквозным отверстием в нем для прикрепления рукоятки (рис. 8—1). Задняя половина клинка тупая; толщина кинжала 0.2 см.

3) Пять наконечников стрел со стерженьком довольно аккуратной выделки (рис. 8—3); из них 4 изготовлены из красного кремня и один из камня желтого цвета. Стрелы описанных форм известны для Азербайджана лишь по раскопкам Моргана в Ленкорани.¹

4) Один небольшой обсидиановый наконечник стрелы с глубокой выемкой довольно чистой работы и несвойственной эпохе развитой бронзы техники изготовления (рис. 8—4).

5) 18 обсидиановых отщепов в виде ножей и скребков, из которых некоторые имеют следы их применения в быту.

6) 2 каменные «ступки»: одна — из пористого известняка с углублением в основании (рис. 8—8), другая — из серого песчаника с округленным основанием.

7) 5 костяных пряслиц формы полушара с просверленным сквозным отверстием (рис. 8—7). Пряслица, сделанные как и эти, из головок бедренных костей, найдены раньше в кушунском каменном ящике № 31.²

8) 3 золотые оболочки от пастовых бус округлой формы, диаметра около 0.4 см. Подобная буса, но удлиненной формы, найдена раньше в княжеском кургане № 2 возле Ханлара.³

9) 6 плоских каменных привесок с просверленным насквозь отверстием (рис. 8—5a—c), из коих 5 изготовлены из черной яшмы (?) и одна из серого кварца с прослойками других пород.

Керамические изделия найдены в среднем слое двоякого типа: а) неорнаментированные темнобурые сосуды типа найденных в кургане № 103, они изготовлены с помощью тканевых мешочков и имеют блестящую лощеную наружную и тщательно сглаженную внутреннюю поверхность; б) черепки чернолощеных сосудов с орнаментом, нанесенным тонким врезом (рис. 8—15a—b); один из них (15c) имеет рельефные налеты в виде ребрышек. Из собранных обломков керамики первого типа реставрировано 7 сосудов; среди них 3 кувшина с двумя ушками (рис. 8—11), один — с одним ушком (рис. 8—12), один — без ручек (рис. 8—13) и 2 тарелкообразные миски, из коих меньшая с боковым выступом (рис. 8—14).

Прочие обломки дают те же формы.

Под описанным слоем в кургане сохранился более древний культурный слой около 20 см толщины. Он содержал окаменелые остатки человеческих костяков, количество которых установить уже нельзя было. Никакого погребального инвентаря при них не было, кроме одного красного черепка собственной неолиту ямочной керамики.

Курган № 125 расположен в 55 м к востоку от шоссе и 153 м к югу (210°) от описанного кургана. Он имел удлиненную расплывчатую насыпь на небольшом естественном выступе местности. Его диаметр был равен приблизительно 9 м при высоте 0.8 м. Западная половина кургана была сильно повреждена при добыче камня населением Степанакерта. Как показали раскопки, из кургана добывался и раньше камень. Под хорошо

¹ J. de Morgan, *Mission scientifique en Perse*, Paris, 1896, t. IV.

² Я. И. Гуммель, *Археол. очерки*, Баку, 1940, № 65, стр. 141.

³ Jacob Hummel, *Zur Archäologie Azerbeidžans*, ESA, т. VIII, № 44, стр. 226.

задернованным поверхностным слоем лежали в беспорядке черепки сосудов эпохи бронзы и энеолита, 44 обсидиановых отщепа и разбросанные человеческие кости.

Под верхним слоем эпохи развитой бронзы был обнаружен, как и в кургане № 119, замурованный слой с массовым погребением, который почти целиком был снесен в прежние годы. В нем сохранился хорошо только один человеческий костяк, покоившийся на левом боку, с необычно сильно подтянутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Череп костяка лежал на речном голыше; направление костяка СВ (голова) — ЮЗ (ноги) (40°). Выше черепа, а также у ног его лежали по одному скелету козы. При костяке был найден следующий погребальный инвентарь:

1) Шарообразная булава с блестящей полированной поверхностью (рис. 8—10), весьма искусно изготовленная из магнетита (определил автор и подтвердил геохимик Г. Эфендиев). Она лежала с левой стороны черепа. Головка булавы насквозь просверлена для надевания. На стенках просверлены заметно чередующиеся друг с другом кругообразные параллельные выступы и желобки, дающие в первый момент впечатление винтовой нарезки. Указанные круги образовались, видимо, при сверлении с помощью полой палочки, воды и песка, благодаря замене изношенных песчинок новыми. Такого рода изящное изделие, сделанное из довольно хрупкой мелкокристаллической железной руды, нами встречено впервые.¹ Аналогичные булавы известны из раннеметаллического слоя Телейлат Гассул в Палестине² и из Алишарского холма в Анатолии.³

2) Медный кованый плоский наконечник копья с язычком для прикрепления (рис. 8—2). Наибольшая толщина копья 0.25 см; оно лежало у изголовья костяка возле скелета козы.

3) Пять стерженьковых наконечников стрел из красного кремня такой же формы и величины, как стрелы из кургана № 119 (рис. 8—3).

4) Одно довольно большое изделие из червонного золота, напоминающее серьгу (рис. 8—6). Украшение сделано весьма изящно из листового золота 0.5 мм толщины. Длина его 3 см, ширина 1.7 см, толщина нижней расширенной части 0.6 см. Украшение лежало под черепом. Фрагменты одной половины такой же, но бронзовой привески известны из Дагестана.⁴

5) Каменная ступка со слегка вогнутым основанием, лежавшая возле булавы. Она похожа на ступку из кургана № 119 (рис. 8—8).

6) 31 обсидиановый отщеп невыработанной формы, в том числе один крупный обломок желвака, от которого откалывались пластинки (нуклеус). Они были подобраны на всей погребальной площади.

7) Много фрагментов «мешочной» керамики известного уже типа.

¹ Такая же булава, но из гематита, случайно найденная крестьянами на Цалке (Груз. ССР), несомненно, древнее цалкинских курганов старшей группы, с которыми ее связывает Б. А. Куфтин (ср. «К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии». КС ИИМК, 1940, вып. VIII, стр. 5—35). Совершенно вероятно, чтобы крестьяне рылись в таком кургане до глубины свыше 9 м; к тому же имеющиеся в нашем распоряжении стратиграфические данные говорят о том, что булаву следует связать с более древними цалкинскими погребениями — ящичными и под камнем, дающими (лично виденными нами у Б. А. Куфтина) широкие чашки и маленькие широкогорлые горшки, аналогичные степанакертским (ср. указ. соч., стр. 22—23). Привлечь эту булаву в качестве материала для характеристики цалкинских курганов младшей группы ни в коем случае нельзя (ср. указ. соч., стр. 31).

² А. Jirku. Einige Kleinfunde aus Palästina u. Syrien. Ztschr. Deutschen Morgenländ. Gesellschaft, 1934, т. 132, стр. 168—169.

³ Erich v. Schmidt. Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar Mound 1927—1929, Chicago, 1931, стр. 91, рис. 138.

⁴ Е. И. К р у п н о в. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Тр. ГИМ, М., 1940, вып. XI, табл. I, рис. 3.

Непосредственно под замурованным костью оказалась могила почти квадратной формы с округленными углами. Длина ее 2.1 м, ширина 1.9 м, глубина 2.0 м; направление главной оси СЮ (25°). Могила была завалена речными гольшами. На дне ямы лежало 7 костью взрослых людей в скорченном на боку положении, с согнутыми в коленях ногами. Многие части были покрыты довольно толстым слоем красной охры, что констатируется для Азербайджана впервые. Кроме 8 обсидиановых отщепов мало выработанной формы и древесных угольков в могиле ничего не оказалось.

На основании стратиграфических данных и типичных предметов могильного инвентаря (каменные булавы, стрелы, плоское медное оружие и пр.) средний культурный слой курганов № 119 и 125, перекрытый слоем эпохи «развитой бронзы», а равно и курган № 103 могут быть датированы рубежом III и II тысячелетий до н. э. Что касается погребений в нижнем культурном слое описанных курганов, то не исключена возможность принадлежности их к эпохе неолита.

МОГИЛЬНИКИ С СОЖЖЕНИЕМ НА ЮЗ ОТ ХАНЛАРА¹

Курган № 10. На ЮЗ от Ханлара, возле дороги в школьный фруктовый сад (рис. 9), находились остатки какой-то искусственной насыпи из гачи и небольших обломков красного шифера. Диаметр почти уже снесенной жителями Ханлара насыпи был равен 5 м, а наибольшая высота — 1 м. При удалении остатков насыпи никаких находок не было сделано. Лишь в центре лежала на природном грунте плита красного шифера (1.27 × 1.0 × 0.1 м), на которой оказались незначительные остатки полусгнившего ствола можжевельника — *Juniperus polycarpus*, много золы и угля, а среди них — обожженные человеческие кости и черепки от красноглиняного кувшина без орнамента, формы, изображенной на рис. 10—1, но с парными ушками, прилепленными к основанию широкого вытянутого горлышка.

Могильник № 20. Недалеко от описанного кургана наше внимание привлек большой ток для молотбы хлеба, расположенный к западу от Зурнабадского шоссе, в 145 м от княжеского кургана № 2 (рис. 9). Судя по топографии местности, под током должен был быть тот или иной памятник древности, несмотря на то, что никаких внешних признаков не было заметно и поверхностный слой тока был тверд, как природный грунт. Предположения наши оправдались: раскопками был вскрыт исключительно интересный могильник с сожжением трупов.

Приблизительно в центре тока (рис. 10) оказалась кругообразная площадка (рис. 10—1) радиусом в 3 м, опоясанная вырытым в грунте желобом. Глубина желоба 0.4—0.85 м, ширина 0.25 м. В желобе, на расстоянии около 0.9 м друг от друга, стояло 22 можжевельниковых, *Juniperus polycarpus*,² столба, прочно укрепленных в земле речными гольшами. Столбы в нижней части сильно сгнили, а в верхней обгорели и превратились частично в уголь. В остальном желоб был утрамбован бурой глиной, перемешанной золою с углем, благодаря чему границы его резко выделялись на белом грунте. В северо-восточном секторе желоб сливается с грунтовой ямой огромного могильника с сожжением.

Описанные факты показывают, что мы имеем дело с каким-то деревянным сооружением, связанным с обрядом сожжения трупов. На органи-

¹ Инвентарь описываемых дальше погребений хранился в Ханларском музее.

² Я. И. Гуммель. К проблеме археоботаники Закавказья. Сообщения Груз. ФАН, 1940, т. I, № 10, стр. 749.

ческую связь его с могильником указывает вход, устроенный в северо-восточной части сооружения, и ведущая к нему из могильника дорожка в виде откоса. К сожалению, при устройстве тока культурный слой внутри сооружения был снесен. Раскопками установлено лишь, что на круго-

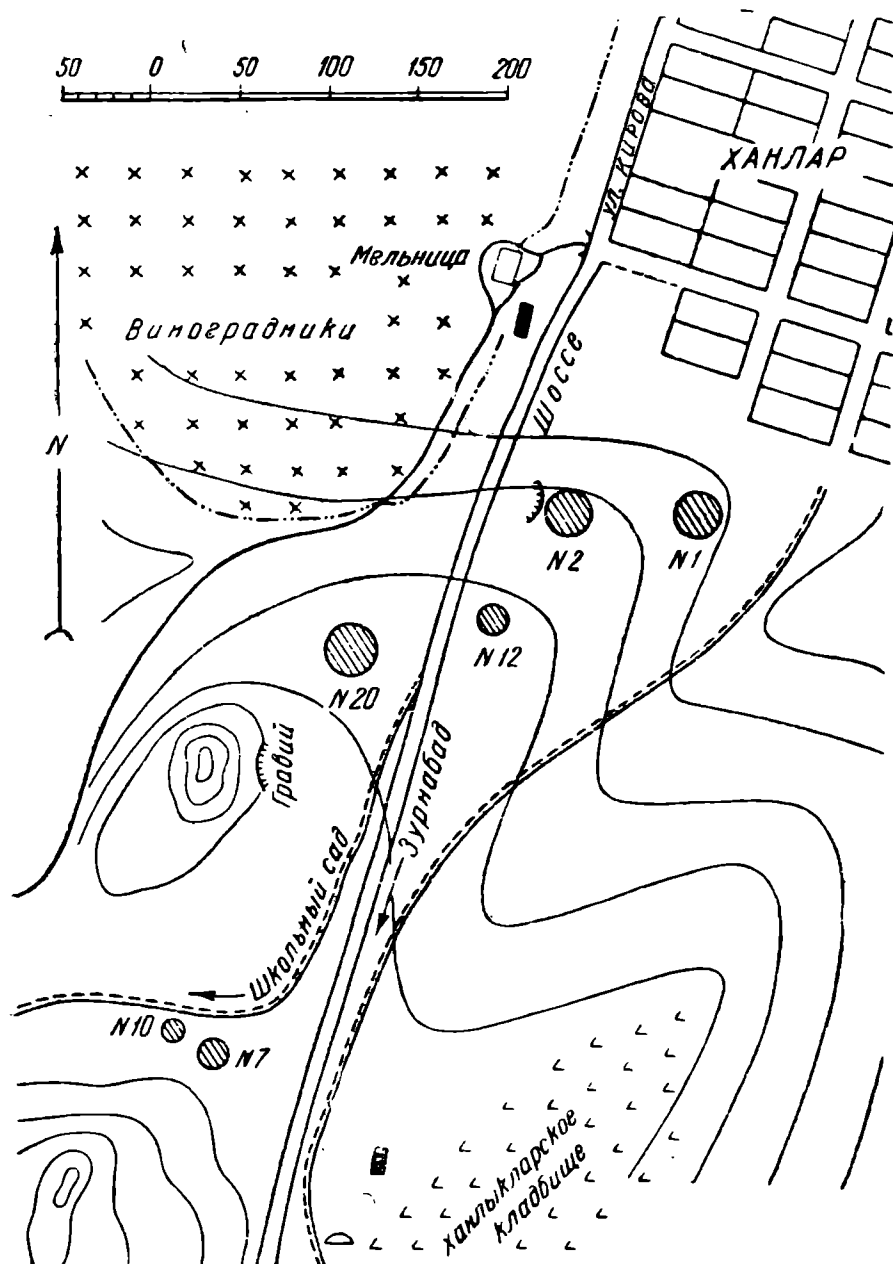

Рис. 9. Ситуационный план могильника на ЮЗ от Ханлара

образной площадке пылал когда-то сильный огонь, окрасивший поверхностный слой в кирпично-красный цвет. Горел ли на полу сооружения длительное время «священный огонь», или это следы пожара — сказать трудно. Не исключена, однако, возможность, что кругообразное сооружение служило в качестве «башни молчания» (дахмы), на которой у маэдистов и брахманистов более близкой к нам эпохи выставлялись трупы покойников (до их сожжения) на съедение птицам.

С северо-восточной стороны к кругообразной площадке прилегает могильник в виде огромной, неправильной формы, ямы, вырытой в белом

природном грунте (рис. 10—II). Половина южной стенки могильника, прилегающей к желобу, отвесна и обложена стоячими речными глыбами; остальная часть стенок состоит из дуг, нишеобразно спускающихся в глубь материка, причем в больших нишах имеются в некоторых случаях еще ниши меньшего размера. Дно могильника неровное: имеются незначительные углубления, в особенности в северо-восточной части. Глубина ямы колеблется в пределах 0.5—0.75 м. В восточной стороне, недалеко от входа в

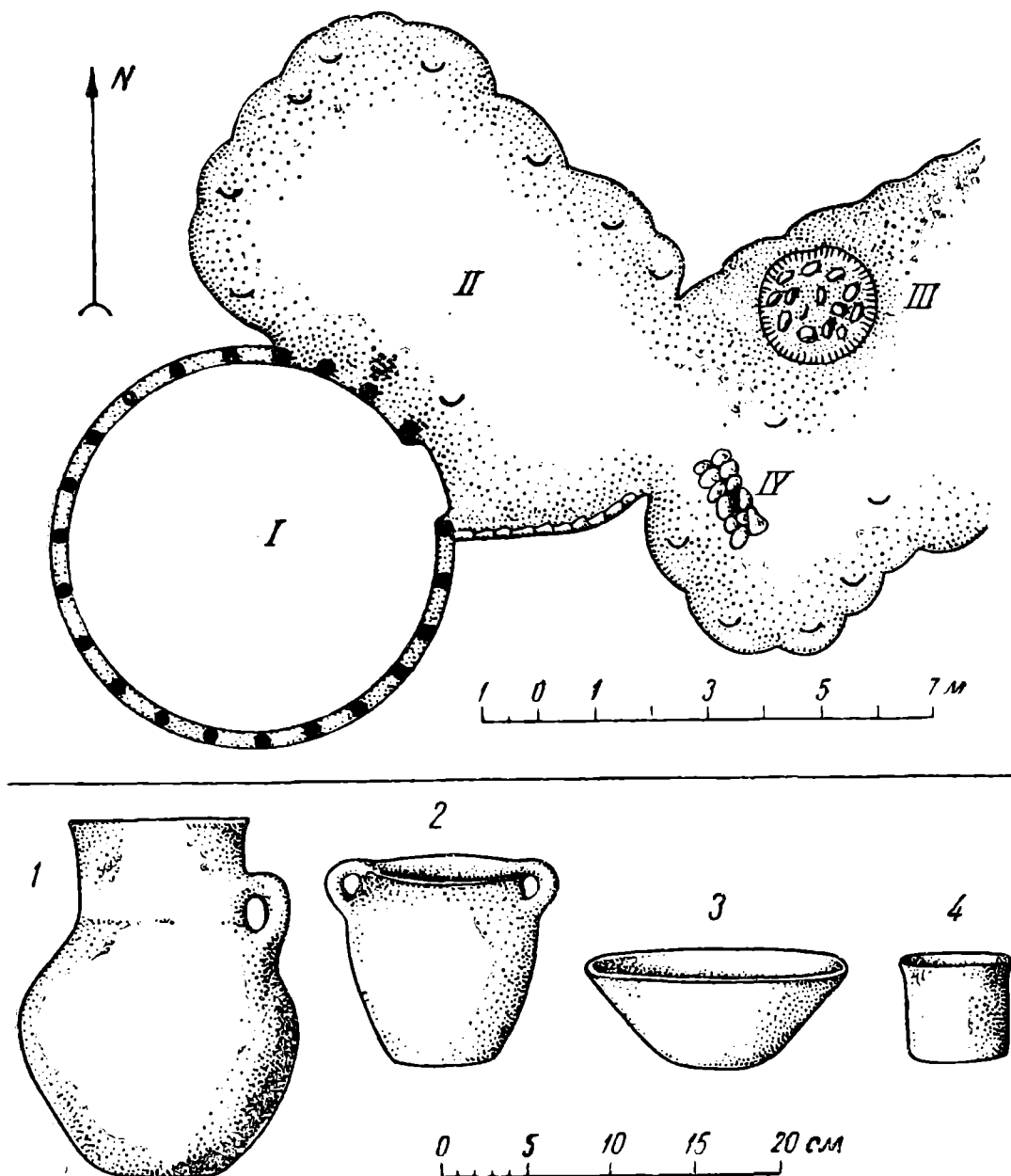

Рис. 10. Могильник № 20. План и керамика

могильник, имеется более глубокая яма (рис. 10—III), в которой пылал в свое время большой костер, отчего природные стенки ее окрасились в кирпично-красный цвет, находившиеся тут и там булыжники покрылись толстым слоем копоти и частично превратились в шлаки. К ЮЗ от ямы были сложены в виде стенки большие валуны (рис. 10—IV) (жертвенник?).

Нишеобразные выемки в боковых стенках грунтовой ямы, а также большая часть самой ямы возле ниш были заполнены золой, в которой оказалось много кусков древесного угля, каменных шлаков и кусков сильно

обожженной глины, затем — большое количество сильно обожженных человеческих костей (среди них черепные кости, ребра, кости рук и ног взрослых людей и детей) и много черепков, главным образом красной керамики, подобных черепкам из кургана № 10. Все это представляло одну хаотическую массу, прикрытую сверху сперва желтой глиной, а затем нетолстым слоем белой сажи, насыпанной впоследствии при устройстве тока.

Ввиду отсутствия следов сильного огня в местах находок указанной хаотической массы, приходится предполагать, что сожжение трупов совершалось на костре в яме у входа в могильник. Какое назначение имели найденные в могильнике керамические изделия, служили ли они в качестве пепельных урн для пищи — в процессе раскопок нельзя было выяснить, так как все они оказались в черепках и к тому же многих кусков не достало, что можно объяснить устройством на могильнике тока. Пришлось потратить немало времени на реставрацию наиболее характерных форм сосудов. В результате этой кропотливой работы удалось выявить следующие четыре формы сосудов:

1) Красноглиняные кувшины не особенно крупной величины, с округлым телом, плоским доньшком и высоким, широким горлышком, в нижней части которого прилеплена одна (рис. 10—1) или две небольшие дугообразные ручки. Найдены черепки 7 таких сосудов.

2) Кувшины меньших размеров с плоским дном, слегка загнутым краем широкого горлышка и двумя ушками, приделанными к верхнему краю (рис. 10—2). Найдены черепки от 6 сосудов, из них 4 изготовлены из темносерой глины, остальные — из красной. Один из кувшинчиков имеет вокруг расширенного тела 4 шишкообразных выступа.

3) Тарелочка из красной глины с красной облицовкой стенок и вогнутым доньшком (рис. 10—3).

4) Маленький цилиндрической формы кубок без ручек (рис. 10—4).

Все сосуды, добытые из могильников № 10 и 20, небольшой величины и отличного обжига; они изготовлены ручным способом с помощью устойчивых основ (характерная слоистость черепка). Блестящая наружная поверхность их лощена, а внутренняя — тщательно сглажена; толщина стенок около 0.7 см, венчик утончается. Всем этим, а равно и формой своей они поразительно похожи на мешочную керамику из степанакертских курганов. Могильник № 20 связывается с указанными курганами также наличием кругообразного желоба одинаковой ширины и глубины с желобами курганов № 103 и 119; совпадают и направления осей, проведенных через центр кругообразной площадки, и вход в этом могильнике и в кургане № 119. Ввиду этого, несмотря на различие в обряде погребения, можно, без каких-либо натяжек, считать описанные могильники синхроничными степанакертским курганам и датировать их тем же рубежом III и II тысячелетий до н. э.

Тем самым датируется и изученный в свое время Э. Реслером на ЮВ от Ханлара курган № 31 с сожжением,¹ давший такой же желоб и аналогичную керамику, а также описанный им же курган с сожжением на юг от Ханлара, имевший желоб в виде эллипса.² Раскопки первого из указанных курганов, к сожалению, не были доведены до конца, а во втором, вследствие устройства тока, произошло смешение культурных слоев различных эпох.

¹ Verhandl. d. Berl. anthr. Gesellschaft, 1902, стр. 141—142 и Отчет Археол. комиссии, 1900, стр. 70—71.

² Verhandl. d. Berl. anthr. Gesellschaft, 1902, стр. 141—142 (на русск. яз. не издан).

МОГИЛА № 12 НА ЮЗ ОТ ХАНЛАРА

Могила расположена с восточной стороны Зурнабадского шоссе в 70 м от кургана № 2 и 80 м от могильника № 20 (рис. 9). Не имея никаких обычных внешних признаков, она была обнаружена в результате многолет-

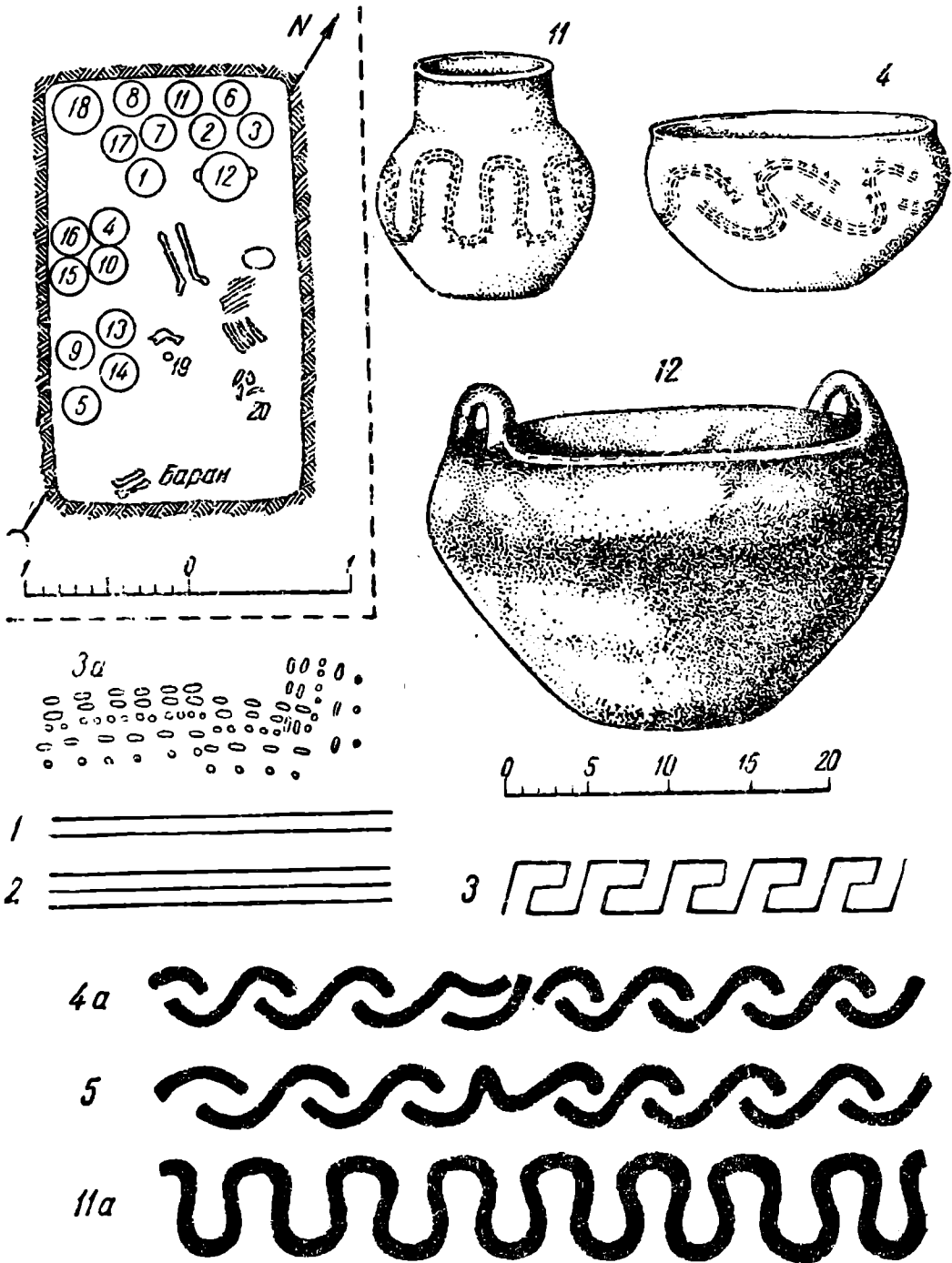

Рис. 11. Могила № 12. План могилы, керамика и орнаменты на сосудах

него изучения растительного покрова данной местности. В пределах заранее отмеченного нами на поверхности прямоугольника была очищена могильная яма, ориентированная с ССВ на ЮЮЗ (148°), следующих размеров: 2.6 × 1.55 × 1.4 м. Яма была заполнена белой глиной, перемешанной с кусками красного шифера и речными камнями. На высоте 30—40 см от дна

могилы были следы деревянного перекрытия в виде древесной муки бурого цвета. Под слоем указанной трухи в восточной части могилы (рис. 11) лежали остатки человеческого скелета: черепная коробка, в значительном расстоянии от нее — нижняя челюсть, полуистлевшие остатки бедренных и больших берцовых костей и некоторые ребра. Остатки костяка не дали возможности судить о первоначальном положении покойника. У юго-восточной стенки оказались полусгнившие кости барана.

Могильный инвентарь не отличается разнообразием форм. Найдены: 1) 18 глиняных сосудов (рис. 11, врезка), стоявших отдельными группами преимущественно в западной половине могилы; 2) одно маленькое медное колечко, лежавшее около нижней челюсти; 3) 6 кремневых отщепов невыработанной формы. Шесть из указанных сосудов были сравнительно большие буро-глиняные кувшины плохого обжига, рассыпавшиеся, несмотря на принятые меры предосторожности и превратившиеся в песок. Все прочие сосуды находились в более или менее хорошей сохранности.

Обнаруженная здесь керамика со всеми указанными уже выше характерными признаками керамики энеолитической интересна со стороны формы некоторых сосудов и метода их орнаментации. На наружной глянцевой поверхности большинства сосудов имеется оригинальный орнамент, нанесенный с помощью вращающегося на оси валика с 5 рядами выступающих зубчиков. Зубчики первых двух горизонтальных рядов — удлиненной формы и стоят параллельно друг против друга в виде знака равенства, в третьем ряду они имеют вид двоеточия; в четвертом — штриха и в пятом — точки. Указанная комбинация повторялась на валике шесть раз. Водя валиком по еще сырой глине, получали врезанные зубчиками орнаменты в форме точечных валиковых дорожек (рис. 11—3а).

Сосуды представляют собой однотипные небольшие черноглиняные миски формы, изображенной на рис. 11—5, 4. На сосуде 1 орнамент состоит из двух параллельных линий, проведенных с помощью валика вокруг тела сосуда (рис. 11—1); на сосуде 2 — из трех параллельных валиковых дорожек; сосуд 3 украшен таким же методом меандром; 4—5 — орнаментом, полученным движением валика. Миска 6 не орнаментирована; на 7—8 вместо валикового орнамента вокруг тела тянутся два параллельных неглубоких и сравнительно широких желобка. Сосуд 9 отличается от описанных тем, что в верхней его части нанесено украшение в виде семи неглубоких параллельных линий, а также слегка выпуклым донышком, выступающим на 0.1 см.

Сосуды 10—11 — небольшие черноглиняные кувшинчики с вытянутым широким горлышком без ручек и с плоским донышком. Кувшинчик 10 не орнаментирован, на поверхности 11 проведен валиком орнамент в виде волнистой линии (рис. 11—11а).

Весьма интересной по форме является сравнительно большая котлообразная миска 12 с двумя уникальными ушками, приделанными к верхнему краю сосуда. Изготовлен сосуд от руки из весьма прочной черной глины отличного обжига. Наружная поверхность у него неровная и не имеет признаков орнаментации.

МОГИЛА № 139 В ДОЛИНЕ ГАНДЖА-ЧАЯ

Исключительно важные стратиграфические данные добыты при раскопках больших родовых домов в поселении № 1 в долине Ганджа-чая.¹ В верхних слоях этого поселения обнаружено много впускных погребений, некоторые из них — с могильным инвентарем, датирующим их I—II вв.

¹ Я. И. Гуммель. Археол. очерки, Баку, 1940, № 65, стр. 80—127 («Поселения эпохи бронзы на западе от Ханлара»).

н. э. При сооружении могильных ям частью разрушались стены родовых домов № 115 и 118, расположенных между сооружением № 58 и ограждающей виноградники стеной.¹ Культурный слой этих домов, насыщенный

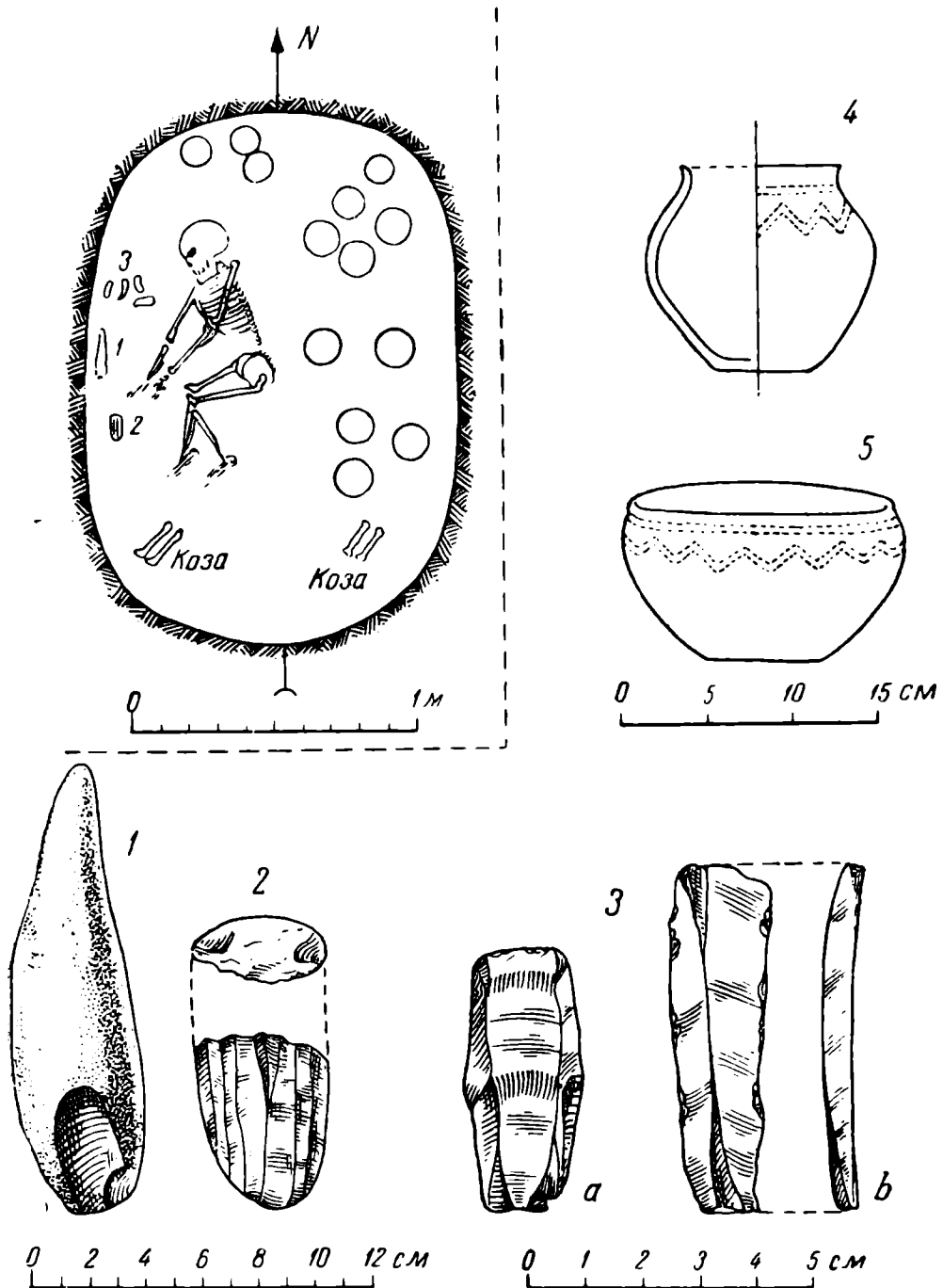

Рис. 12. План и инвентарь могилы № 139

ный множеством обломков черной и красной керамики, каменных орудий (молоты, кремневые вкладыши серпов, стрела, ножи и скребки) и костей животных, относится ко второй стадии эпохи бронзы и датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. Под полами и стенами этих сооружений

¹ Ср. ситуационный план в указ. соч., стр. 81. Рисунки родовых домов № 115 и 118 пока не опубликованы.

оказалась неолитическая стоянка, датируемая III тысячелетием до н. э., с большим количеством каменных орудий (шлифованный молоток с отверстием, много кремневых нуклеусов, кремневые ножи и скребки характерной для неолита выработки) и желто-красной круглодонной керамикой с кругообразными ямками или засечками на верхнем крае невыраженного венчика. Культурный слой стоянки на месте дома № 115 был частично снесен при сооружении могилы № 139 в эпоху энеолита (рубеж III и II тысячелетий до н. э.).

Могила (рис. 12) имела овальную форму и была замурована речными глыбами на глиняном растворе. Ее диаметры — 1.9 и 1.35 м; глубина — 1.2 м, считая от твердого грунта под неолитической стоянкой, и 2.5 м — от современного уровня почвы.

В могиле лежал скорченный на правом боку костяк старика с сильно согнутыми ногами. Черепная коробка его весьма малых размеров, но с очень толстыми стенками (толщина теменной кости 0.9 см); зубы в верхней челюсти чрезмерно изношены, но без дупла (зарубцованы?!). Черепной индекс

$$x = \frac{132 \cdot 100}{160} = 82.5 \dots \text{ брахикран.}$$

В южной части могилы найдены кости двух коз и древесные угольки. Перед костяком лежали: каменный молот-ударник (рис. 12—1) с признаками работы на нем; 2 нуклеуса из киликдагского кремня, приспособленные под долота (рис. 12—2); 19 ножей и скребков (рис. 12—3а, б) из кремня, яшмы и обсидиана. Металлических изделий в могиле не обнаружено.

У изголовья и за костяком было 13 желтоглиняных сосудов, большинство в обломках, со всеми характерными чертами керамики энеолита; 9 склепанных сосудов дали следующие формы:

1) 3 однотипных кувшинчика с широким слегка вытянутым телом, плоским доньшком и точечным орнаментом из двух параллельных прямых и двух зигзагообразных пунктирных линий, охватывающих верхнюю часть сосуда (рис. 12—4).

2) 6 мисок формы, изображенной на рис. 12—5. Одна из них имеет выпуклое, почти округлое доньшко и не орнаментирована; остальные имеют плоские доньшки и тот же точечный орнамент, что и кувшинчики.

Если не учитывать цвета глины, то тип точечной керамики из описанного погребения вполне аналогичен керамике с точечными валиковыми дорожками из могилы № 12, что дает основание отнести и ее к эпохе энеолита.

К могилам, о которых идет речь в настоящей статье, надо добавить стратиграфически датированные 3 грунтовые погребения под культовым курганом № 36 в долине Ганджа-чая¹ и средний культурный слой киликдагских мастерских, «мешочную» керамику,² а, возможно, в дальнейшем и некоторые из длинных родовых домов поселения № 1 в долине Ганджа-чая.³ Этим исчерпываются памятники различных стадий энеолита, изученные до настоящего времени на территории Азербайджана. Большинство из них датировано не только на основании сравнений с другими находками, но и по стратиграфическим данным, ввиду чего дома, как и добытый из них инвентарь, могут считаться руководящими при датировке изучаемых памятников древнего Азербайджана и соседних с ним республик.⁴

¹ Я. И. Гуммель. Указ. соч., стр. 103—119.

² Его же. Памятники древности в окрестностях Киликдага, Изв. АзФАН, 1941, № 2, стр. 27—40.

³ Его же. Археол. очерки, Баку, 1940, стр. 80—127.

⁴ Вновь открытым энеолитическим памятникам культуры крашеной керамики нами посвящена специальная статья «Раскопки на ЮЗ от Ханлара (Азерб. ССР), 1941 г.».

квадров кладки может указывать на то, что стены были, вероятно, покрыты штукатуркой и росписью, как это обычно наблюдается в храмах VII в. (например, в кафедрале Н. Талина, Талыша, Мастары и многих других).

Наружная композиция (рис. 13, 15) полностью отвечает внутренним объемам: северной, западной и южной экседрам снаружи отвечают прямые

Рис. 13. Общий вид древнеармянской церкви близ с. Воскепар (с сев.-вост. стороны)

ветви креста с выступающими между ними углами; восточная экседра зажата между прямоугольными выступами хоранов. Ветви креста завершены довольно пологими щипцами. Над этой основной частью здания возвышается мощный восьмигранный барабан, увенчанный низким конусом; барабан украшен по ребрам граней парными полуколонками (сильно обветрились и

потому не все сохранились), соединенными арками. Эта аркатура придает несколько облегченный вид всей верхней тяжелой части здания, сравнительно с его совершенно монолитным нижним крестообразным массивом.¹

Таковыми же, как на барабане, парными полуколонками обработаны и порталные выступы по сторонам южного и западного входов, соединенные сильно выступающей аркой (рис. 16). В тимпане западного входа помещен плоско вырезанный рельефный процветший крест с расширенными концами и завитками (рис. 17). Декоративное убранство снаружи также почти отсут-

Ц. в ВОСКЕПАРЕ

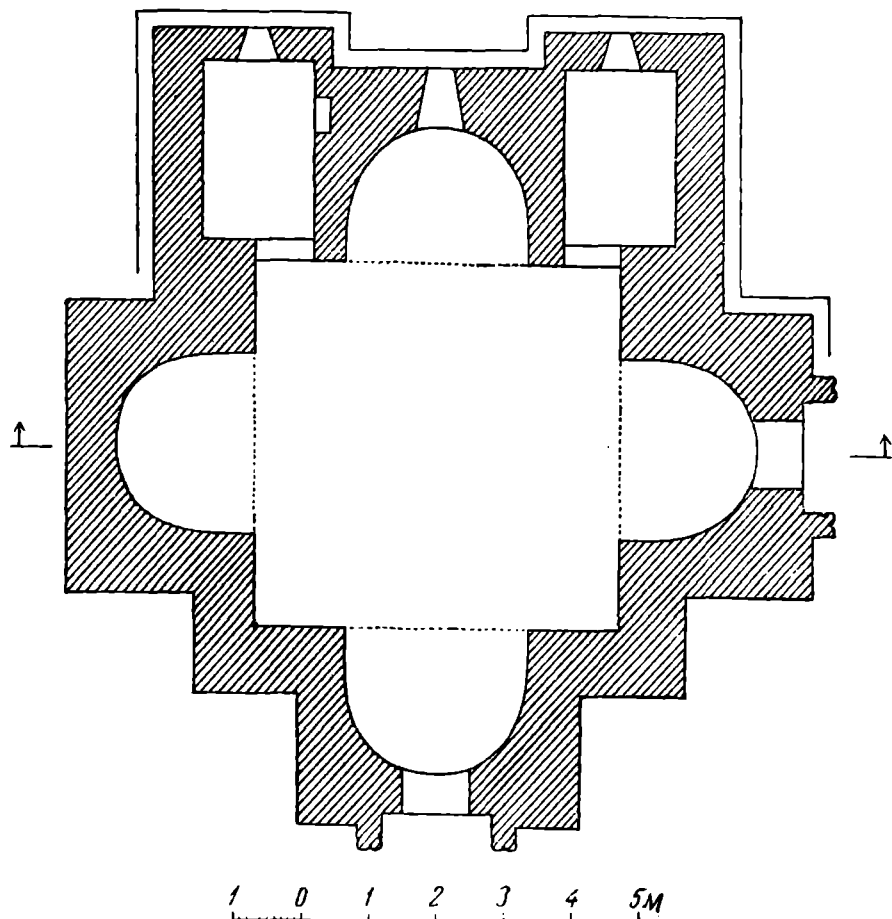

Рис. 14. План (по обмеру автора)

ствует, если не считать простых профилированных бровок над южным и западным входами и на восточной стороне хоранов в виде полувалика и полочки; лишь бровка восточной ветви креста украшена пальметками, следующими одна за другой, обращенными вверх, и простым четырехконечным крестом в вершине бровки. Все здание поставлено на двухступенчатый цоколь.

В композиции храма внутри и снаружи доминирует столпообразный массив, состоящий из куба и широкого восьмигранного барабана с конусом покрытия; к этому основному массиву примыкают сравнительно слабо выступающие ветви креста. Восточные хораны резко понижены, почему в

¹ Г. Н. Чубинашвили усматривает в обработке барабана церкви Воскепара «игрушечную формовку», что вызывает сомнение (см. его статью «Армянское искусство с конца IX и до начала XI в.» в сб. «Сасунский Давид», изд. Тбилисского гос. ун-га, Тбилиси, 1939, стр. 31).

общей компановке масс они играют второстепенную роль. Весь архитектурный рисунок храма крайне прост и вместе с тем очень выразителен; вся композиция здания передана с предельной лаконичностью; зодчий почти отказался от декоративного убранства, подчеркивая этим монументальность форм здания.

Качества эти указывают на большое мастерство и художественный такт зодчего, воспитанного на лучших традициях армянской классической архитектуры. В этом убеждает сравнение здания с такими памятниками ранне-средневекового армянского зодчества, как большие храмы VII в.: в Багаране (631 г.), Мастаре и Артике (оба без точной даты; обычно их относят к середине VII в.).¹

Все они следуют центрическому архитектурному принципу, выраженному в виде крестово-купольной системы, генезис которой уходит в античность.² Сложилась она на почве Сирии уже в VI в.³ В Армении эта система впервые выступает именно в форме тетраконха (т. е. в виде крестообразного купольного здания, где четыре ветви креста заняты экседрами), что также хорошо известно в греко-восточной архитектуре еще римского времени⁴ и ранне-средневековой.⁵ В VI и VII вв. эта система получила в Армении вполне самостоятельное и богатейшее развитие, начиная с первоначального собора в Вагаршапате, как его реконструирует Т. Тораманян.⁶ Основная тенденция этого развития была направлена именно к объединению внутреннего пространства и к максимальному выражению его центричности. Такие памятники VI и VII вв., как храм в Аване (близ Еревана) еще VI в., затем храмы в Арамусе, Сасиане (Зангезур), Адиамане (Талинского района), наконец, знаменитая церковь Рапсима близ Вагаршапата 618 г., а в Грузии не менее знаменитый храм Джвари близ Мцхеты, хорошо рисуют это развитие, в котором зодчие Армении и Грузии достигли выдающихся результатов. Но на этом армянские зодчие не остановились. На основе той же архитектурной системы ими были созданы новые и очень своеобразные решения, в которых единство внутреннего пространства получило предельно полное выражение. Внутренние экседры были вынесены наружу, за пределы подкупольного пространства. Наружная композиция приобрела крестообразность. Таковы те несколько армянских храмов VII в. (церковь в Багаране, Мастаре и Артике), которые дают ближайшие и прямые параллели церкви в Воскепаре. Памятник этот, таким образом, следует включить в ту же архитектурную группу.

---

¹ М. Тер-Мовсисян. Раскопки развалин церкви Григория близ Эчмиадзина. Изв. Археол. комиссии, вып. 7, 1903, стр. 43; Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, стр. 76, 77. Лишь Г. Н. Чубинашвили (в указ. статье) храм в Мастаре относит «в конец IX в.», а в Артике — «в конец X в.» (стр. 30, 33). Основанием этой датировки Г. Н. Чубинашвили считает свой «архитектурно-художественный анализ» (стр. 30), который, однако, в работе не дан. Датируя и многие другие выдающиеся армянские памятники VII века IX—XI веками, автор приходит к выводу, что вся армянская архитектура IX—XI веков (которая, в действительности, была создана в VI—VII веках) являет «безотрадную картину» (стр. 33).

Основанные на этих произвольных передатировках взгляды Г. Н. Чубинашвили на армянское архитектурное творчество средневековья следует отвергнуть.

² Преторий в Мусмие. Vogüé. Syrie centrale, табл. 7.

³ Церковь в Иль-Андерине VI в. и церковь вне стен Русафы 569—582 гг.

⁴ В крестообразных постройках, генезис которых связан с архитектурой мавзолеев римской Сирии и Малой Азии, прямые ветви креста очень рано стали заменять экседрами: см. например, мавзолей в Сардах, II в. н. э. (H. C. Butler. Sardis. Publications of the American Society of the excavation of Sardis, Leiden, 1932, стр. 174).

⁵ Например, баптистерий в базилике в Тебессе V в. (Сев. Африка). S. Gsell. Les monuments antiques de l'Algérie, т. II Paris, 1901, стр. 267 и 271—275.

⁶ ЗВОРАО, т. XIX, вып. 1.

Рис. 15. Общій вид здания с сев.-зап. стороны

Рис. 16. Западная ветвь креста здания

Рис. 17. Южный вход (деталь)

Рис. 18. Восточный фасад

Однако нетрудно заметить некоторые существенные отличия этих храмов от церкви в Воскепаре. Во-первых, церковь в Воскепаре по площади своей почти в два раза меньше упомянутых зданий,¹ что при большой вы-

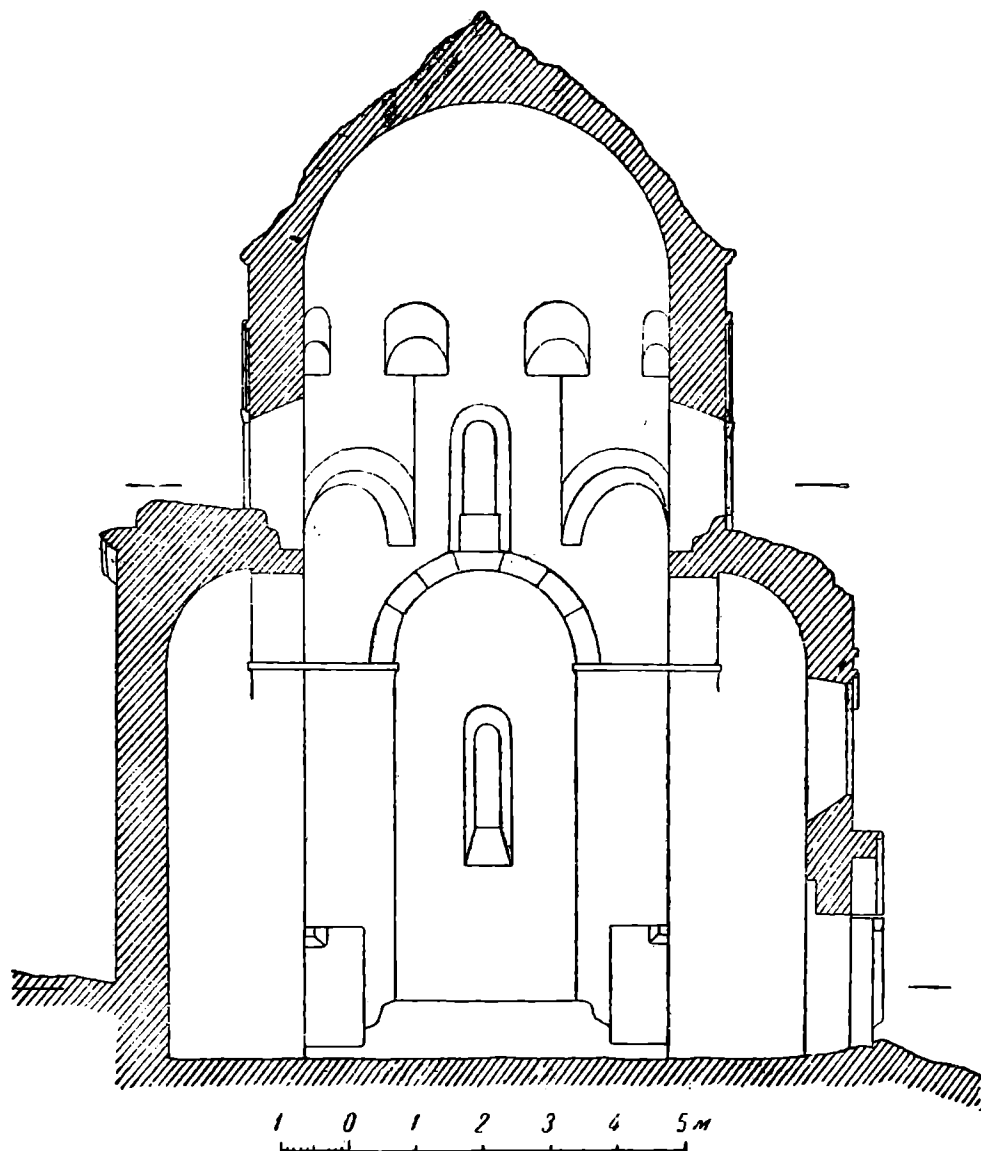

Рис. 19. Церковь близ с. Воскепар. Разрез (по С. В. Тер-Аветисяну)

соте храма придало ему большую стройность, особенно в сравнении с довольно грузным силуэтом церкви в Мастаре. Во-вторых, экседры наружу выступают не в виде гранных или полукруглых объемов, как в той же Мастаре, Багаране и Артике, а в виде прямоугольных ветвей креста, благодаря чему храм в Воскепаре приближается к очень распространенным в Армении и Грузии в VII в. небольшим мемориальным церквям в форме чистого креста (церкви в Лмбаде, Аштараке, Верхнем и Нижнем Талине, на Севане, Бджни и т. д., в Грузии, например, Самцевриси).

Храм в Воскепаре имеет и третью существенную отличительную черту: речь идет о восточных хоранах, фланкирующих восточную ветвь креста и выступающих на 0.57 м вперед (рис. 18). Эта черта, насколько я знаю, не

¹ Длина стороны подкупольного квадрата в Багаране 11.7 м, в Мастаре — 11.2 м, в Артике — 13.9 м, в Воскепаре — 5.4 м.

находит себе параллелей в наличных памятниках ранне-средневекового зодчества Закавказья — ни в Армении, ни в Грузии, зато она неоднократно

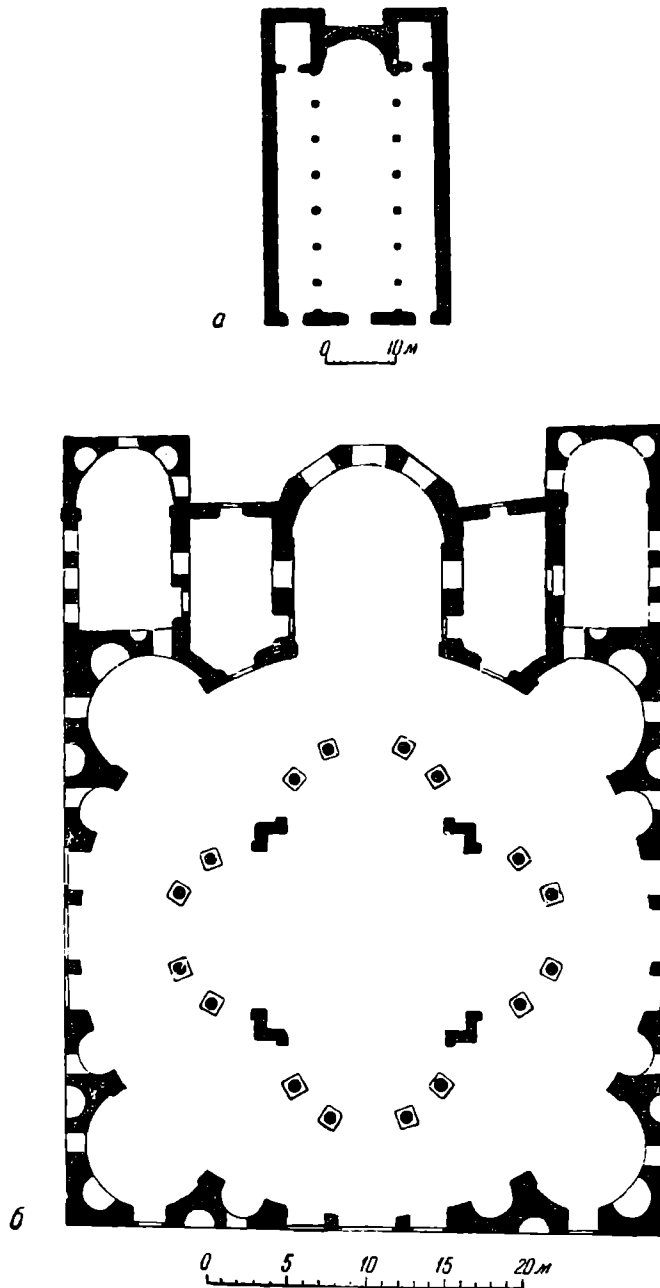

Рис. 20

а — Мадеба. План базилики (по А. Павловскому); б — Босра. План собора 512—513 гг. [по Кроуфут (Crowfoot)].

наблюдается в зодчестве Сирии в V и VI вв. и притом почти исключительно в базиликах.¹ Именно с базиликой, можно думать, и связана ком-

¹ Базилики в Бабиске 401 г. (Н. С. Butler. *Architecture and other arts in northern central Syria*, New York, 1903, стр. 131), Деир-ес-Заферан (J. Strzykowski. *Die Baukunst der Armenien und Europa*, т. II, 1918, стр. 466), в Русафе, Иль-Андерине (Н. Веуер. *Der Syrische Kirchenbau*, Berlin, 1925, стр. 74, 132, рис. 44 и 85), в Мадебе VI в. (А. А. Павловский. *Мадеба*. Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе, т. VIII, 1923, табл. XVII, базилика Е. Ф.), (рис. 20а) в Пальмире (А. Gabriel. *Recherches archéologiques à Palmire*. Syria, т. VII, 1926, стр. 89, табл. XVI). Из центральных построек с такими же выступами по сторонам алтарного полукружия могу назвать лишь собор в Босре 512—513 гг. (рис. 20б).

позиция восточной части храма в Воскепаре, где эта черта выглядит, как рудимент старых, уже отживших архитектурных форм, от которых еще не полностью освободился зодчий храма в Воскепаре.

Надо сказать, что базилический элемент в центрических постройках наблюдается и в некоторых других ранне-средневековых памятниках Армении (имею в виду храм в Иринде Талинского района),¹ но здесь, в Воскепаре, эта черта выглядит особенно архаично, что уже само по себе может дать основание отнести памятник к более раннему времени, чем остальные здания той же группы, начиная с церкви в Багаране 631 г., и отодвинуть его дату к VI в., к которому, кстати сказать, относятся и некоторые упомянутые сирийские базилики с выступающими по бокам апсиды помещениями.²

Не менее архаично выглядит и вся архитектурная обработка здания — аскетически строгая, почти лишенная декоративного убранства, напоминая в этом отношении ранние (V в.) базилики в Аштараке или Кассахе. Особенно это бросается в глаза при сравнении храма с другими памятниками той же композиционной группы, где экседры снаружи обработаны аркатурной на парных полуколоннах (Артик, ср. собор в Талине), барабан усложнен нишами по граням (Мастара, ср. Иринд), карнизы и бровки над окнами украшены резьбой, да и вся компоновка масс усложнена.

Все сказанное косвенно подтверждает мысль, что храм в Воскепаре предшествует этим памятникам. В серии центрических построек доарабской Армении он — один из наиболее ранних, что увеличивает значение этого памятника. редкого по своей хорошей сохранности, для понимания всего процесса развития армянской ранне-средневековой архитектуры.

---

¹ Памятник относится именно к VII в., а не к X—XI вв., как утверждает без оснований Г. Н. Чубинашвили (указ. соч., стр. 43). В ранней дате памятника убеждает вся его плановая и пространственная композиция, находящая ближайшую параллель в церкви Зоравор в Егварте, построенной Григорием Мамиконяном во второй половине VII в., вся обработка его фасада в виде системы ниш, окружающих здание (то же в Зораворе), повторенных на барабане (ср. Мастеру), с колонками в нишах (ср. западный фасад собора в Верхнем Талине, VII в.), как и вся его орнаментика. Вся восточная часть здания выглядит, как в базилике, выступая прямым фасадом с хорами по сторонам алтарной экседры. Базиличность восточной части особенно наглядна при сравнении с однородным храмом Зоравор. Чертеж плана Иринда опубликован Стржиговским (указ. соч., т. I, стр. 131, рис. 137).

² Г. Н. Чубинашвили церковь в Воскепаре также относит к X в.: «Недатированный Воскепар..., повидимому, включится где-то тесно около Карса в этот ряд» (указ. соч., стр. 33), т. е. ряд Мастара-Артик, следуя и здесь своей тенденции. Н. М. Токарский (указ. соч., стр. 76) считает храм в Воскепаре более поздним, чем в Мастаре и Артике (нс, судя по контексту, в пределах раннего средневековья); однако это мнение также ничем не обосновано.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

ВАЖНЕЙШИЕ ИТОГИ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1946 г.

В организации экспедиции участвовали ИИМК АН СССР, Ин-т археологии Украинской АН, Гос. музей антропологии МГУ, Трубчевский краеведческий музей Брянской обл., Сосницкий краеведческий музей Черниговской обл. и Курский обл. музей.

Состав участников: М. В. Воеводский (нач. экспедиции), М. Д. Гвоздовер, О. Н. Мельниковская, Н. П. Амбургер, В. А. Падин, Ю. В. Виноградский, В. И. Самсонов (научн. сотр.) и В. Е. Звягинцев (художник).

Ввиду наличия в распоряжении экспедиции грузовой автомашины и исключительно сухого лета за основу работ был принят широкий объезд берегов Десны и Сейма с целью обследования максимального количества памятников различного времени. Кроме того, как выяснилось с самого начала работ, на большинстве памятников, особенно на городищах, имелись более или менее серьезные разрушения (окопы, ходы сообщения и блиндажи, устроенные немцами в период временной оккупации территории). Свежие окопы давали возможность изучения стратиграфии памятников на большом протяжении, что будет невозможным через несколько лет, после осыпания и размыва стенок.

Раскопки были произведены в трех пунктах: на палеолитической стоянке Погон, на городище и стоянке Песочный Ров, близ с. Пушкари Черниговской обл. и на Авдеевской палеолитической стоянке близ гор. Курска.

За 2½ месяца работы было обследовано по берегам рек Десны и Сейма 35 археологических памятников: могильники, городища, неолитические и палеолитические стоянки. Наиболее важные результаты дало обследование 16 городищ, расположенных по правому берегу Десны (между Брянском и с. Сосницы Черниговской обл.) и по правому берегу Сейма (между его устьем и Курском).

Почти все городища расположены на мысах, образованных высоким берегом реки и впадающими в нее оврагами. Размеры площадок, за редким исключением, небольшие. Часть городищ имеет по две площадки, разделенные рвом, а иногда валом и рвом. Общая черта почти всех городищ — большая мощность золистого культурного слоя, покрывающего всю площадку.

Слой, состоящие главным образом из золы различных оттенков (черноватой, серой, розовой), имеют мощность, обычно превышающую 2 м. Это удалось проследить благодаря тому, что большинство городищ прорезано окопами и ходами сообщения в рост человека. Эти сооружения обычно

не прорезают всей толщи культурных наслоений. Лишь два городища — «Песочный Ров» и 2-е Горкинское у с. Горки, Черниговской обл., — имеют культурный слой мощностью всего 30—40 см. На Горкинском городище культурный слой лежит на мелу, а в Песочном Рву подстилается светлой супесью, благодаря чему здесь хорошо прослеживаются землянки, ямы от столбов и другие сооружения.

Мощные культурные слои нигде не разделяются стерильными прослойками, и единственную возможность стратиграфического расчленения дают разноцветные слои золы или прослойки обожженной глины от разрушенных печей. Это свидетельствует, несомненно, о непрерывной заселенности указанных городищ и преемственности культуры на протяжении, по крайней мере, полутора тысячелетий, так как наиболее ранние находки вещей восходят к V—IV в. до н. э., а верхние горизонты содержат славянскую керамику XI—XII вв.

На основании раскопок и обследования текущего года можно говорить об определенном единстве культуры городищ на обследованной территории.

Изучение собранного материала позволяет установить три стадии существования городищ.

Первая, судя по находкам скифских наконечников стрел, относится ко второй половине I тысячелетия до н. э.; она характеризуется довольно тонкостенной керамикой, изготовленной без гончарного круга. Наружная поверхность сосудов покрыта характерной штриховатостью и следами вертикального обстругивания. Орнамент на сосудах состоит из редких ямок на шейке и плечиках. К этой стадии принадлежат, повидимому, своеобразные глиняные изделия, так называемые, «рогатые кирпичи», большие овальные грузила без отверстий в виде усеченного конуса с глубокой ямкой и биконические пряслица (рис. 21—1—7).

Второй, ясно выделяющийся комплекс содержит материал, сходный с городищами роменского типа — толстостенные глиняные сосуды с примесью дресвы и шамота, сделанные также без гончарного круга, орнаментированные гребенчатым штампом или палочкой, обмотанной шнурком (рис. 21—8). К тому же комплексу, повидимому, относятся обломки больших толстостенных противней, сделанных из глины с грубой растительной примесью. Эти противни служили, вероятно, для выпечки хлеба.

В нижних горизонтах культурных слоев городищ встречаются в большом количестве куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев или тонких бревен. Повидимому, постройки в это время были плетневыми, с глиняной обмазкой.

Третий комплекс (X—XIII вв.) хорошо представлен керамикой «курганного» типа с сосудами, изготовленными на ручном круге с типичными клеймами на дне, с линейным прямым и волнистым орнаментом (рис. 21—9, 10); разноцветными стеклянными браслетами и шиферными овручскими пряслицами. Наиболее крупные городища со слоями X—XIII вв. расположены на месте древних городов — Трубчевска, Путивля, Рыльска, но одно очень большое, с двумя площадками и мощными валами находится у с. Кветунь, в 15 км ниже Трубчевска.

Непосредственно за валом Кветунского городища расположено большое неукрепленное селище, протянувшееся вдоль берега Десны до стен старинного Чолнского монастыря на протяжении около 100 м. В ближайших окрестностях Кветуни, по обе стороны села, на высоком берегу и на повышенной части поймы разбросано много курганов. Общее количество сохранившихся сейчас насыпей около 500, но, несомненно, во много раз большее число их распаханно, так как среди полей возвышаются отдельные большие курганы, окруженные невысокими, почти сnivelированными распашкой бугорками.

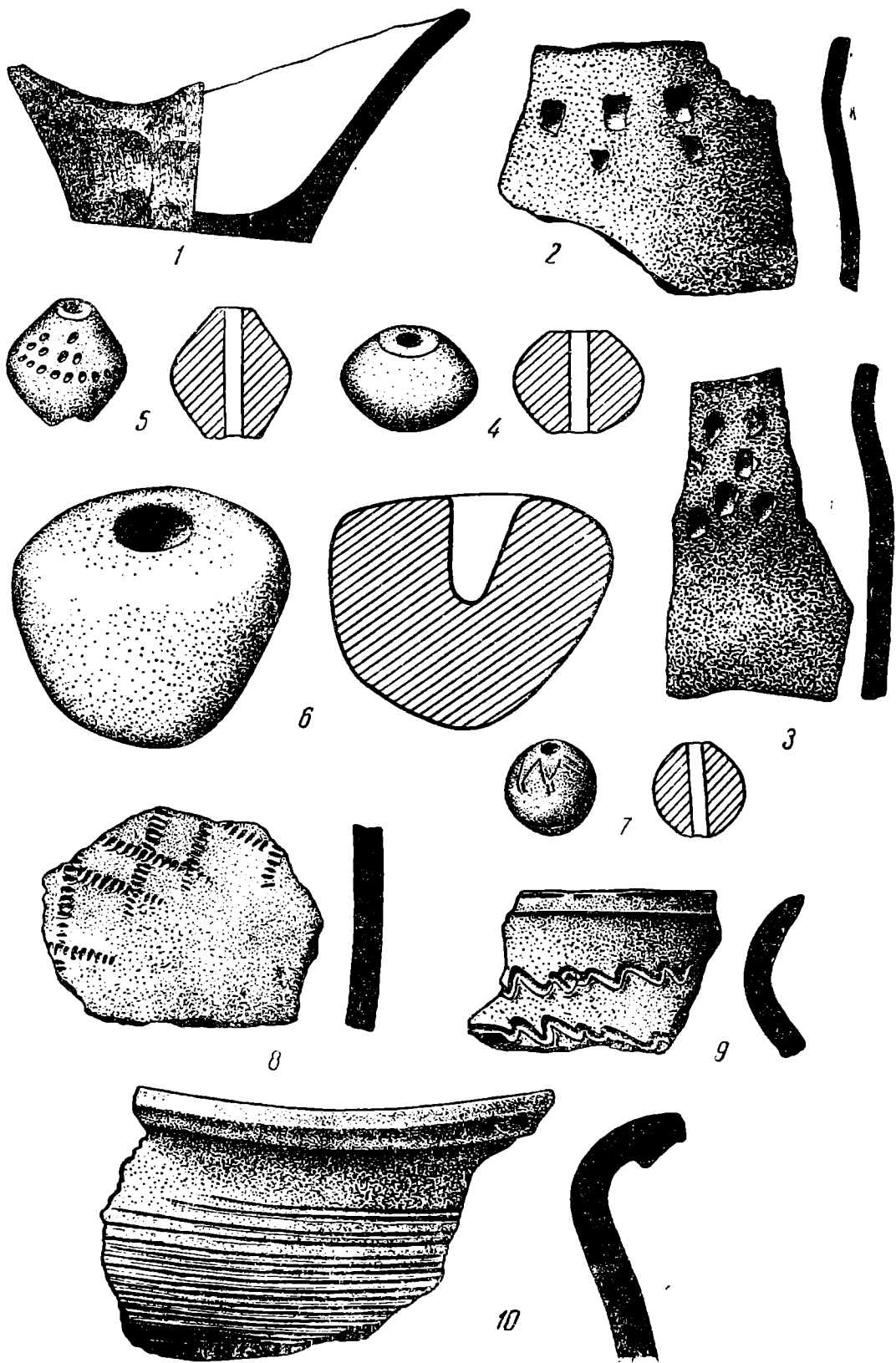

Рис. 21. Находки деснинской экспедиции

1 — днище глиняного сосуда (Селецкое городище Трубчевского р-на Брянской обл.); 2 — 3 — обломки шеек глиняных сосудов (оттуда же); 4, 7 — глиняные пряслица (городище «Песочный Ров» (ремячского р-на Черниговской обл.); 6 — грузило глиняное (Селецкое городище); 8 — обломок стенки глиняного сосуда с орнаментом, нанесенным палочкой, обмотанной шнурком (Кветунское городище Трубчевского р-на Брянской обл.); 9 — обломок шейки глиняного сосуда с прочерченным волнистым орнаментом (Горкинское II городище Новгород-Северского р-на Черниговской обл.); 10 — обломок шейки глиняного сосуда с линейным прочерченным орнаментом (Кветунское городище) (1/2, нат. вел.)

Весь комплекс ветунских памятников представляет собою, несомненно, остатки домонгольского города с сильно укрепленной центральной частью, примыкающим к ней посадом и обширным некрополем. В стенках окопов

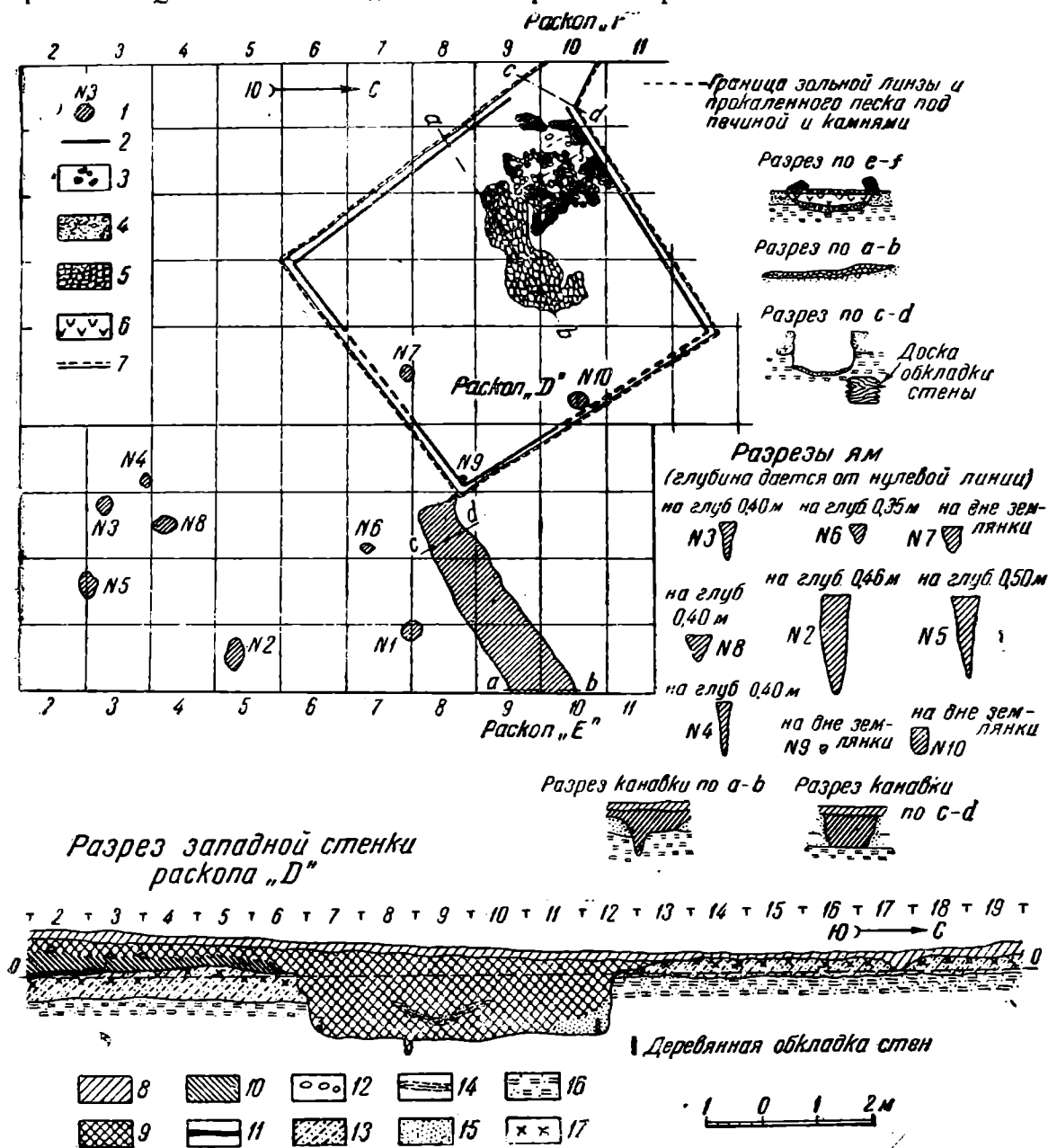

Рис. 22. Планы и разрезы сооружений из раскопок 1946 г. Городище «Песочный Ров» 1 — глыбы; 2 — доска; 3 — камни; 4 — обожженный песок; 5 — пачина; 6 — зола; 7 — граница землянки; 8 — пахотный слой; 9 — культурный слой; 10 — культурный слой I; 11 — чернозем; 12 — обломки пачины; 13 — подзол-беловатая супесь; 14 — кострище; 15 — песок; 16 — плотный суглинок с ортзандами; 17 — кремневые поделки

на площадке городища встречаются скопления типичных плоских квадратных кирпичей.

На городище Песочный Ров продолжались раскопки, начатые в 1940 г. и прерванные войной. Наиболее интересным результатом раскопок явилось открытие большой землянки размерами 4×5 м и глубиной около 1,5 м. Землянка была выкопана в суглинке, стены не имели следов обмазки или деревянной облицовки. Лишь нижняя часть стен у пола была обложена деревом в одну доску. Пол смазан тонким слоем глины (рис. 22).

В СЗ углу на полу обнаружены остатки сильно разрушенной печи. Печь была типа «каменки», сложенной из крупных кусков песчаника на глине. На месте сохранились лишь два вертикально стоящих обломка песчаниковых плит. Остальные камни и куски обожженной глины (печины) образовывали беспорядочное скопление. Плоского пода в печи не было. После снятия обломков камней и глины в центре скопления обнаружено небольшое углубление, выложенное золой. Ниже дна углубления песок был прокален на глубину 25—30 см. В самом углу землянки, за печью, был узкий выход наверх. Возможно, что такой же выход из другой землянки в виде узкой неглубокой канавки обнаружен на соседнем раскопе. Никаких остатков перекрытия и столбов от него в землянке не было обнаружено. Судя по обломкам глиняной посуды землянка датируется VIII—IX вв. н. э.

В соседнем раскопе, под остатками расплывшегося вала удалось обнаружить второй, более ранний культурный слой, с архаичной керамикой и большим количеством крупных грузил. Под этим культурным слоем, на поверхности подстилающей его беловатой супеси, ясно обозначились небольшие округлые темные пятна, оказавшиеся глубокими ямами от столбов. В культурном слое находилось много кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев и тонких бревен.

По всей вероятности, здесь сохранились остатки более раннего, чем землянка, столбового дома. Культурные слои городища подверглись почвообразовательному процессу, связанному с образованием почвы лесного типа — с характерными ортзандовыми прослойками и горизонтом подзола, но ниже удалось обнаружить сохранившиеся участки деградировавшего чернозема без культурных остатков.

Под черноземом, в слое сильно оподзоленной беловатой супеси, залегает культурный горизонт стоянки, датируемой концом мезолита или началом неолита. Благодаря нахождению культурных остатков в легкой супеси и на небольшой глубине, сохранились лишь кремневые поделки, а все остатки органического происхождения разрушились.

Поделки залегают в одном, четко выдержанном слое, имеющем среднюю мощность 30—40 см. Основная масса материала сгруппирована в нескольких скоплениях, состоящих из кремневых желваков, нуклеусов, отщепов и осколков и очень небольшого количества готовых изделий. На пространстве между скоплениями находятся лишь единичные предметы. По всей вероятности, на раскопанной части стоянки располагались места выделки орудий.

Весь процесс обработки камня происходил на площади поселения. Кремь для изделий употреблялся темносерый, почти черный, характерный для всех стоянок в районе с. Пушкири, добывавшийся из сенонского горизонта мела в непосредственной близости от стоянки.

Инвентарь стоянки состоит из нескольких десятков скребков небольшого размера, изготовленных на правильных отщепах или коротких массивных пластинках, нескольких массивных нуклеобразных скребков, свыше десятка микролитов, одного наконечника дротика, двух наконечников стрел и одного топорика (рис. 23).

Большинство скребков — концевые, но несколько экземпляров обработаны почти по всему краю и имеют округлую форму. Нуклеобразные скребки аналогичны скребкам другой мезолитической стоянки «Покровщина», расположенной в 5—6 км, и свидетельствуют о переживании в мезолите позднепалеолитических традиций.

Большая часть микролитов является, повидимому, наконечниками стрел с поперечным лезвием (рис. 23—4—8). Они очень небольшого размера — всего 1.5—2 см длиной, имеют геометризovanную форму в виде неправильных треугольников и высоких трапеций. Боковые стороны у них притупле-

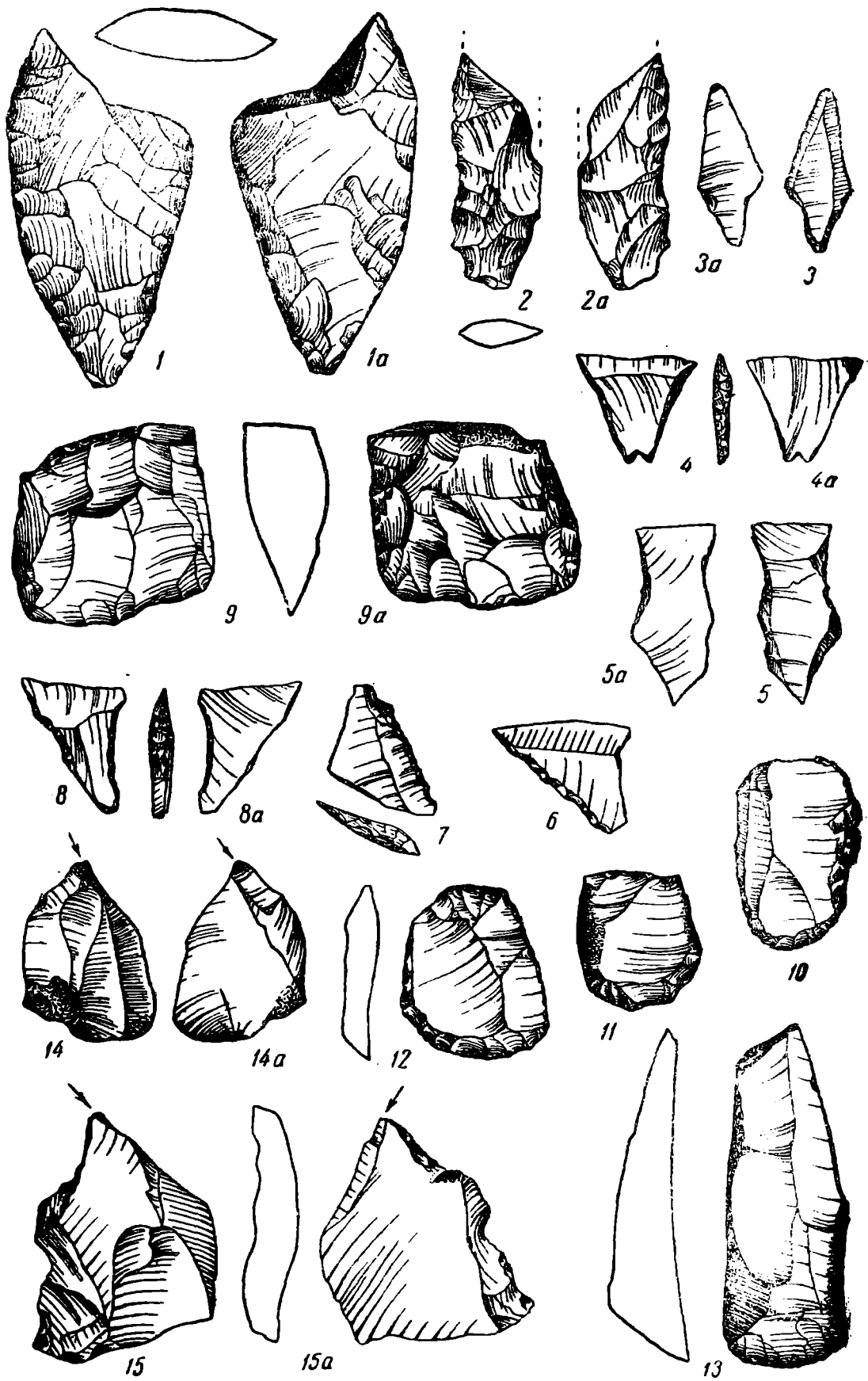

Рис. 23. Стоянка «Песочный Ров»

1, 3 — наконечники дротика и стрел; 4 — 8 — наконечники стрел с поперечным лезвием, 9 — топорик; 10 — 13 — скребки; 14 — 15 — резцы угловые (1/2, нат. вел.)

ны крутой ретушью, а лезвие оставлено без обработки. Для их изготовления применялся типично мезолитический прием расщепления пластинок и отщепов. Он заключается в том, что пластинки или отщепы разламываются попеременно, и из этих частей изготавливаются орудия. Ретушью при этом покрываются края обломков, а рабочее лезвие образуется краем бокового ската пластинки. Форма наших микролитов отличается от аналогичных орудий южной, степной части Украины и Крыма и близка к микролитам северо-запада — лесной части Польши, Литвы и Прибалтики. Ряд аналогий можно найти в культуре кьеккенмедингов Прибалтики. К этому же комплексу относится и небольшой архаичный нешлифованный кремневый топорик (рис. 23—9).

Наряду с этими поделками, целиком относящимися ко времени позднего мезолита, очень любопытно находение двух наконечников — дротика и стрелы неолитического облика (рис. 23—1, 2). Оба они очень архаичны, простой листовидной формы с грубой двухсторонней обработкой, не покрывающей всей поверхности орудия. Ближайшие аналогии этим наконечникам находятся в наиболее ранних неолитических стоянках Волго-Окского междуречья — Льяловской, Мало-Окуловской и в раннеолитических стоянках Прибалтики.

Таким образом, описанная стоянка принадлежит к памятникам конца мезолита лесной полосы Восточной Европы, почти не известным до сих пор. Дальнейшее изучение ее позволит осветить этот самый темный период первобытной истории.

Наиболее древние памятники, исследованные в текущем году, — две позднепалеолитические стоянки — Погон, у с. Пушкари Черниговской обл., и вновь открытая Авдеевская, на правом берегу р. Сейма, в 35 км от Курска.

Стоянка «Погон» — одна из более ранних палеолитических стоянок в районе с. Пушкари, залегает в нижней части толщи надморенных лёссовидных суглинков, к верхам которых приурочен культурный слой мадленской стоянки Бугорок.¹

Раскопками текущего года изучалась окраинная часть поселения. Культурный слой здесь частично размыт в древнее время и сохранился лишь на отдельных участках. Кости животных, представленные главным образом мамонтом, очень плохой сохранности из-за небольшой глубины залегания. Инвентарь состоит лишь из кремневых поделок. Среди них имеются 3 наконечника с боковой выемкой, небольшого размера, с крутой ретушью вдоль края выемки и по прямосрезанному основанию черешка (рис. 24—9, 10, 17).

Наконечники этого типа характерны для стоянок раннесолютрейского времени — Боршево I, Гагарино на Дону, стоянки Пасека (Пушкари I),² расположенной рядом. Кроме наконечников, найдено несколько десятков резцов обычного позднепалеолитического облика (рис. 24—14, 15), несколько пластинок со стесанными концами (*pièces écaillées*), игравших, возможно, роль долот при обработке кости (рис. 24—18), и несколько острий с притупленным ретушью краем и скошенным концом (рис. 24—11—13).

Большой интерес представляет Авдеевская стоянка. В то время как все стоянки Десны и Дона находятся на территории, покрывавшейся Днепровским и Донским языками рисской стадии оледенения, Авдеевская расположена на части Среднерусской возвышенности, никогда не подвер-

¹ М. В. Воеводский. Работы Деснянской экспедиции в 1939 г. КС ИИМК, 1940, вып. IV, стр. 34; его же. Деснянская археол. экспедиция 1940 г. Там же, 1946, вып. XIII, стр. 89.

² П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Пушкари I. КС ИИМК, 1939, вып. II, стр. 10.

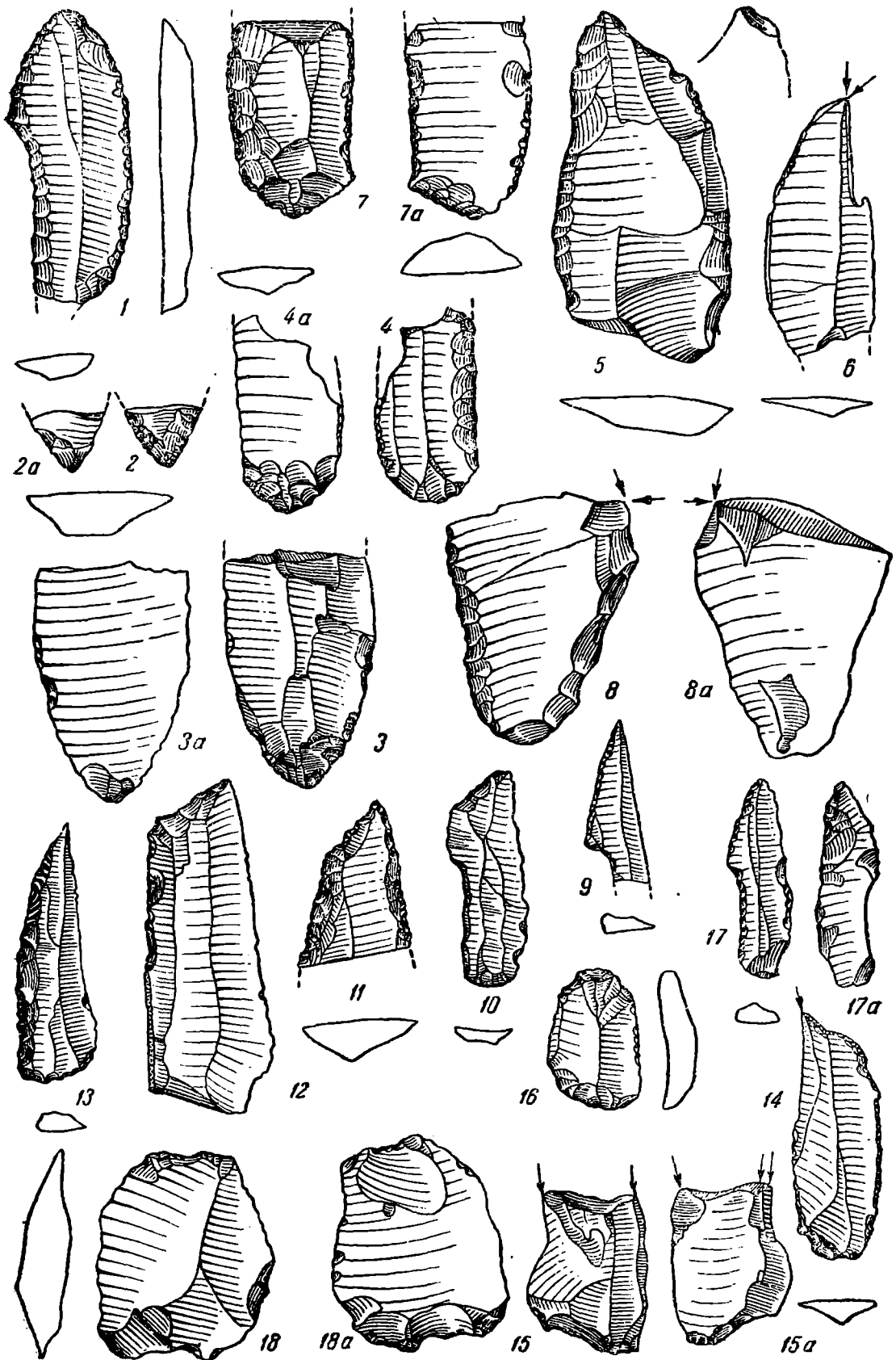

Рис. 24. Кремневые орудия
 1 — 8 — Авдеевская стоянка; 9 — 18 — стоянка Погон (2/3 н. в. в.)

гавшейся оледенению и находящейся между указанными ледниковыми языками. Исследование стоянок этой территории позволит выявить новые закономерности соотношения палеолита с четвертичными отложениями.

Авдеевская стоянка расположена в условиях, не обычных для палеолита. Культурный горизонт ее залегает в пределах современной долины р. Сейма, в нижней части пойменных отложений, близ прислонения к более высокой террасе.

Повидимому, это связано с погружением этого участка и уходом древних отложений под уровень современной поймы. В связи с этими явлениями вскрывавшаяся окраинная часть стоянки оказалась сильно разрушенной, а материал — частично переотложенным и не сохранившим бытовой картины поселения.

Основная часть стоянки, повидимому, погребенная под толщей более высокой террасы, в текущем году не вскрывалась. Добытый материал представляет большой интерес. Он состоит из крупных наконечников с боковой выемкой (рис. 24—1, 4), обработанных прекрасной плоской «солютрейской» ретушью, и лавролистных с обработкой лишь на обоих концах (рис. 24—2, 3) массивных многофасеточных резцов, концевых скребков на больших массивных пластинках и многочисленных пластинок со стесанными концами (рис. 24—7).

Стоянка представляет пример поселения классического солютре Русской равнины. Наиболее близкая к ней — одна из важнейших стоянок Дона — Костенки I, исследованная П. П. Ефименко.

А. Я. БРЮСОВ

РАСКОПКИ В ЧАРОЗЕРСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ
ОБЛАСТИ в 1946 г.

Задачей Вологодской археологической экспедиции было главным образом окончание начатых в 1938 г. раскопок свайного поселения на правом берегу р. Модлоны у впадения в нее р. Перечной в Чарозерском районе Вологодской обл.¹ Свайное поселение на р. Модлоне расположено на краю узкого мыска, образованного слиянием рек Модлоны и Перечной. Экспедицией было вскрыто 26 м² площади, примыкающей к месту прежних раскопок на юго-западе и востоке. Таким образом, за все время раскопок было вскрыто 142 м².

Напластование почвенных слоев было повсюду таким же, как и на ранее раскопанных участках: под дерновым слоем (около 10 см) следовал слой желтой супеси без находок (около 30—50 см), а под нею — слой темной супеси с находками вещей верхнего культурного слоя в нижней части ее (толщина всего этого слоя около 30—40 см). Еще ниже, на западных участках, около берега р. Модлоны лежал слой песка (до 30—40 см толщиной) с вещами верхнего и отчасти нижнего культурного слоя, а под этим песком — торф, на поверхности которого находились остатки свайного поселения. В нем лежали вещи нижнего культурного слоя, а также отдельные, более тяжелые и глубоко погружившиеся предметы из верхнего культурного слоя; в восточной части раскопок, у берега р. Перечной слой песка отсутствовал, а ближе к берегу отсутствовал и верхний культурный слой.

В 1946 г. в юго-восточной части раскопок были обнаружены остатки еще одного дома (дом № 4) с явными признаками гибели его от пожара. Определить размеры этого дома не представлялось возможным; судя по пространству, на котором были обнаружены остатки, он должен был приблизительно равняться по величине ранее открытым домам (приблизительно 3 × 3 м).

В восточной части раскопок, почти у самого берега р. Перечной были открыты остатки кладок (мостка), идущих от раскопанного ранее дома № 3 к берегу реки, и у конца этих мостков — маленький плотик из четырех нетолстых бревен, скрепленных между собой (вероятно, при помощи вицы) двумя лежавшими под ними поперечными жердями. Плотик был

¹ Экспедиция была организована на средства ИИМК АН СССР, ГИМ и Череповецкого музея краеведения. В экспедиции, кроме руководителя ее, старшего научного сотрудника ИИМК А. Я. Брюсова, приняли участие научные сотрудники ГИМ И. Цветкова и В. Раушенбах и сотрудники Вологодского обл. музея А. Милов и К. Федышев.

укреплен на берегу при посредстве небольшого кола, вбитого между его слегка сдвинутыми средними бревнами. Плотик имел ширину около 0.5 м, длину же его удалось проследить только на расстоянии 70 см; далее он подходил так близко к берегу р. Перечной, что начинавшая просачиваться сквозь оставшуюся земляную стенку вода грозила затопить весь раскоп.

В результате этих работ оказалась вскрытой почти вся доступная для раскопок площадь свайного поселения. В северо-западной части раскоп подошел почти к берегу р. Модлоны; на северо-востоке, в наиболее пониженной части мыса раскопки невозможны из-за заливающей их из обеих рек воды; в юго-восточной и юго-западной частях пробные шурфы вблизи раскопок показывают отсутствие нижнего культурного слоя.

Рассматривая план произведенных раскопок, можно установить с очень большой долей вероятия следующее.

Свайное поселение на р. Модлоне занимало очень небольшое пространство почти во всю ширину мыса. Три из открытых за эти годы дома (№ 2, 3, 4) стояли по прямой линии на расстоянии 3—4 м друг от друга вдоль берега и отступя 5—6 м от р. Перечной, к которой они были обращены выходами. Возможно, что далее к северо-востоку, в наиболее пониженной части мыса стояли по той же линии еще 1—2 дома. Остатки дома № 1, обнаруженные к северо-западу от этой линии домов у самого берега р. Модлоны, и большое число свай уже в самой р. Модлоне, размывшей берег, как и находки вещей в воде около него, указывают, что за первой линией домов, ближе к р. Модлоне, стоял второй ряд домов, вероятно, в небольшом количестве. Таким образом, поселение состояло максимум из 10 небольших домиков, соединенных между собой узкими мостками-кладками. Интересно при этом отметить, что в заложенном всего в 5 м к юго-западу от раскопок в более повышенной части мыса пробном шурфе (2 × 2 м) под верхним культурным слоем не было обнаружено никаких признаков свайного поселения.

Раскопки 1946 г. еще раз подтвердили различие в площади распространения свайного поселения и находящегося выше более позднего верхнего культурного слоя. Так, в более пониженной восточной части раскопок, ближе к берегу р. Перечной, верхний культурный слой отсутствовал начисто. Напротив того, в западной части, за пределами свайного поселения верхний культурный слой, как показали пробные шурфы, был в наличии, но зато отсутствовали признаки нижнего культурного слоя.

Найденные при раскопках 1946 г. в нижнем культурном слое (свайное поселение) предметы не дали чего-либо нового сравнительно с находками предыдущих лет. Следует только отметить находку среди различных костных отбросов, среди костей животных, птиц и рыб, около дома № 4 почти целого человеческого черепа (отсутствовала нижняя челюсть). Впрочем, и ранее среди костных отбросов встречались отдельные фрагменты человеческих черепов. По предварительному определению М. М. Герасимова, найденный череп принадлежит европеоиду и отличается от черепов Караваевского могильника, находящегося всего в 10 км от этого места.

Попрежнему в нижнем культурном слое встречались янтарные украшения восточно-балтийского типа и своеобразная керамика из глины с примесью толченых раковин и вертикальным зигзаговым зубчатым орнаментом, резко отличающаяся от обычной керамики каргопольской культуры, характерной для всех стоянок данного района.

В верхнем культурном слое, как раз над домом № 4 был открыт сложенный из нескольких камней очаг и около него скопление черепков от раздавленных глиняных сосудов, типичных для каргопольской культуры. Другой очаг кольцеобразного типа с просветом (поддувало) в южной части был открыт в восточной части раскопок. Среди найденных вещей следует

отметить небольшую кремневую фигурку птицы. Остальные находки в верхнем культурном слое не отличаются от делавшихся ранее.

Значительный интерес, который представляют раскопки свайного поселения на р. Модлоне, объясняется не только тем, что впервые на территории СССР обнаружен такого рода памятник. Интересным и до некоторой степени загадочным является резкое отличие некоторых из найденных здесь вещей от вещей, находимых на синхроничных стоянках в том же районе и даже почти рядом с местом свайного поселения, например, на стоянке Вшивая Тоня, в нескольких стах метрах от свайного поселения на том же правом берегу р. Модлоны. Так, керамика свайного поселения никак не может быть сопоставлена с керамикой хорошо изученных различных фаз каргопольской культуры, к которой относятся все другие стоянки этого района; не может быть сопоставлена она и с керамикой соседних областей карельской и беломорской культур. Только на свайном поселении оказались, притом в довольно большом количестве, янтарные восточно-балтийские украшения. И вместе с тем такие находки, как типичные для каргопольской культуры маленькие серповидные кремневые ножи или не менее типичные для беломорской культуры удлиненные треугольные с прямым основанием кремневые наконечники стрел, свидетельствуют о синхронности свайного поселения со стоянками этих культур и о связи населения с населением областей каргопольской и беломорской культур. И, наконец, находки в 1939 и 1945 гг. семян культурного льна и части деревянной прялки на свайном поселении ставят вопрос о большой древности земледелия в этом далеком северном районе.

По окончании раскопок свайного поселения на р. Модлоне экспедиция произвела дополнительные раскопки на месте древней стоянки и могильника в местности Каравайха на правом берегу р. Еломы, левого рукава р. Модлоны. В предшествовавшие годы центральная часть полянки на Каравайхе была занята стоявшим здесь небольшим кирпичным заводом. В настоящее время этот заводик перестал существовать, поэтому представилась возможность произвести на этом месте раскопки.

Как уже было опубликовано мною в предварительном отчете за прошлые годы,¹ могильник расположен в южной части поляны, на краю стоянки. Здесь на небольшой площади было обнаружено около двух десятков погребений и следы многочисленных разрушенных погребений.² Погребения находились на небольшой глубине, были ориентированы в различных направлениях и обычно засыпаны густым слоем красной охры. К северо-западу от могильника было открыто три погребения в более глубоких ямах, ориентированные головой на юго-запад и только со следами красной охры около головы и иногда — ног; четвертое такое же, повидимому, погребение было разрушено при добывании глины.

В 1946 г. были заложены две длинные разведывательные траншеи к югу от погребений и к западу от могильника. На вскрытых 42 м был обнаружен только культурный слой стоянки и на краю могильника еще одно, почти совершенно разрушенное погребение на глубине 25 см, в слое песка, подстилающего слой сильно разложившегося торфа. Костяк был ориентирован головой на север и около остатков черепа было довольно много красной охры; охра встречалась и в других местах около погребения.

После этого, на площади бывшего завода, между ямами для выборки глины была вскрыта площадь в 6 × 6 м. Почва на всем пространстве состояла, как и в других местах поляны, из разложившегося торфа, лежащего

¹ Тр. ГИМ, вып. 11.

² Вероятно, при вспашке этого места, так как 100—150 лет назад здесь существовал хутор, и верхний слой всей полянки носит следы перепашивания.

на песке с большой примесью мелких валунчиков и гальки. Толщина торфяного слоя достигала в разных местах 45—72 см. В нем находились различные остатки существовавшей здесь в древности стоянки: кремневые орудия, обломки глиняных сосудов, немногочисленные кости животных. В подстилающем торф песке никаких вещей не было.

На этой площади было обнаружено четыре погребения. Два из них находились ниже культурного слоя, в песке. Овальные могильные ямы обоих погребений, с длиной осей в 2.00 и 1.75 на 1.00 и 0.75 м, прослеживались с границы между разложившимися торфом и песком на глубине в 0.40—0.50 м. Глубина этих ям от поверхности достигала 0.70 и 0.65 м. Одна из них была ориентирована длинной осью почти с запада на восток с легким уклоном к югу; другая — с северо-востока на юго-запад. В обоих случаях на дне ямы лежал костяк хорошей сохранности (в одном погребении концы ног покойника были уничтожены при рытье ям для строительства завода) в вытянутом положении, на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища. Один костяк был ориентирован головой на запад-юго-запад, другой — на юго-запад. На черепках и около них было немного красной охры. Вещей при покойниках не было. Наиболее интересной подробностью было то, что нижняя часть могилы была засыпана чистым песком, не содержащим никаких вещей, которые в довольно большом количестве встречались выше, в торфяном культурном слое. Это обстоятельство указывает на то, что оба погребения относятся ко времени до образования культурного слоя, т. е. до времени существования здесь стоянки.

Другие два погребения сохранились только частично; большая часть их уничтожена при рытье ям. От одного сохранились только кости ног без пальцев, нижние части рук и несколько ребер; от другого — вся средняя часть скелета — от таза и почти до шеи. Оба костяка лежали в культурном слое на глубине 40 и 45 см, вытянуто, на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища; они были ориентированы головой на север. Могильные ямы в культурном слое, к тому же перепаханном в верхней части, не прослеживались. Вещей при покойниках не было; вернее — нельзя было определить, относятся ли найденные в культурном слое вещи к погребениям или нет. Несколько костей из этих погребений было найдено вблизи них.

Таким образом, раскопки 1946 г. на Каравайке позволили установить три различных и разновременных типа погребений каргопольской культуры в районе озера Вожа.

Наиболее древними надо считать погребения, обнаруженные под культурным слоем стоянки в относительно глубоких ямах, ориентированные головой на юго-запад и с небольшой подсыпкой красной охры около головы покойника. Время таких погребений определяется приблизительно датировкой самой стоянки. Но эта стоянка не одновременна на всей площади ее распространения. Правда, перепаханность верхнего слоя несколько затрудняет датировку ее; но тем не менее довольно значительное различие в типах кремневых орудий и особенно керамики восточной и западной части стоянки позволяет утверждать разновременность их заселения или весьма длительного существования стоянки. Особенно ясно это проявляется при сравнении находок в нижней, неперепаханной части культурного слоя.

В западной части, ближе к реке, керамика состоит исключительно из обломков глиняных сосудов с классическим древним ямочно-зубчатым зонным орнаментом; встречаются большие шиферные кольца (одно из них оказалось на груди костяка, запавшим под ребро, в погребении древнего типа, раскопанном в 1939 г. и находящимся ныне в виде вырезки в Вологодском обл. музее). Наиболее поздние типы кремневых наконечников

стрел в этой части стоянки — это наконечники почти сейминского типа (слегка укороченные). Таким образом, указанная часть стоянки (или стоянка) может быть датирована первой половиной II тысячелетия до н. э. Следовательно, и предшествующие ей погребения мы можем ориентировочно датировать началом этого тысячелетия.

Более поздними надо считать погребения в самом культурном слое (вытянутые на спине, с ориентировкой головой на север).

Погребения в восточной части Караваихи обнаружены на очень небольшой глубине, с самой разнообразной ориентировкой покойников (в одном случае было вскрыто сидячее погребение) и с густой засыпкой их красной охрой. Эти погребения похожи на многие погребения Оленьеостровского могильника в Карело-Финской ССР, раскопанного Н. Н. Гуриной, Г. П. Гроздиловым и В. И. Равдоникасом. Все эти погребения находятся в культурном слое стоянки, на самом краю ее. Судя по находимым в культурном слое в этой части стоянки вещам, стоянка и погребения относятся уже к поздней стадии развития каргопольской культуры. Среди обломков глиняных сосудов встречаются типы сосудов с частой косою насечкой по венчику и редко расставленными мелкими ямками под самым горлом и с гладкой остальной поверхностью; среди кремневых наконечников стрел встречаются типы с глубокой выемкой в основании и т. п. По типам найденных здесь вещей надо полагать, что эта часть стоянки (или стоянка) относится к середине II тысячелетия до н. э. К этому же времени надо отнести погребения с густой засыпкой красной охрой.

А. В. ЗБРУЕВА

КАМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ в 1946 г.

В июле — августе 1946 г. Камской экспедицией ИИМК проводились раскопки Луговской стоянки, расположенной в Елабужском районе ТАССР на дюнном всхолмлении, идущем по краю надпойменной террасы р. Камы, русло которой в настоящее время находится на расстоянии около 0.5 км к югу.

Территория стоянки захватывает восточную часть поселка Лугового и распространяется далее к востоку по направлению к сел. Челны, примерно, на 200 м. Раскопки производились у восточного края пос. Лугового.¹

Раскопки Луговской стоянки 1946 г. являются продолжением исследования памятника, начатого в 1940 г.²

В 1940 г. было вскрыто 240 м². В раскопе были обнаружены остатки трех жилищ-землянок, одно из которых было исследовано полностью. Оно представляло собой четырехугольную впадину с выступом в западной части, углубленную ниже древней поверхности почвы, примерно, на 1 м (длина около 7 м, ширина около 6 м). В выступе западной части находился большой очаг (длина его около 3.5 м, ширина свыше 2 м). Нижняя поверхность очага несколько выше дна землянки, так что очаг располагался как бы на небольшом возвышении. В черном углистом слое очага, пронизанном остатками мелких жженных косточек, была найдена масса обожженных и необожженных костей, обломки глиняной посуды, обожженные и необожженные камни (см. план жилища I и очага в нем, рис. 25).

Главную массу костей из очага составляли кости человека.³ В результате обработки и реставрации их выяснилось, что в очаге находились кости и черепа 13 человек разного возраста, принадлежавших к европеоидному и монголоидному типам. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, так как указывает на наличие монголоидных и европеоидных типов в Прикамье в эпоху бронзы.

Вопрос о том, имел ли место у обитателей стоянки каннибализм или существовал обычай человеческих жертвоприношений, остался открытым. Остатки двух других жилищ были раскопаны в 1940 г. лишь в незначитель-

¹ В раскопках принимали участие, кроме руководителя работ, старшего научного сотрудника ИИМК А. В. Збруевой, доцент МГУ М. С. Акимова и студентки биофака МГУ К. Д. Капуш и Н. И. Шалагина.

² Краткие сведения о раскопках стоянки в 1940 г. изданы КС ИИМК, 1944, вып. X, стр. 110—111.

³ Все находки из очага были привезены в Москву, и человеческие кости были реставрированы в Гос. музее антропологии и обработаны Т. А. Трофимовой.

ной части. Они представляли собой западный край и угол четырехугольных землянок.

Таким образом, в задачу исследования 1946 г. входило не только выяснение общего характера древнего поселения, но и решение вопроса о том, почему в очаге землянки № I находились человеческие кости.

В 1946 г. была вскрыта площадь около 200 м², расположенная к востоку от старого раскопа. На ней находились остатки нескольких жилищ: восточная часть жилища № II (западная его часть была вскрыта в 1940 г.); жилище № III, непосредственно следующее за землянкой № II; зем-

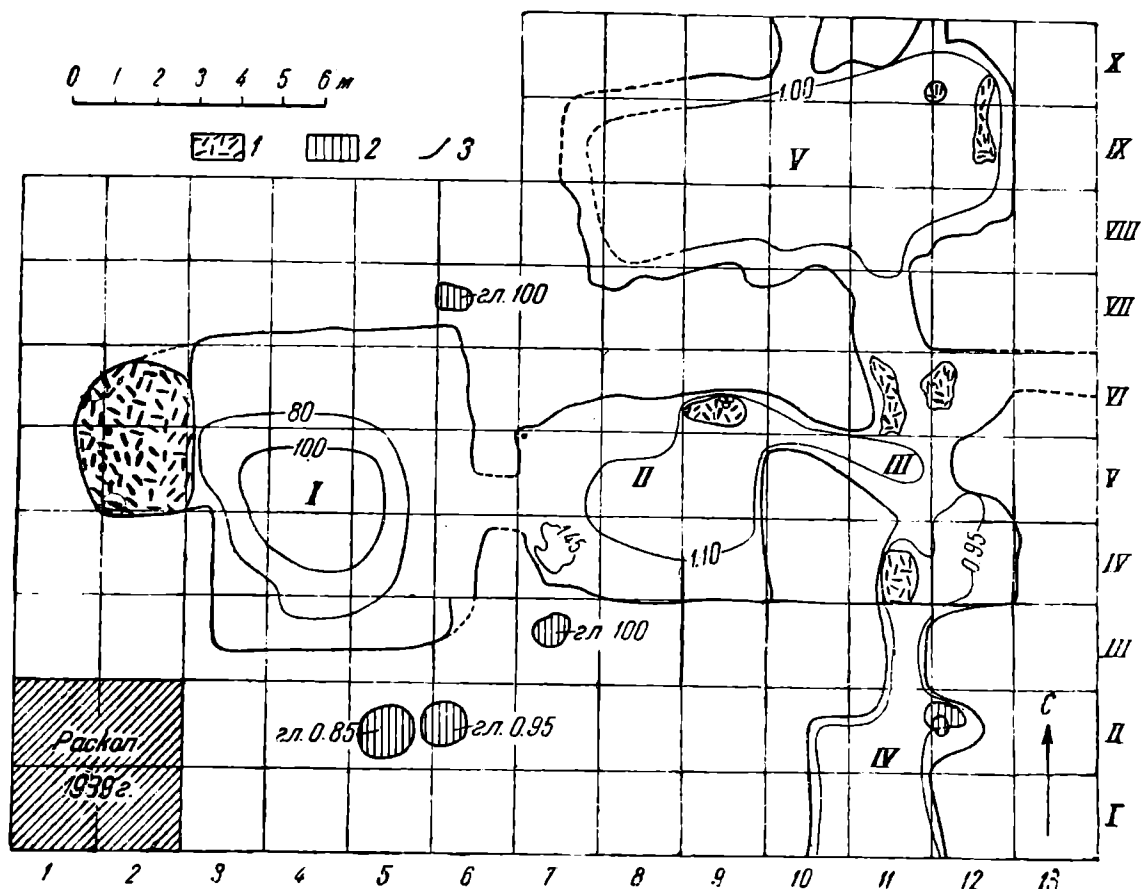

Рис. 25. План расположения жилищ в раскопках 1940 и 1946 гг.

1—очаги; 2—ямы; 3—границы жилищ

лянка № IV (к югу от нее) и жилище № V (к северу от землянки № III), угол которого был раскопан в 1940 г. (план расположения жилищ см. рис. 25). В восточной части раскопа осталось недоисследованным еще одно жилище, вскрытое лишь частично. Все землянки имели глубину немного более 1 м и были связаны между собой узкими проходами. В землянке № IV, южная часть которой не сохранилась (размыта внешними водами), очага не было обнаружено. В остальных жилищах очаги были.

Незначительная глубина землянок указывает на то, что древнее Луговское поселение состояло из жилищ полуподземного типа или полуземлянок. Все исследованные землянки имели четырехугольную форму или близкую к четырехугольной. В некоторых случаях углы землянок были выражены очень четко (например, юго-западный угол землянки № I, северо-западный

угол землянки № IV или юго-восточный угол землянки № III). Величина жилищ была различная. Наиболее крупная землянка (№ V) имеет около 10 м длины и свыше 4 м ширины; самая маленькая (№ IV), южная часть которой не сохранилась, — около 3 м длины и ширины.

Дно землянок (вернее поверхность пола жилищ) очень четко выражено в профилях черной углистой прослойкой, толщиной около 20 см, на глубине около 1 м от древней поверхности почвы. На той же глубине находились очаги и главная масса находок.

Перейдем к описанию отдельных жилищ.

Западная часть землянки № II (восточная часть ее была раскопана в 1940 г.) имела прямоугольные очертания с выступом в юго-восточном углу, который при углублении оказался небольшой отдельной ямой, находившейся близ южной стенки землянки. Последняя соединялась длинным проходом (длина около 2 м, ширина — около 1 м) со следующим жилищем № III, расположенным восточнее. По мере углубления, очертания восточной части землянки № II несколько суживались. На глубине около 1 м у северной стенки был обнаружен очаг, состоявший из нескольких крупных и мелких камней, вокруг которых находилось скопление углей. Земля вокруг камней представляла жирный углистый слой, местами с довольно крупными углями. В западной части очага находилось пятно обожженного песка. Вокруг очага лежали обломки глиняной посуды и кости животных очень плохой сохранности. В середине участка V/9 на глубине 115 см было обнаружено скопление обломков глиняной посуды, а несколько восточнее — кусок красноватой охры. Пол жилища находился на глубине около 110 см, ниже шли отдельные углистые пятна и на глубине 130 см — чистый песок.

Основание камней очага было на глубине 115 см; более мелкие камни лежали выше — на глубине 85—90 см. Восточная часть прохода углублялась до 95 см, западная — до 110 см, так что получался пологий спуск в землянку № II с востока из землянки № III (рис. 25).

Землянка № III лежала в центре жилого комплекса и соединялась проходами с жилищами, расположенными к северу, югу, востоку и западу. Ее очертания на глубине 60 см были несколько больше, чем на глубине 80 см. В то время как западные, северные и южные границы жилища были совершенно четки и прямолинейны, восточная граница на глубине 80 см округлым выступом вдавалась внутрь, как бы разделяя жилище на две камеры. С той же глубины появляются и очаги; в данном жилище их было 3. Особенно яркой окраской и толщиной очажного слоя отличался очаг на участке VI/11, расположенный близ западной стенки жилища в северной камере. Очажный слой ярко черного цвета с угольками и перегоревшими косточками, жирный. В нем находились обломки сосудов; среди них половина небольшого сосуда, зубы животных, перегоревшие косточки. Длина очага около 2 м, ширина — около 0.5 м; форма неправильно-овальная. При углублении он несколько уменьшился. Очажный слой шел до глубины около 1 м.

На участке VI/12, несколько восточнее первого, и на участке IV/11 также находились очаги, но менее интенсивно окрашенные, с более тонким углистым слоем. В них и вокруг них лежали кости животных (главным образом зубы) плохой сохранности и обломки глиняной посуды. Очаг на участке IV/11 примыкал к западной стенке землянки и помещался в южной камере.

Дно землянки находилось на глубине 90—100 см; ниже этой глубины наблюдались лишь отдельные ямы и углистые пятна под очагами (рис. 25).

Землянка № IV (на участке I—III/10—12) была расположена к югу

от жилища № III и была соединена с ним проходом длиной около 1.5 м, шириной около 1 м (рис. 25). Очертания жилища не изменялись, начиная с глубины 60 см. Темный слой, очень интенсивно окрашенный, шел до глубины 95 см. Дно землянки было плоское. На дне находились две небольшие ямы, наполненные серым песком, слабо окрашенным гумусом без находок. Глубина ям — 115 и 125 см; третья яма находилась к юго-востоку от конца прохода из землянки № III. Она углублялась до 125 см и по мере углубления меняла очертания. Самая глубокая часть ее уходила в южную стенку восточного выступа землянки, и окраска наполнявшей ее земли, чем глубже, тем становилась все темнее. На дне ямы был найден обломок глиняного сосуда. Видимо, эта яма служила для хранения запасов. Очага в сохранившейся части землянки не было. Может быть, он находился в разрушенной части, но, возможно, что это было холодное, нежилое помещение. Глубина прохода доходила до 85 см; дно его имело ладьевидную форму.

Наиболее интересной является землянка № V, расположенная к северу от жилища № III и соединенная с последним проходом длиной около 2 м и шириной около 1.5 м. Землянка № V имела большие размеры: длина — около 10 м, ширина — около 4 м. Угол землянки был раскопан в 1940 г. (рис. 25).

Очертания землянки на глубине 60 см были неправильные: южные границы и северо-восточный угол ограничивались волнистыми линиями. В северной стенке наблюдались темные пятна, соединенные с основным пятном — следы двух проходов.

На глубине около 70 см у западной части южной стенки появилось большое зольное пятно с большим количеством находок, которое прослеживалось до глубины 80 см.

На глубине около 80 см вдоль северной, восточной и южной стенок землянки оказались углистые полосы прямолинейных очертаний. Находок в них не было. По мере углубления полосы становились все рельефнее и очертания их все более прямоугольными. Эти полосы являются остатками сгоревших деревьев, лежавших горизонтально вдоль стенок землянки. Углистые полосы заходили в проход, соединявший данное жилище с землянкой № III. Следы двух проходов в северной стенке землянки № V на глубине 90 см исчезли.

На глубине 80 и 90 см в северо-восточной части землянки было обнаружено два больших очага, вокруг которых в черном углистом жирном слое с несколькими обожженными камнями было сосредоточено большое количество находок, обломков глиняной посуды (главным образом днищ) и костей животных (зубы лошади, коровы, овцы и, редко, свиньи). Сохранность костей плохая.

Углистые полосы шли до глубины 110 см. Пол землянки находился, очевидно, на глубине 100—110 см. На глубине 110 см еще сохранились очертания жилища с углистыми полосами по краям, но эти полосы стали бледными и местами прерывались. Углистые пятна очагов также побледнели и сократились в размерах, хотя местами углистый слой был еще ярок и толст. Углистые пятна на участке VIII/10—11 и X/12 шли до глубины 140—150 см. Наибольшее количество находок было обнаружено на глубине 100—105 см, на полу землянки, главным образом вокруг очагов. Начиная с глубины 110 см, было тщательно просмотрено все дно землянки в надежде найти следы столбов, поддерживавших кровлю жилища. На участке X/12 была обнаружена круглая ямка диаметром около 8 см, углублявшаяся до 140 см. Других следов столбов в этом и других жилищах обнаружено не было. Но в раскопках 1940 г. в западной части

жилища № II (в углах) и в очаге жилища № I были обнаружены следы столбов (рис. 25).

Очень интересен профиль западной стенки землянки № V. Здесь ясно видны и заполнение жилища культурным слоем, и дно землянки, и разрез полос сгоревшего дерева, лежавших вдоль северной и южной стенок жилища.

подавляющее большинство находок было сделано в жилищах, начиная с глубины 50—60 см; находок в культурном слое вне жилищ немного.

Коллекция из раскопок стоянки состоит из небольшого количества каменных орудий, обломков глиняной посуды и костей животных; металлических предметов не найдено.

Каменные орудия из раскопок 1946 г. состоят из нескольких скребков, одной ножевидной пластинки, одного тесла и нескольких обломков скребков. Из раскопок 1940 г. имеется кремневый наконечник стрелы, 2 скребка и обломки кремневых орудий.

Скрепки относятся к следующим типам:

1) Скрепки на коротких кремневых отщепах (3 экз.). Рабочий край этих орудий слегка дуговидный и обработан довольно крутой ретушью. Размеры их следующие: длина 2.3—3.3 см, ширина рабочего края 1.8—2.7 см (рис. 26—4).

2) Скрепки на более длинных изогнутых отщепах (1 экз. из светлосерого кремня). Рабочий край этого орудия обработан крутой ретушью; профиль его изогнутый. Возможно, скрепки такого типа имели специальное назначение. Длина скребка 4 см, ширина рабочего края — 2.2 см (рис. 26—5). Ножевидная пластинка (1 экз.) сделана из молочно-белого кремня и с длинных сторон обработана очень мелкой ретушью. Один край ее обломан, длина 4.2 см, ширина около 1.5 см (рис. 26—3). Каменное тесло сделано из светлого песчаника. Оно имеет массивный трехгранный обух и дуговидный рабочий край с выбоиной посредине. Длина орудия 11 см, ширина рабочего края около 5 см (рис. 26—1).

Наконечник стрелы из серого кремня имеет ланцетовидную форму, в разрезе плоско-овальный, с коротким плоским черешком. Обработан пре-красной отжимной ретушью сплошь с обеих сторон. Длина его 6.7 см, наибольшая ширина — 1.2 см (рис. 26—2).

Небольшое количество кремневых орудий, особенно ножей, указывает на то, что обитатели стоянки употребляли металлические орудия. Рассмотрение керамики позволяет определить время существования памятника несколько более точно.

Во время раскопок 1946 г. было найдено свыше 3000 обломков глиняной посуды, большая часть которых лежала на дне землянок вокруг очагов. В некоторых случаях встречались отдельные группы фрагментов от одного сосуда, обычно втопанные в пол жилища.

Глиняная посуда, употреблявшаяся обитателями Луговского поселения, не однородна. Можно выделить следующие группы.

К первой принадлежит небольшое количество мелких обломков нескольких сосудов более древнего типа (рис. 27 —1). В глиняном тесте этих сосудов имеется примесь мелкой дресвы и кварца, иногда — следы еще какой-то исчезнувшей примеси. Они более толстые, чем вся остальная посуда, и обжиг их довольно плохой. Орнамент, повидимому, покрывает всю поверхность сосудов и состоит из различных гребенчатых вдавлений.

Во вторую группу входит довольно большое количество плоскодонных сосудов срубного типа, иногда в виде горшков с резко выраженными плечиками (так называемых острореберных, рис. 27—5), но чаще в виде

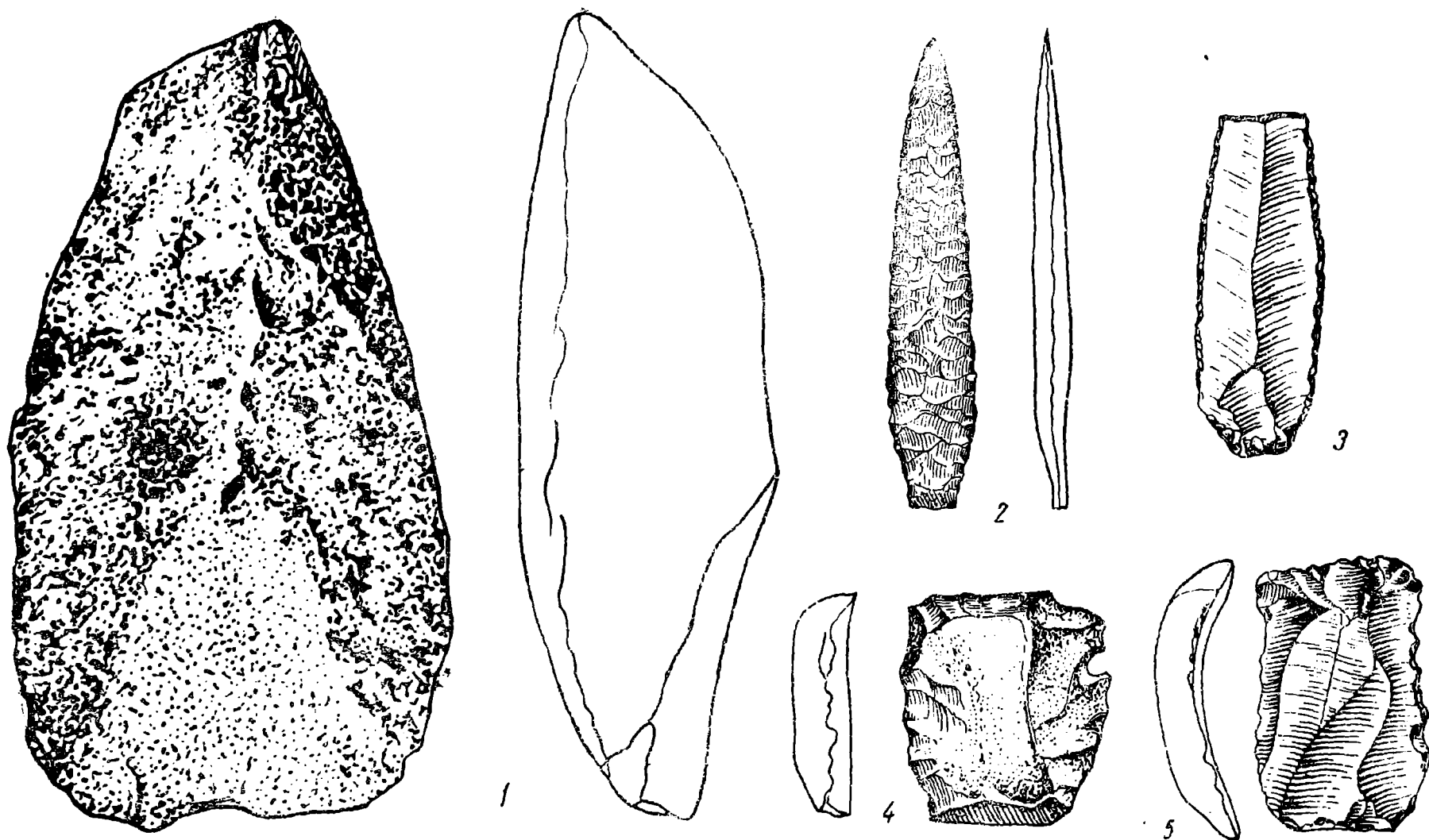

Рис. 26. Каменные орудия из раскопок Луговской стоянки
 1—топорок; 2—наконечник стрелы; 3—ножевидная пластина; 4, 5—скребки

банок (рис. 27—7). В глине посуды этой группы имеется примесь кварца и изредка — шамота. Внутренняя поверхность сосудов (а иногда и наружная) во многих случаях заглажена при помощи гребенчатого штампа и имеет отпечатки в виде более или менее глубоких параллельных линий. Направление линий различное. Орнамент нарезной или гребенчатый, расположен преимущественно в верхней части сосудов. Кроме того, иногда имеется орнамент около самых днищ, чаще всего в виде параллельных горизонтальных поясков, нанесенных движением острого предмета. Изредка встречались сосуды на поддонах; самый высокий поддон изображен на

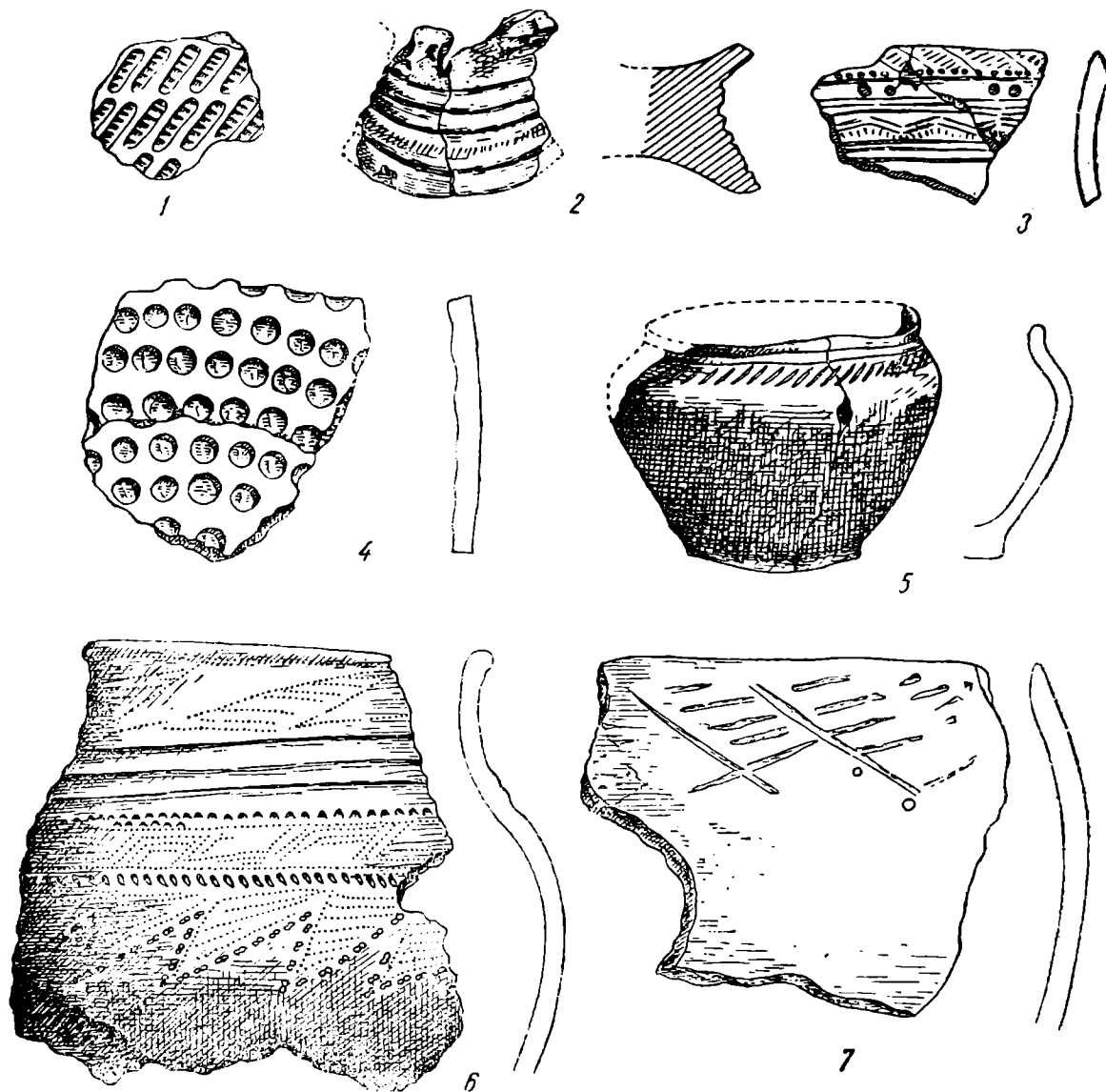

Рис. 27. Образцы глиняной посуды из раскопок Луговской стоянки

рис. 27—2. Сосуды на поддонах такого типа известны среди посуды, характерной для срубной культуры.

К третьей группе относятся плоскодонные сосуды андроновского типа (рис. 27—6). Это — преимущественно горшки, иногда довольно крупных размеров, с примесью кварца в глине. Внешняя поверхность сосудов в ряде случаев лощеная и покрыта типичным андроновским орнаментом, состоящим из заштрихованных углов и треугольников, а также меандров, нанесенных мелкозубчатым штампом. От типичных андроновских сосудов они

отличаются несколько более округлыми стенками и наличием каннелюр. Посуды этого типа довольно много.

В четвертую группу входит небольшое количество сосудов, имеющих вокруг горла выпуклый валик, который составляет типичный признак ананьинской посуды (рис. 27—3). Обломки таких сосудов иногда находили на дне землянок (например, на дне землянки № V). Сохранность их чаще всего плохая; они тонкие и рыхлые с примесью мелкого кварца (характерная для ананьинской посуды примесь толченой раковины отсутствует). Расположение орнамента такое же, как на ананьинских сосудах (на шейке и в верхней части стенок), но он почти всегда нарезной, ямочный или гребенчатый, а не шнуровой. Однако наличие выпуклых валиков вокруг горла сосудов и расположение круглых ямок под этими валиками указывают на то, что посуда ананьинского типа не появилась сразу, но сложилась в доананьинское время. Форма дна посуды этой группы неизвестна.

Из отдельных сосудов обращает на себя внимание один обломок стенки, весь покрытый круглыми очень мелкими ямками с плоским дном, посередине которого заметны какие-то бугорки (рис. 27—4). Интересен также большой сосуд с орнаментом из зигзагов, образующих спускающиеся вниз лопасти, как на посуде фатьяновского типа.

Приведенный краткий анализ керамики Луговской стоянки позволяет установить сильные влияния срубной и андроновской культур на культуру древнего населения Нижней Камы и датировать Луговское поселение концом эпохи бронзы — точнее концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Определение костного материала из раскопок стоянки 1940 и 1941 гг.¹ показывает, что древнее ее население занималось скотоводством. Удалось выяснить, что обитатели Луговского поселения уже имели всех современных домашних животных — лошадь, крупный рогатый скот, овцу (или козу), свинью.

Характер поселения — на дюне у крупного водоема — позволяет предполагать занятия рыболовством. Говорить о земледелии пока мало данных.

В дальнейшем необходимо закончить исследование жилого комплекса стоянки и прежде всего раскопать жилище, которое находится к востоку от землянки № III и к северу от землянки № V. Кроме того, на современной поверхности почвы, к северу от раскопанной площади находятся следы еще группы из 6—7 жилищ в виде неглубоких впадин, а немного западнее, вдоль края надпойменной террасы (древнего берега р. Камы) вытянута цепь из 4—5 таких же впадин. Очевидно, на Луговском поселении находилось несколько жилых комплексов, исследование которых представляет исключительный интерес.

---

¹ Материал из раскопок 1940 г. был определен В. И. Громовым, а материал из раскопок 1946 г. — В. И. Цалкиным.

М. Е. ФОСС

РЕЗУЛЬТАТЫ ГАЛИЧСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1946 г.

Продолжение раскопок на дюнах северного берега Галичского озера (Галичский район Костромской обл.), вблизи с. Быки, дало интересные результаты.¹ Раскопки были произведены во II пункте стоянки Умиление, где в 1945 г. в шурфе найдена была керамика галичского типа. Здесь можно было ожидать открытия поселения, относящегося к более раннему периоду, чем стоянка в I пункте, характеризующаяся почти исключительно «сетчатой» керамикой раннего типа.² Но уже в самом начале раскопок наряду с галичской керамикой была найдена плоскодонная керамика с грубым, сетчатым орнаментом позднего типа и с отпечатками крученой веревочки, сплошь покрывающими поверхность сосудов в вертикальном направлении. Кроме этого, попадались куски кричного железа. Было ясно, что мы имеем дело с остатками двух различных комплексов, происходящих из разновременных поселений и связанных лишь одним местом. Ни по глубине залегания предметов, ни по цвету содержавшего их слоя нельзя было установить стратиграфического различия между культурными наслоениями. Песок, содержащий находки, так же как и в I пункте, имел желтый или желто-серый цвет и залегал под почвенным слоем, толщина которого колебалась в пределах 10—20 см. Мощность культурного слоя во II пункте превосходила мощность I. В среднем она равнялась 50—70 см, но в некоторых местах находки обнаруживались на глубине 95—100 см. В тех случаях, когда песок заполнял землянки, цвет его менялся и приобретал темную окраску от содержавшегося в нем гумуса. В поздних очажных ямах песок был интенсивно-черным от большого количества угля. В древних очагах он имел пепельную окраску или сохранял натуральный цвет, отличаясь от окружающего лишь необычайной сухостью и рассыпчатостью. Под культурным слоем залегал песчаниковый слой, покрывающий дюну как бы корой, толщина которого доходила до 10 см, ниже шел опять желтый песок без всяких находок.

Во втором раскопе культурный слой, также под почвенным слоем, представлял собою песчаный суглинок, в котором находки продолжались до 50 см глубины, ниже шел песок с галькой, без находок.

От стоянки во II пункте, как и в I, осталась лишь узкая полоса в 20—25 м, с одной стороны омываемая озером, с другой — примыкающая к пойме. В настоящее время разрушение стоянки продолжается. Она обвали-

¹ Экспедиция была организована ИИМК АН СССР и Моск. историч. музеем. В экспедиции принимали участие: Н. Д. Мец, Царюк и В. Л. Фосс.

² М. Е. Фосс. Новые памятники галичской культуры. КС ИИМК, 1947, вып. XVII.

вается и размывается водой, особенно в весеннее половодье. В результате дно озера у берега усеяно кремневыми осколками и орудиями. По протяженности этих находок и по шурфовке, произведенной в 1946 г., было выяснено, что берег озера в этом месте был заселен на большом пространстве, чем предполагалось ранее: в ЮЗ направлении следы стоянки прослежены до заболоченного леса, называемого местным населением «Подболотицей», а в северном, на 50—80 м дальше от пристани Умиления — за высохшей речкой Пустынь. Длина заселенной полосы доходила до 500 м. Но эта подоса была занята не одним поселением, а несколькими, существовавшими в разное время.

В отдалении от берега была открыта еще одна стоянка с керамикой галичского типа. Она находилась приблизительно в 0,5 км к западу от стоянки «Умиление», по дороге в с. Бьжи, неподалеку от родника.

В 1946 г. во II пункте было произведено два раскопа. Первым из них была вскрыта площадь в наиболее высокой части дюны в 162 м². Здесь была обнаружена траншея В. И. Смирнова, копавшего стоянку в 1927 г.; таким образом было выяснено место находки материала, хранящегося в Галичском музее без всяких данных о его происхождении. Второй раскоп был произведен с целью отыскания ненарушенного поздними поселенцами древнего культурного слоя. По нашему предположению, южный конец дюны, понижающийся и переходящий в пойму, с наступлением субатлантического периода и повышением уровня озера был затоплен водой, поэтому поздние поселенцы вынуждены были расположиться на высокой части дюны, оставшейся свободной от воды. В связи с этим культурное наслоение древней стоянки могло сохраниться без примеси поздних предметов. Наше предположение оправдалось: во втором раскопе найдена была только древняя керамика галичского типа, шлаки отсутствовали, как и сетчатая и веревочная керамика, а кремль обнаруживал высокую технику обработки.

Материал, происходящий из первого раскопа II пункта Умиления, распадается на резко отличающиеся группы. К первой из них, характеризующей древнюю стоянку, относится гребенчатая керамика (рис. 28—1—5), орнаментированная широкими зонами; дно сосудов округло-коническое. Среди фрагментов представляют большой интерес фрагменты с изображением «утиных лапок» и водоплавающих птиц, нанесенных гребенчатым штампом (рис. 28—2—3). Эти изображения сближают керамику Умиления II с гребенчатой керамикой северной половины Восточной Европы и с Уралом, где в ряде пунктов обнаружена керамика с орнаментом в виде уток и лебедей. С этой керамикой, очевидно, сосуществовала древнего типа сетчатая керамика (рис. 28—5). Несомненно, что к этому же времени относятся каменные орудия высокой техники обработки, часть которых воспроизводится в рисунках.

Вторая группа, характеризующая позднее поселение, содержит хорошо обожженную плоскодонную посуду баночной формы с ярко выраженной шейкой, поверхность которой покрыта грубой сеткой (рис. 28—6) или отпечатками крученой веревочки, сплошь покрывающими поверхность в вертикальном направлении (рис. 28—7). Подобная керамика, несомненно, относилась к одному времени с железом, что может быть подтверждено многочисленными находками ее фрагментов с прилипшими к ним шлаками (рис. 28—7), с натекami железа или сплавленных с железом. Часть керамики найдена совершенно деформированной — пористой, раздутой от сильного жара, приобретшей кирпичный цвет; часть найдена шлакированной с характерным стеклянньим блеском поверхности. Наряду с подобного рода фрагментами керамики находились обломки кричного железа, рассеянные по всей раскопанной площади (найдено более 200 кусков). Совершенно

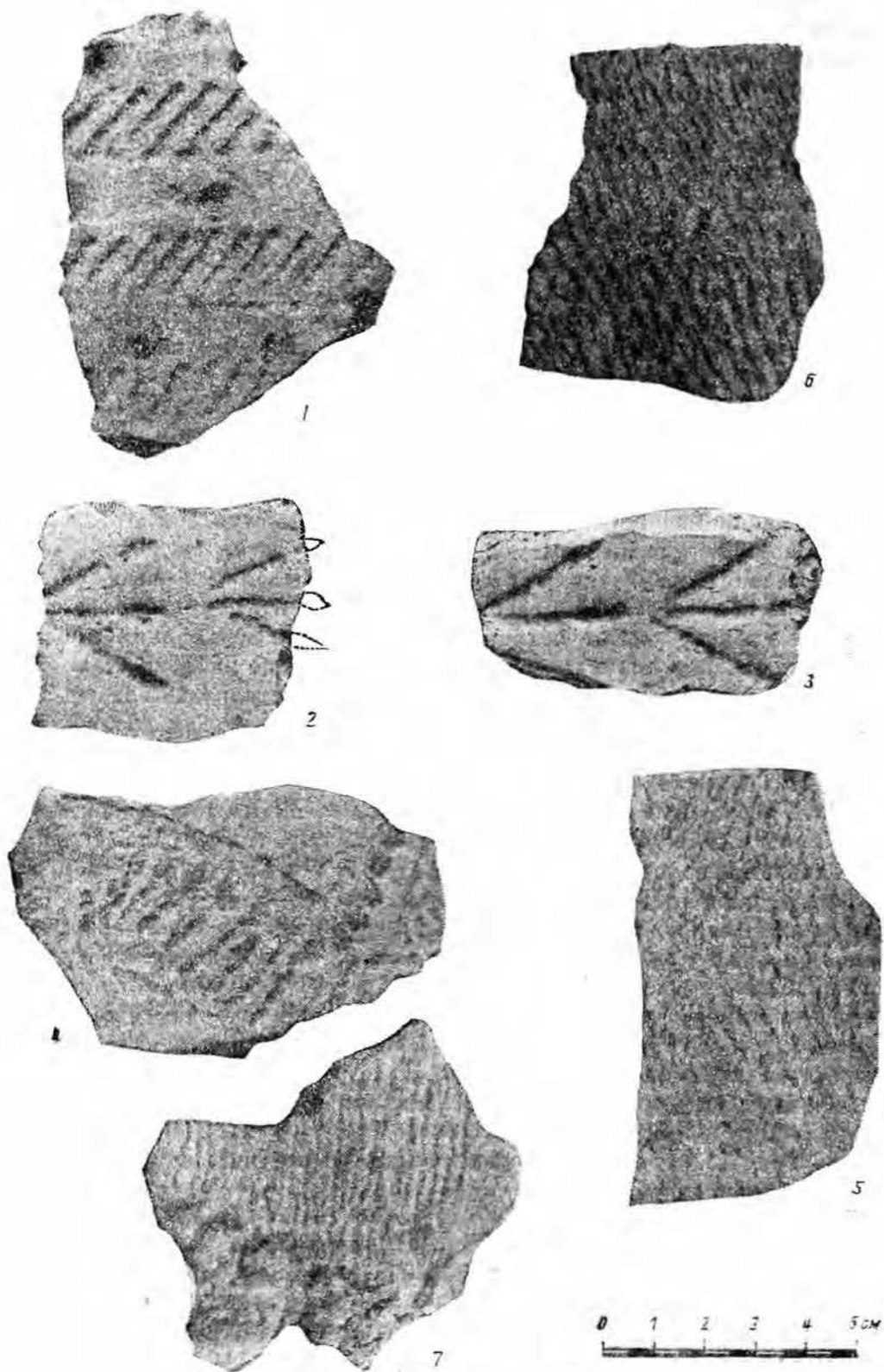

Рис. 28. Керамика со стоянки Умилениа

очевидно, что найденная керамика представляла собой фрагменты сосудов для получения железа из руды.

Вместе с этими находками обнаружено было большое количество орудий (20 экз.), обычно определяемых как отбойники; края их и концы были сбиты от сильных ударов. В отличие от обычной сработанности, эти орудия имели следы сглаженности на отдельных участках своей рабочей части, получившейся в результате растирания чего-то твердого. Среди них выделяется особый тип округло-уплощенной формы, с отчетливым ребром, идущим по окружности (рис. 31, а), назначение которого пока остается неясным (всего их 6 экз.), и орудие, известное по древним металлургическим комплексам — пест для дробления руды, изготовленный из подходящего по форме камня (рис. 31, б). Концы его также сильно сбиты. Наряду с этим найдена масса мелких кусков от разбитых плит с прекрасной полированной поверхностью из красноватого песчаника (?); эти плиты служили древним обитателям дюны для полирования орудий. Отсутствие целых плит позволяет предположить, что более поздними пришельцами они были использованы для дробления руды, а это и явилось причиной их уничтожения. Наоборот, во втором раскопе, у древнего очага, найдена целая большая полировальная плита из того же камня, что может служить подтверждением только что высказанного предположения.

К позднему времени должны быть отнесены кремневые орудия с явными признаками упадка техники обработки. Среди них много орудий из случайных осколков, с легкой подправкой рабочего края, заменявших ножи (рис. 29—16) и скребки.

В общей сложности в первом раскопе найдено 93 каменных орудия, из них 8 сланцевых, остальные кремневые, не считая орудий для дробления руды, изготовленных и из других пород камня. Часть орудий воспроизводится на рис. 29: скребки (4 экз., рис. 29—13—15, 17), наконечники стрел (рис. 29—11—12), тесло (2 экз., рис. 29—18).

Следует отметить малое количество наконечников стрел. Коллекция сопровождается обломками орудий (37), заготовками и их обломками (более 20), нуклеусами отжимной (3 экз., рис. 29—6), сколотой (5) техники и ножевидными пластинками (20 экз., рис. 29—7—9). Имеются осколки кремня (250), часть из них со следами употребления в работе.

Железных изделий раскопками не обнаружено. Из металлических вещей найдена только бронзовая булавка (рис. 29—10)¹ из толстой проволоки с круглым сечением; верхняя ее часть в виде петли украшена шишечками, сгруппированными по три на середине и по бокам. Во время чистки булавки, украшение с одной стороны совершенно разрушилось. На рисунке утраченная часть обозначена пунктиром.

Коллекция сопровождается многочисленным керамическим материалом (число фрагментов превышает 4000). Из глиняных предметов найдены: пряслице круглой формы, плоское, орнаментированное мелкими ямками, обломанное кольцо и фрагмент, напоминающий верхнюю часть головы фигурки финского типа (из Jettböle).² Следует также отметить обломок, по-видимому, принадлежащий льячке.

Костяные изделия, как и кости животных, не сохранились из-за неблагоприятных почвенных условий. Имеются лишь остатки коронки одного зуба травоядного крупного животного.

Во втором раскопе найдено 7 кремневых орудий, среди которых обращает на себя внимание микролит трапецевидной формы (рис. 29—5). Это — вторая находка микролита вместе с гребенчатой керамикой в Ко-

¹ Анализ произведен в реставрационной мастерской ГИМ сотр. С. И. Скопинцевой.

² Aikakauserja, 1912, № XXVI.

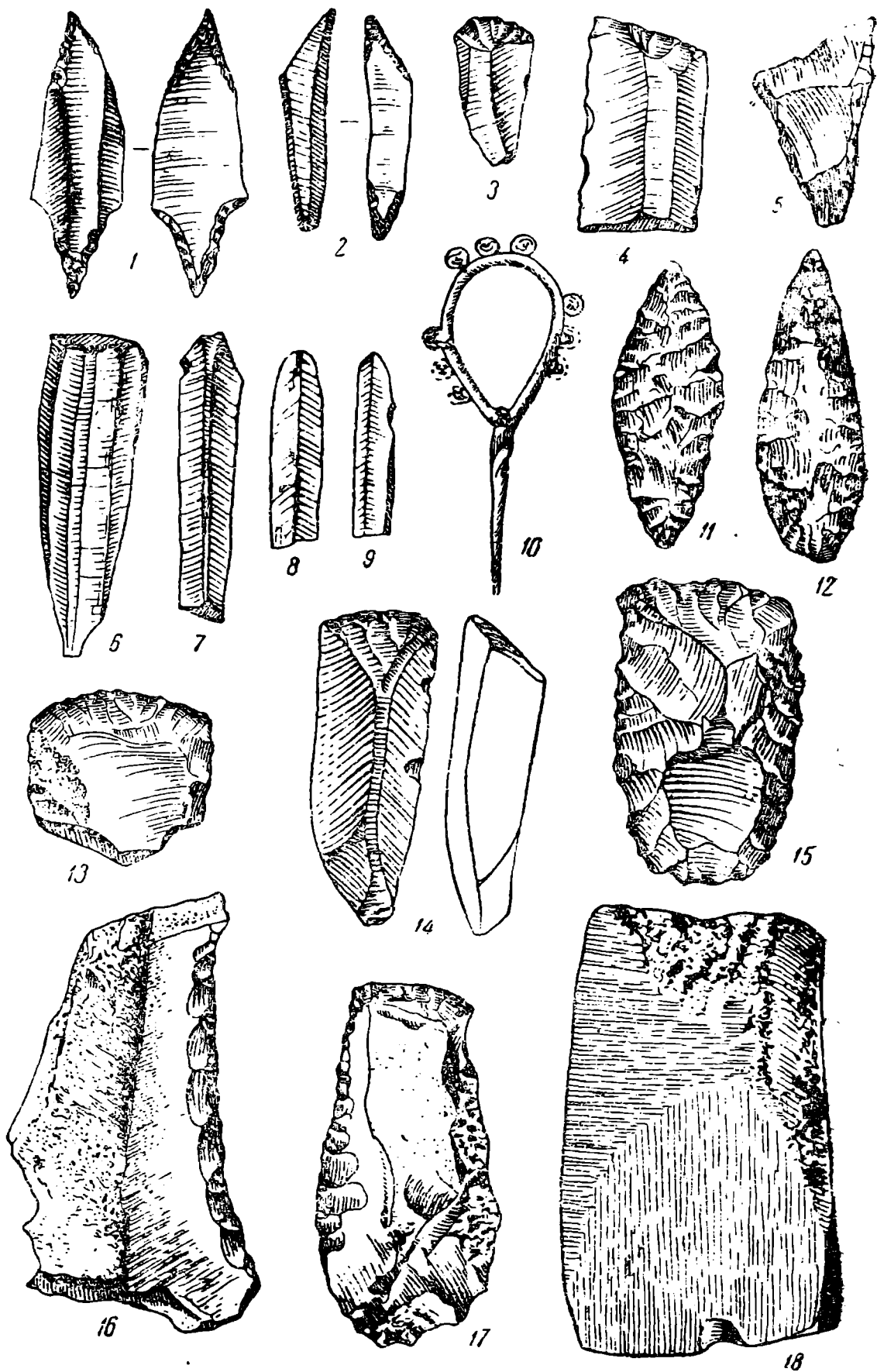

Рис. 29. Находки со стоянки Умляния
 1-9, 11-18—кремневые орудия; 10—бронзовая булава

стромской обл. (первая происходит со стоянки на р. Юге в Чухломском районе).¹ Найденная здесь керамика принадлежит нескольким сосудам с округло-коническим дном, орнаментированным крупным гребенчатым штампом с добавлением ямочных элементов. Число фрагментов более 400.

Во втором раскопе открыта часть очага на глубине 30 см от современной поверхности; очаг имеет вид ямы, заполненной песком; от окружающего суглинистого песка он отличается необычайной сухостью и рассыпчатостью — результат его пережженности. В этом песке обнаружено было скопление керамики на пространстве 1.5 м (в длину и ширину) и до 0.5 м в глубину. Нижняя часть одного сосуда найдена в вертикальном положении, поддерживаемая камнями очага.

Такого же вида очаги открыты в первом раскопе, но там они были почти все разрушены поздними поселенцами, прорезавшими древнее наслоение глубокими очажными ямами и землянками. Следы древних очагов, отличающихся незначительными размерами и глубиной и сильной обожженностью песка, с мелкими редкими угольками, прослеживаются в трех пунктах (IV, V, X). В одном случае открыта неглубокая яма, не потревоженная поздним поселением, с древним сосудом галичского типа. Повидимому, вторичное заселение дюны во II пункте произошло много позднее, когда древняя стоянка была занесена песком.

К позднему поселению, по наблюдениям, произведенным в процессе раскопок, могут быть отнесены три землянки. Землянка I уцелела лишь частично, две другие сохранились целиком. Землянки были продолговатой формы (рис. 30); размер землянки II: 5.5 м длины, около 3 м ширины; землянки III: 6 м длины, 4 м ширины (рис. 30). К землянке III примыкал очаг, заполненный интенсивно-черным песком (от большого количества угольков). Глубина землянок колебалась между 0.6—1.2 м. В разрезе они имели вид чашеобразных углублений. Внутри землянок были очаги, сопровождаемые обломками кричного железа и фрагментами керамики. Кроме очагов, в землянках на раскопанной площади обнаружены самостоятельного значения очажные ямы глубиной 0.7—1 м. Ямы были заполнены углистым песком и содержали также железные обломки и керамику (рис. 30—VI, VII, VIII, IX). На самом дне их находились плоские днища сосудов-тиглей. Очаг IX поражал огромными размерами. Будучи чашеобразной формы, он имел в длину 3 м, а в ширину около 2 м; наибольшая глубина его доходила до 1 м. Очаг был заполнен углистым песком, а в нижней части содержал слой сплошного угля толщиной 30—40 мм, в виде крупных кусков, среди которых попадались целые головни.

Размеры подобных очагов обуславливались специальным их назначением: здесь производилась выработка железа, требовавшая высокой температуры, что достигалось устройством огромных костров в глубоких ямах. Поселение с такими очагами следует рассматривать, как возникшее в связи с выплавкой металла. Весь комплекс, обнаруженный здесь, представляется в виде примитивной мастерской.

Одновременно с раскопками производились сборы материала вдоль берега озера на поверхности. В результате составила большая коллекция более чем из 600 находок. Среди них преобладали кремневые орудия микролитического облика (рис. 29—1—3); крупные орудия представляли единичные экземпляры, причем наряду с орудиями из сланца найдены

¹ А. В. Збруева. Стоянка на р. Юге, Чухломского уезда Костромской губ. Тр. секц. археол., РАНИОН, т. IV, стр. 233, рис. 1, М., 1928.

единичные фрагменты кремневых полированных орудий. Среди находок выделяются 3 рыболовных грузила большого размера с отверстиями для привязи и теслообразное орудие, обработанное сколами, достигающее в длину 26 см.

При наличии в Умилении разновременных поселений трудно решить, из какого слоя происходят собранные на поверхности находки. Несомненно одно, что они относятся к более древним наслоениям. В I, как и во II пункте, имеются нуклеусы и ножевидные пластинки микролитической техники и так как, кроме двух стоянок, в одной из которых найдена сетчатая керамика, в другой — гребенчатая, других изделий не было обнаружено, мы приходим к заключению, что микролитоидный кремень может происходить из этих комплексов. Во втором раскопе Умиления II имеется, как уже указывалось, микролит трапециевидной формы. Продолжение работы помо-

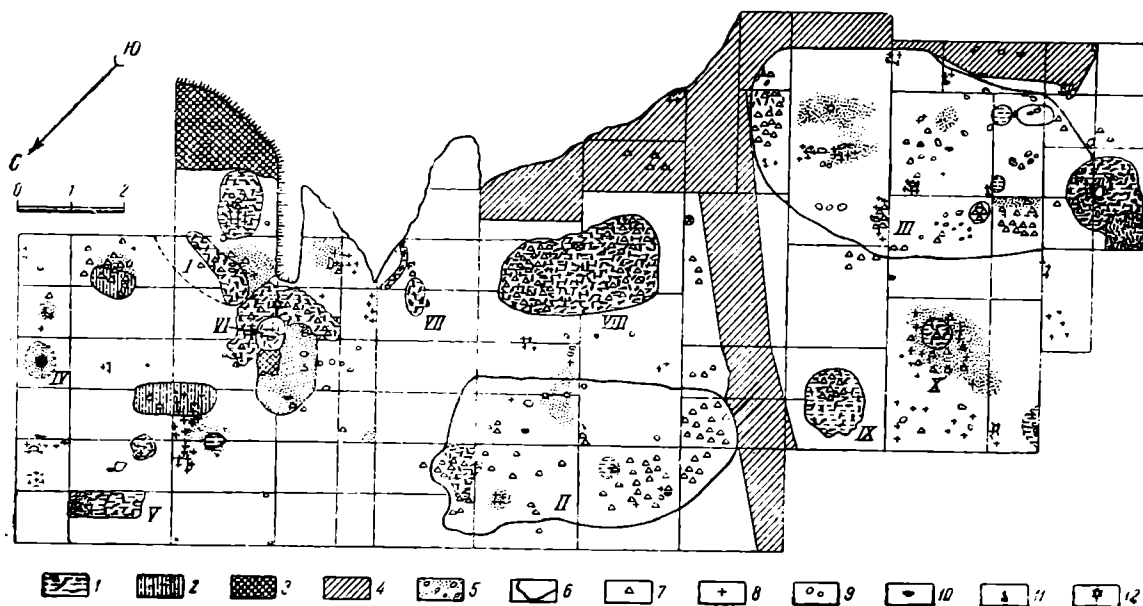

Рис. 30. Стоянка Умиление. План раскопа

1—углистый слой, 2—зеленый песок, 3—пермшаньный слой, 4—раскопки В. И. Смирнова, 5—пережженный песок, 6—граница землянок, 7—куски кричного железа, 8—керамика, 9—камни, 10—кремневое орудие, 11—каменное тесло, 12—бронзовая булава. I—X—исмера землянок

жет окончательно выяснить время бытования орудий микролитоидного облика.

Переходя к датировке раскопанных поселений, прежде всего отметим, что древний комплекс II пункта Умиления и второй раскоп дают керамику, аналогичную Галичской стоянке (на Заячьей Горке). Сюда же надо присоединить стоянку по дороге в селище Быки. Во всех этих поселениях комплекс характеризуется гребенчатой керамикой, представляющей вторую стадию развития древней ямочно-гребенчатой керамики, обнаруженной в Костромской обл. в ряде пунктов (Борань, Федоровское и др.).

Следующий этап прослеживается на материале I пункта Умиления, характеризуемого расцветом сетчатой керамики раннего типа, зародившейся, как это показывает Галичская стоянка, в комплексе гребенчатой керамики, в котором она находится в незначительном количестве. Переходная стадия, с вытеснением гребенчатой керамики — сетчатой и штриховой, может быть прослежена на материале стоянки на р. Юге в Чухломском районе Костромской обл., находящейся на расстоянии около 60 км от Умиления.

Поселение с выработкой железа дает сетчатую керамику позднего типа, отличающуюся резко углубленными продолговатыми ячейками. Эта керамика совершенно тождественна найденной в селище Быки, где керамический комплекс в общем отличается по сравнению со II пунктом Умилениа большим разнообразием (имеются сосуды с орнаментом ананьинского типа). Возможно, что однообразие керамики II пункта Умилениа объясняется производственным характером поселения. Керамика этого места, как сетчатая, так и веревочная, хорошо известна по городищам Дьякова типа, где она появляется на ранних этапах развития Дьяковской культуры (Старшее Каширское городище) и где сопровождается железными изделиями.¹ В селище Быки не обнаружено ни железных, ни бронзовых предметов, но, судя по упадочной технике кремня, металл здесь конкурировал с камнем; будущие раскопки, без сомнения, подтвердят наше предположение. Поселение с кричным железом, на основании тождественной керамики селища Быки, может рассматриваться как памятник, существовавший одновременно с селищем Быки, но несколько ранее древних городищ Дьякова типа,² так как здесь еще бытовали каменные орудия (скребки, наконечники стрел). В связи с этим мы намечаем ориентировочную дату литейной мастерской VIII—VII вв. до н. э.

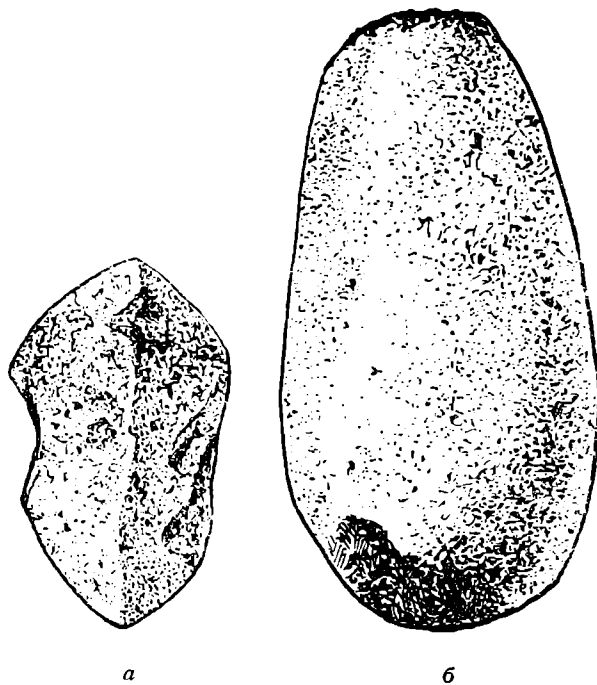

Рис. 31. Каменные орудия. Стоянка Умилениа

Сравнивая керамику второго раскопа Умилениа II с керамикой Галичской стоянки, мы приходим к заключению об их одновременности. Анализируя данные по раскопкам Галичской стоянки,³ в комплексе которой отмечается нахождение обломка железного кельта, железного нсжа, железных шлаков, двух плоскодонных сосудов, а также принимая во внимание наблюдение, сделанное во время раскопок В. А. Городцовым, отметившим, что землянка I была перерыта более глубокой ямой (раскопанной в значительной части предшествующими исследователями), мы предполагаем, что на месте Галичской стоянки имелись также остатки более позднего поселения, как и в Умилениа.

Умилениа II (древний комплекс) и Галичская стоянка предшествовали Умилениа I, датируемому XIII—XI вв. до н. э. В промежуточное время произошло вытеснение гребенчатой керамики сетчатой, о чем упоминалось выше, прослеживаемое по стоянке на р. Юге. Датируя Галичскую стоянку VIII в. (по В. А. Городцову), мы тем самым вынуждены были бы сто-

¹ По материалам ГИМ. См. В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934 г.

² Старшее Каширское городище датируется В. А. Городцовым VII—V вв., П. Н. Третьяковым — V—IV вв. до н. э. См. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Матер. и исследования по археологии СССР № 5, 1941 г., стр. 19.

³ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. Тр. секц. археол., РАНИОН, М., 1928, т. III.

янку Умиление I отнести к еще более позднему времени и синхронизировать ее с городищами ранней стадии дьяковской культуры, т. е. прийти к выводу явно не правильному — об одновременном существовании древней сетчатой керамики с поздней городищенской. Исследование стоянок с керамикой гребенчатой, сетчатой и раннедьяковского типа, расположенных в ближайшем соседстве друг от друга,¹ позволяет выяснить последовательность их во времени и уточнить существующую датировку.

Резюмируя итоги работ 1946 г., приходим к следующему:

- 1) были выяснены размеры заселенной полосы на дюнах Галичского озера у сел. Быки;
- 2) установлена разновременность поселений, открытых в Умилении II;
- 3) выяснено, что позднее поселение было связано с выработкой железа;
- 4) выяснены детали, восстанавливающие процесс получения железа в примитивных условиях жизни на стоянке;
- 5) в связи с работой 1945 г. наметилось изменение в датировке Галичской стоянки.

---

¹ Галичская стоянка находится в 5—6 км от Умиления.

р. Ассы было обнаружено и поселение, связанное с изучаемым могильником.¹ Раскопками 1946 г. было завершено исследование Нестеровских поселения и могильника.

Из 53 погребений, вскрытых на Нестеровском могильнике за все время, 13 было вскрыто истекшим летом. Все захоронения находились на разной глубине: от 0.40 до 0.95 м, в слое плотного суглинка, залегавшего на слое гравия. Большинство могил было завалено булыжными камнями, иногда очень крупными и большого веса. Повидимому, это делалось в целях охраны свежих могил от хищных животных. Малая глубина и огромная тяжесть покрывающего слоя способствовали быстрому разрушению останков погребенных.

Почти все костяки, очень плохой сохранности, лежали в скорченном положении, на правом, иногда — на левом боку. Ориентировка могил —

Рис. 32. Нестеровский могильник (погребение № 11)

произвольная. Исключение составляли только две мужские могилы, в которых костяки лежали вытянутыми на спине, с руками вдоль туловища. Эти могилы были также завалены булыжником и окружены мощными кругами, выложенными из довольно крупных булыжных камней. Они резко отличались от всех могил, вскрытых на Нестеровском могильнике в предшествующие годы (рис. 32). В одной могиле были зафиксированы только жалкие остатки совершенно распавшихся железных вещей, очевидно, оружия. При другом костяке найден превосходный железный короткий меч в железных ножнах, наконечник железного копья и отлично обработанный точильный камень (оселок). Рукоять и перекрестье меча указывают на его безусловную связь со скифским оружием (рис. 33—15).

В этих двух погребениях можно видеть останки представителей верхушки местного родового общества, обитавшего здесь в середине I тысячелетия до н. э.

¹ Характеристика поселения и связь его с Нестеровским могильником изложены в моей диссертации, часть которой напечатана в Трудах ГИМ, 1948, вып. XVII.

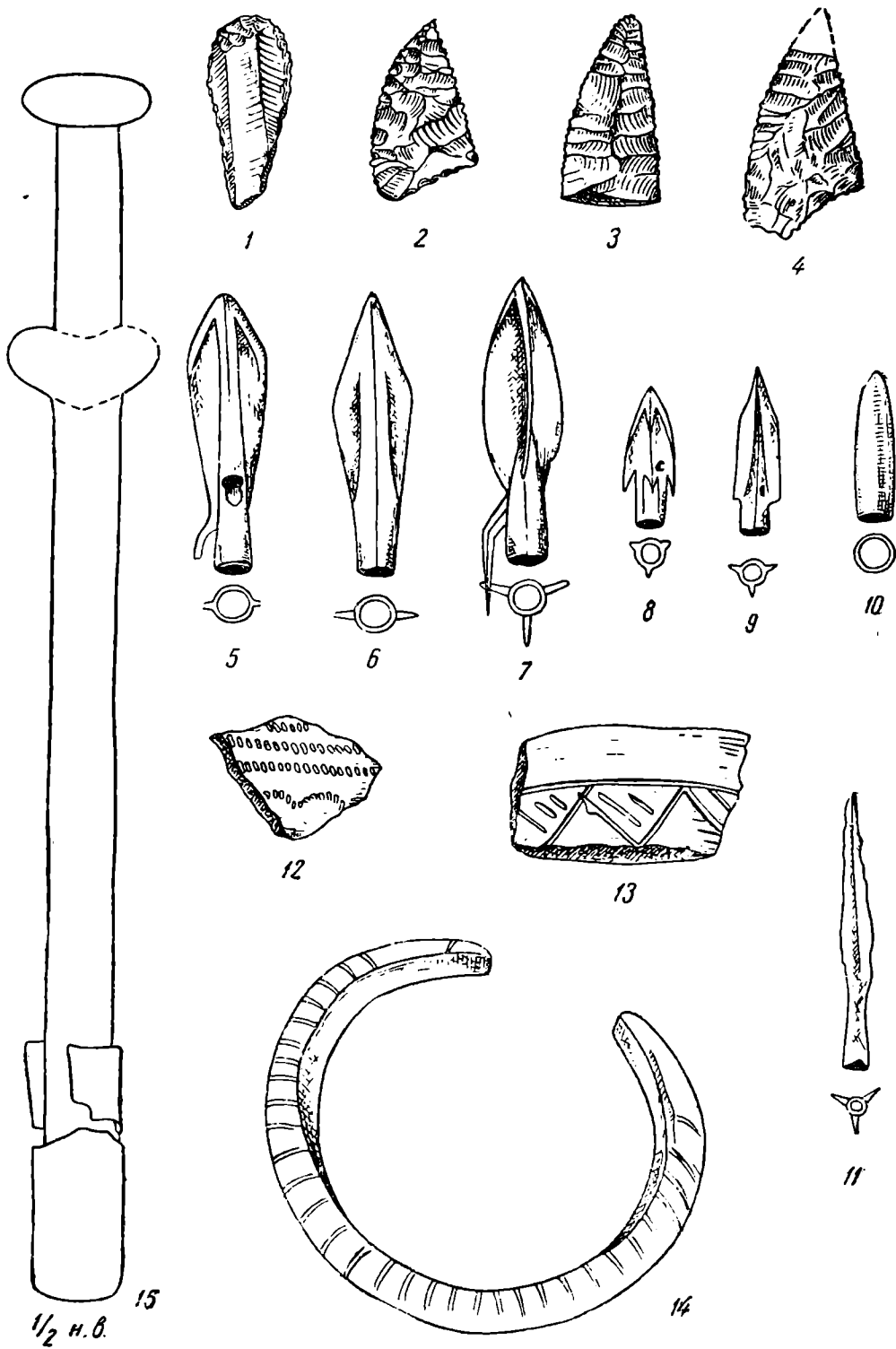

Рис. 33. Находки в Грозненской области

1 — 4 — кремневый скребок и наконечники стрел из северных районов Грозненской обл. (подъемный материал); 5 — 10 — бронзовые наконечники стрел (оттуда же); 11 — железный наконечник стрелы (оттуда же); 12 — 13 — обломки керамики (оттуда же); 14 — бронзовый браслет; Нестеровский могильник (погребение № 5); 15 — железный кинжал; Нестеровский могильник (погребение № 13)

Интересной была и могила № 10. Под исключительно мощной прямоугольной кладкой булыжных камней, весом до 50—70 кг каждый, был обнаружен совершенно раздавленный костяк мужчины, лежавший скорченно на правом боку. Могильный инвентарь составляли: костяной четырехгранный, втульчатый наконечник стрелы, обломки бронзовых ве-

Рис. 34. Нестеровский могильник (погребение № 9)

щей и железного оружия и две замечательные глиняные миски с четырьмя ручками. Миски лощеные, хорошей обработки.

Относительным богатством могильного инвентаря отличалось и женское погребение № 5. Костяк немолодой женщины лежал скорченным на правом боку. У черепа сохранились: два массивных бронзовых височных кольца из круглой проволоки, ожерелье из синих и зеленых стеклянных и из желтых пастовых бус с цветными глазками и выступами, на правой руке — бронзовый массивный литой браслет с поперечными зарубками на лицевой стороне; браслет явно кобанского типа (рис. 33—14). У пояса — глиняное пряслице конической формы и глиняный сосудик, украшенный по венчику щипковым орнаментом скифского типа.

Обращает на себя внимание один большой лощеный сосуд из могилы № 12 с налестами в виде извивающихся змей.

В отличие от предыдущих лет, на этот раз все изучаемые погребения были одиночными, за исключением могилы № 9, содержащей скорченный женский костяк, в ногах которого был захоронен ребенок (рис. 34). Как и раньше, всюду между могилами были обнаружены остатки тризны.

Раскопками 1946 г., тщательным осмотром карьера и пробными шурфами установлено, что Нестеровский могильник, повидимому, исчерпан.

Не менее интересными казались и результаты раскопок Нестеровского поселения. Оно занимает площадь около 1 га. Раскоп в 32 м² был заложен рядом с раскопом предшествующих лет. Культурный слой поселения

Рис. 35. Нестеровское поселение. (Остатки очагов)

не превышает 0.5 м и в верхних слоях, в результате вспашки плугом, оказался сильно перемешанным с современным растительным слоем. Культурный слой, изобиловавший зольными включениями, дал огромное количество керамических изделий: разбитых сосудов самых различных форм и размеров, ситочек-цедилок со сквозными отверстиями в стенках, пряслиц и льячек. Найдено несколько кусков железного шлака, крицы и два железных предмета в виде зубила и шила. Эти находки, безусловно, указывают на местное производство железа и железных изделий.

В раскопе зафиксированы остатки двух очагов со следами обожженной глины и глиняной обмазки (рис. 35). Любопытно, что ни одной бронзовой вещи на поселении не найдено, в то время как на могильнике все украшения, за исключением железного оружия, сделаны из бронзы.

Посуда, встреченная на поселении и могильнике, по морфологическим признакам почти одинакова. Как правило, вся она украшена налестным и шипковым орнаментом. Но по качеству она несколько различна. На поселении керамика лучшего качества, лучшего обжига и потому лучшей сохранности. Получен также большой остеологический материал.

Весь материал, добытый на могильнике и поселении, хорошо датируется по образцам оружия (кинжалам-акинакам и стрелам) и керамике скифского типа эпохой VI—IV вв. до н. э.

Особенно выразительным оказывается инвентарь Нестеровского могильника. Он связывается с тремя древними культурными зонами — горным Кавказом (по погребальному обряду, браслетам и украшениям), степями Приазовья и Украины (по оружию и керамике) и горным Крымом (по цветным пастовым бусам и привескам).

Мы получили возможность судить о наличии очень оживленных связей у древнего местного населения с обитателями столь отдаленных областей нашей страны, как украинские степи, где бытовала скифская культура, и горный Крым, где жили племена тавров.

Это обстоятельство значительно расширяет наши представления о культурах Северного Кавказа эпохи I тысячелетия до н. э.

Кроме стационарных работ на поселении и могильнике, были произведены и рекогносцировочные; в прилегающих ущельях (например, в «Мокрой Балке») были открыты места поселений эпохи позднего средневековья.

Исключительно интересными оказались результаты работ в северных районах Грозненской обл. Степные и пустынные пространства к северу от среднего течения Терека, за исключением Моздокской степи, были совершенно не известны в археологическом отношении. Первое же ознакомление с древностями Каясулинского и Караногайского районов области дало экспедиции обильные и весьма выразительные материалы для предварительной исторической характеристики этих районов.

Прежде всего следует отметить поражающее обилие курганных насыпей — надмогильных памятников древнего населения края. Становится совершенно очевидным, что курганы являются основным археологическим богатством Грозненской обл. Они разнообразны по форме, величине и расположению группами. Курганами покрыто все степное пространство от гор. Моздока до Маныча — на север и до кизлярского района — на восток. Они вплотную подходят к границам распространения маньчских и бурунских песков. В большинстве своем находясь в неземледельческой, а скотоводческой зоне области, они не тронуты плугом и представляют собою прекрасно сохранившиеся монументальные памятники прошлого. На большинстве из них нет никаких следов ограбления.

Некоторые курганные насыпи резко выделяются формой и размерами: например, прекрасно сохранившийся огромный курган «Би-тюбе», возвышающийся близ сел. Иргаклы Каясулинского района. Он достигает более 13 м высоты и по праву именуется населением «царским курганом». По ряду данных, курган Би-тюбе является усыпальницей племенного вождя, если не скифского, то еще более древнего общества.

Не менее интересны курганные группы близ сел. Уч-тюбе-Таслы и Кара-тюбе.

Подобные курганы невольно заставляют вспомнить большие курганы Прикубанья со знаменитым Майкопским курганом во главе. Для суждения о научной ценности всех зафиксированных экспедицией памятников материальной культуры большое значение имеет подъемный материал, собранный в районах расположения курганных групп. Так, обследуя ныне занесенные песками отдельные участки степи в окрестностях селений Махмут-Мектеб, Терекли-Мектеб, Божиган, совхоз «Червленые Буруны» № 2 и др., экспедиция обнаружила многочисленные остатки древних культур и явные следы обитаемости человеком этих мест с древнейших времен.

Резцы из кремня, асимметричные кремневые наконечники стрел с

одним выступающим шипом, аналогичные стрелам из кургана станицы Новосвободной (рис. 33—1, 4) — обломки каменных булав из змеевика, богато орнаментированная шнуром керамика (рис. 33—12) — подобная керамике из среднекубанских курганов эпохи бронзы, обломки зернотерок, терочки и песты, поднятые в выдувах между песчаными дюнами и барханами, указывали на то, что жизнь в этих районах протекала с эпохи самой ранней бронзы (с рубежа III—II тысячелетий до н. э. и позднее). Типологически многие находки, например стрелы, керамика, оказались очень близкими древнейшим памятникам Прикубанья.

Серия прекрасно сохранившихся бронзовых и железных наконечников стрел всех типов (начиная от двухперого с шипом и кончая трехгранными железными) (рис. 33—5—11), обломки скифских железных коротких мечей-акинаков и керамических изделий (посуда, прясла) свидетельствовали о наличии здесь явных элементов скифской культуры VII—IV вв. до н. э.

Найденные в песчаных выдувах многочисленные предметы быта (оружие, украшения и керамика других эпох) подтверждали непрерывность культурного развития местного общества вплоть до эпохи позднего средневековья и даже позднее.

Только надвигавшиеся из Прикаспия пески и частичное затопление морскими водами некоторых районов степи (о чем можно судить по множеству морских раковин), в результате повторных каспийских трансгрессий, прервали человеческую жизнь в этих местах.

Собранный экспедицией археологический материал ценен не сам по себе. Главное его значение состоит в том, что он позволяет правильно и по достоинству оценить крупное научное значение всех этих курганов, еще сохранившихся вблизи границ песчаных дюн. Все собранные экспедицией предметы являются только жалкими остатками некогда бытовавших здесь многочисленных поселений, могильных полей и курганных групп, занесенных надвигавшимися песками, а потом развеянных ветром.

Все это доказывает, что в отдаленные времена описанные ныне частью безжизненные пространства представляли цветущий край, где жизнь была ключом. Со всеми ее особенностями можно познакомиться, только археологически исследовав ряд местных памятников материальной культуры.

Есть все основания полагать, что в курганах типа Би-тубе и других можно встретить материалы большого научно-исторического значения и художественной ценности. Несомненно, что раскопки таких курганов могут дать не только крупные материальные ценности, но и помогут вписать яркие страницы в историю пока еще недостаточно изученной Грозненской обл. и всей северо-восточной части Северного Кавказа.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В конце мая 1946 г. я имел случай осмотреть археологические материалы, хранящиеся в Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР.¹ В основном они состоят из фрагментов и целых глиняных сосудов, добытых В. Р. Чейлытко и другими лицами на городищах и на неукрепленных древних поселениях в западных и южных районах Таджикистана. Среди них можно видеть образцы высокой по качеству изготовления ангобированной, так называемой кушанской керамики первых веков нашей эры; крупную серию находок составляют предметы предмусульманского времени, частично (из района гор. Пенджикента на Зеравшане) датированные монетами согдийских правителей VII в. К мусульманскому периоду (в основном к X—XII вв.) относятся фрагменты глазурованных сосудов, напоминающие известные типы афрасиабской керамики, сосудов ручной лепки с монохромной росписью спиралями, зигзагом, в елочку, в свое время В. Л. Вяткиным ошибочно отнесенных к трипольской культуре.²

Наряду с предметами этих культур, облик которых в ходе новейших археологических исследований становится с каждым годом все более и более ясным, в собрании Института оказались три находки предметов, восходящих к более ранним и еще весьма слабо освещенным этапам истории материальной культуры древних народов Средней Азии. Они включают в себя медный топор и несколько круглодонных сосудов.

Топор из красной меди (рис. 36) найден в январе 1941 г. при прокладке трассы узкоколейной железной дороги Сталинабад — Курган-тюбе на глубине 5 м от поверхности в выемке у кишлака Шаршар, в 40 км к югу от гор. Сталинабада. Находка была доставлена в Институт руководителем работ на этом участке строительства.

Топор проушной с сравнительно длинным, несколько оттянутым назад широким (частично попорченным) обушком, стоящим поперечно по отношению к оси проуха; в месте узкого круглого проуха топор сильно расширяется, приобретая ромбовидную форму; клин топора продольный, массивный и изогнут сообразно с расчетом нанесения удара передним концом лезвия; длина топора 16.6 см, ширина по лезвию 7.4 см, диаметр проуха 2.9 см.

¹ Пользуемся случаем выразить благодарность директору Института тов. Хусейнзаде, оказавшему любезное содействие при ознакомлении с коллекциями.

² В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 40; А. И. Тереножкин. Литература по археологии Узбекистана. Вестник древней истории, 1939, № 1, стр. 190—191.

В Музее культуры в Самарканде имеется медный топор, найденный при неизвестных обстоятельствах в дореволюционное время в районе гор Пенджикента. Топор (рис. 37) отлит из красной меди и подправлен отковкой. Обушковая часть топора очень широкая и так пристроена к концу, что напоминает тесло; проух — круглый, небольшого диаметра; в проухе топор ромбовидно расширяется и переходит в массивный продольный клин с полукруглым лезвием; длина топора 21.5 см, ширина по лезвию 7.8 см, диаметр проуха 3 см.

Сравнительно легкий и фигурно изогнутый шаршарский топор, несомненно, был боевым оружием. В более крупном, массивном и простом по схеме пенджикентском топоре, повидимому, следует видеть орудие с функциями топора-тесла. Отличаясь, возможно,

функционально и в деталях, топоры в общем принадлежат к одному типу проушных топоров с поперечным широким обушком и продольным лезвием.

Других случаев находок подобных топоров в Средней Азии нам неизвестно. Они не имеют ничего общего по форме с известными крупными

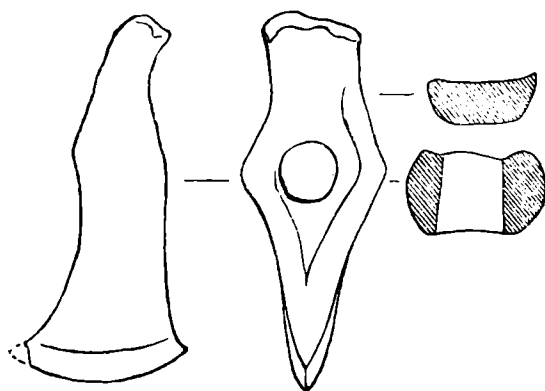

Рис. 36. Медный топор из кишлака Шаршар в 40 км южнее гор Сталинабада

вислообушными топорами с большим гребнем, часто находимым в Казахстане и в Киргизии, которым присвоено название азиатско-туркестанских,¹ и с бронзовым тоже вислообушным топором восточно-европейского типа (особенно типичного для андроновской культуры), найденным в кладе бронзовых изделий близ с. Чимбайлык в верховьях р. Чирчик (хранится в Историческом музее гор. Ташкента). Отсутствие параллелей и других иных наводящих данных затрудняет датировку таджикстанских медных топоров. В настоящее время можно лишь весьма условно предположить, что эти совершенные в функциональном отношении

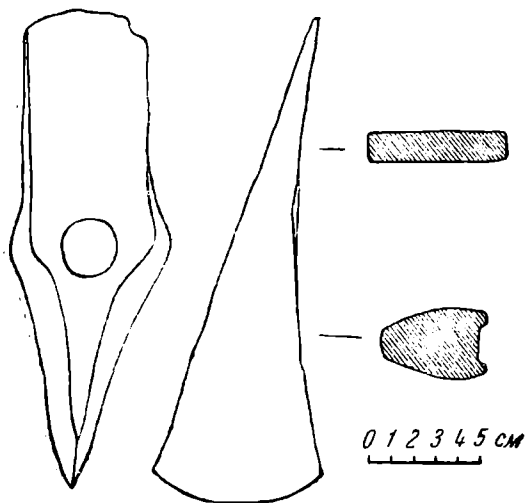

Рис. 37. Медный топор из района гор Пенджикента

орудия могут относиться к середине II тысячелетия до н. э.

Важность находок медных топоров в Таджикистане заключается в том, что они впервые проливают свет на бронзовый век центральных районов Средней Азии.

Круглодонные глиняные сосуды были найдены в том же 1941 г. в кишлаке Шаршар и в самом гор. Сталинабаде. Из находки при строительстве железной дороги в Шаршаре нами осмотрены три сосуда. Они изготовлены из чистой глины, без применения гончарного круга; снаружи тщательно заглажены, внутри имеют вдавления от пальцев, обож-

¹ А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit, стр. 64.

жены ровно, так что черепок крепкий, желтого (лёссового) или красноватого цвета.

Один сосуд (рис. 38—1) имеет вид глубокой чаши или кубка с широким горлом и круглым, явно случайно (набок), чуть уплощенным дном, наружные поверхности от венчика до дна изящно залощены узкими косыми полосками; высота сосуда 12 см, диаметр венчика 10.6 см.

Второй сосуд (рис. 38—2) — глубокая миска с сильно вогнутыми внутрь краями и круглым дном, на стенках которой снаружи видны незначительные следы лощения; высота сосуда 9 см, диаметр венчика 16.6 см.

Третий сосуд (рис. 38—3) — низкая открытая миска с круглым, но сильно уплощенным дном, гладкими внутренними и наружными поверхностями; высота сосуда 6 см, диаметр венчика 21.4 см.

Обстоятельства находки неизвестны, судя же по сохранности сосудов и по групповому поступлению, они, вероятнее всего, происходят из погребения.

В Сталинабаде сосуды были найдены при закладке геологического шурфа на восточной окраине города, на краю третьей террасы р. Дюшамбинки. Место находки было исследовано археологом П. С. Смолич, которым было зарегистрировано, что здесь находилось погребение в скорченном положении на правом боку (по нашему мнению, погребение в катакомбе, случайно получившее сходство со скорченным), го-

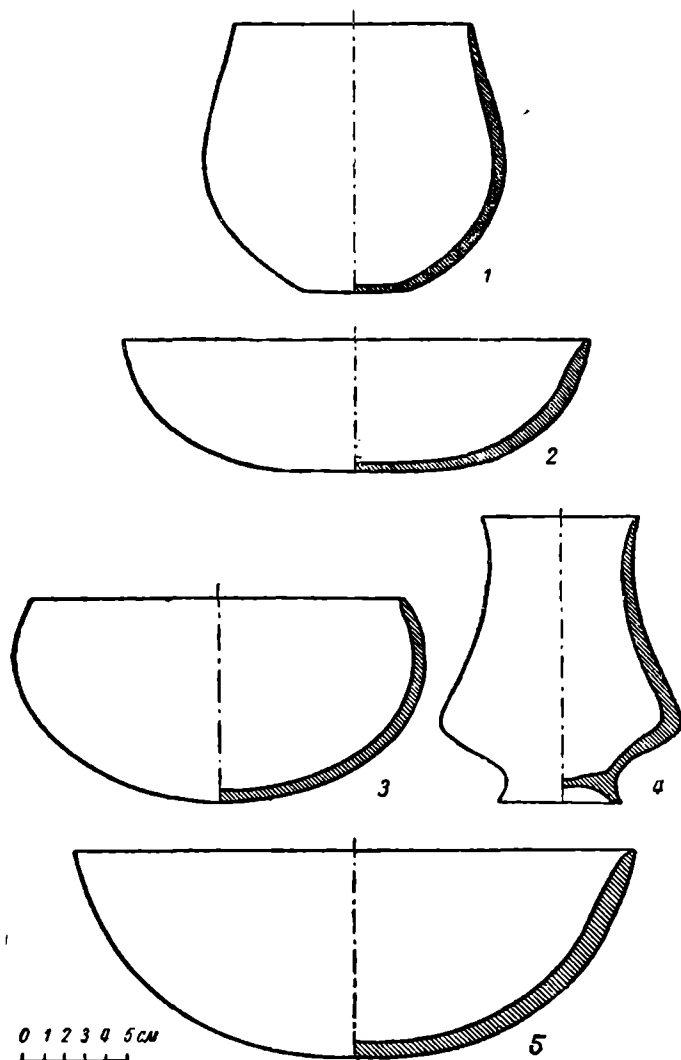

Рис. 38. Глиняные сосуды
1 — 3 — из кишлака Шаршар; 4 — 5 — из погребения в гор. Сталинабаде

ловой на восток, сопровождавшееся 9 сосудами — круглодонными горшками и мисками и плоскодонными кружками.

Нами осмотрены только 7 сосудов. Три из них представляют собою открытые неглубокие миски с круглым, сравнительно сильно уплощенным дном; диаметр одной — 25.5 см, высота 9.5 см; размеры других приблизительно такие же.

Четыре кружки — своеобразной биконической формы, с высоким, отогнутым наружу венчиком и небольшим донцем на низком поддоне (рис.

38—4). По размерам они близки одна к другой: высота одной из них 13 см, диаметр венчика 7 см, диаметр дна 5 см.

В техническом отношении сосуды из погребения в Сталинабаде уступают находкам из Шаршара. Они несколько грубее, не имеют лощения и в отличие от шаршарских покрыты красноватым ангобом. Однако они связываются между собой наличием общих форм, и на основании этого могут быть отнесены к одной культурной стадии.

В восточной части Средней Азии выявлен мощный пласт культур, характеризующихся наличием круглодонных форм сосудов. В Семиречье они типичны для культуры саков, открытой в течение последних лет А. Н. Бернштамом и для культуры усуней.¹ Для предконгюйского времени в бассейне рек Чирчика и Ангрена нами установлена бургулюкская культура, наиболее ярким признаком которой является также круглодонная керамика.² Одновременная и близкая по характеру культура определена для Ферганы Т. Г. Оболдуевой в 1940 г.³

Открытие экспедицией С. П. Толстова в 1939 г. городища Кузялягыр IV—III вв. до н. э. в Ташаузском округе Туркменской ССР показывает, что круглодонная посуда имела распространение и в культурах северо-запада Средней Азии. В свете этих данных, находка круглодонных глиняных сосудов ручной лепки в Таджикистане заслуживает весьма пристального внимания, так как она восполняет недостающее звено в распространении культур с круглодонной керамикой в центральных частях Средней Азии. Эта находка подводит нас к исследованию греко-бактрийской культуры в Таджикистане и, нужно полагать, в Самаркандской обл., на местных памятниках, где проблема этой культуры так блестяще раскрывается К. В. Тревер на основании изучения произведений греко-бактрийского искусства. Совершенно закономерно и то, что полусферическая форма золотых и серебряных чаш, восходящих к греко-бактрийской культуре, в свете новых находок оказалась вполне свойственной и для керамических изделий.⁴

---

¹ А. И. Тереножкин. Археол. разведки по р. Чу в 1929 г. Проблемы докапиталистических обществ, 1935, № 5—6, стр. 141; М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. Вестник древней истории, 1938, № 3, стр. 162—179.

² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 9, стр. 32—33; его же. Каунчи-тепе. Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 84—86.

³ Т. Г. Оболдуева. Археол. наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 30.

⁴ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1941, стр. 67 и др.

квадраты содержали свыше 300 каменных осколков и орудий; в местах скопления культурных остатков слой оказывался густо окрашенным красной охрой.

Среди каменного инвентаря наиболее эффектны крупные вещи из великолепного горного хрусталя. Среди костяных орудий в особенности интересно большое (длиной около полуметра) лопатовидное орудие из мамонтовой кости с тщательно обработанным слабо округлым рабочим концом.

Общая картина площади, вскрытой нашими двухлетними раскопками, очень наглядна: это — картина временного становища палеолитических охотников на северного оленя, дикую лошадь, мамонта и носорога, располагавшихся на этом месте в течение двух летних сезонов, о чем говорит положение культурных остатков среди мелких переслоек песка и глины, имеющих, несомненно, сезонное происхождение. Становище находилось в древней долине Чусовой и покрывалось весенними паводками.

Вновь добытый на стоянке материал подтверждает сходство материальной культуры памятника с палеолитическими стоянками Сибири, типологически располагаясь между стоянками Мальта и Афонтова Гора II.

Сибирский характер инвентаря говорит за первоначальное заселение Урала и Западного Приуралья с востока или юго-востока, из-за Урала. Возможно, что исторические корни этого сходства между древней культурой Урала и Сибири следует искать еще глубже, в природных условиях, сложившихся здесь в эпоху максимального оледенения. Спускавшийся вдоль Волги далеко на юг донской язык материкового льда близко подходил к северной оконечности трансгрессировавшего к северу огромного Каспийского морского бассейна, отделяя Урал и Поволжье от Европы.

Тем же летом работы по изучению палеолита были перенесены отрядом и на восточные склоны Урала, где палеолит до сего времени еще не изучен.

Было детально обследовано местонахождение костей северного оленя в толще второй надпойменной террасы р. Туры, у Нижнетурицкого завода (Исовский район Свердловской обл.). Здесь еще в 1941 г. в одном из шурфов на глубине 9.2 м была найдена метакарпальная кость северного оленя; позднее была извлечена с той же глубины вторая кость северного оленя (астрал).¹ Нам удалось осмотреть первую находку и установить, что на одном с ней уровне найдены древесные угольки; кость же оказалась расщепленной и имеет довольно явные следы искусственной обивки по краю. Таким образом, достоверность местонахождения палеолитической стоянки можно считать установленной.

К сожалению, заложить пробный раскоп десятиметровой глубины мы не имели возможности, отложив эту работу до будущего года. Произведенная нивелировка показала, что горизонт залегания костей и углей находится на 1.60 м ниже дна пересыхающего ручья в соседнем Токаревом логу, что создает опасность проступания почвенных вод и грозит усложнить и без того чрезвычайно трудные раскопки памятника.

Далее были произведены исчерпывающие раскопки небольшого грота в скале Медведь-Камень, над р. Тагилем, где в 1945 г. автором открыты остатки четвертичной фауны. Грот находится в 12 км на СЗ от Н. Тагила и расположен на высоте 37 м над рекою. Древняя фауна залегала в желтом вязком суглинке между каменистым полом грота и верхним слоем, содержащим остатки кострищ и плохо сохранившихся железных предметов. Среди костей преобладают остатки дикой лошади. Имеются также остатки

¹ По определению В. И. Громсва.

козла, крупных птиц (по предварительному определению В. И. Громова), грызунов и других животных.

На костях не замечено погрызов зубами животных, и каменные орудия в гроте отсутствуют. Все же временное убежище человека, как причина появления здесь костей, представляется наиболее вероятным. Указанием на это служат следы огня на скалистом полу грота и маленький осколок кремня. Бедность пещерных палеолитических стоянок на Урале кремневым инвентарем уже была предметом нашего внимания в раскопках С. Н. Бибикова на р. Юрюзани, а во временных убежищах, к числу которых следует относить грот на Медведь-Камне, она вполне понятна.

За палеолитический возраст открытых остатков говорит характер держащего их суглинка и состояние фауны. Время памятника может быть уточнено только после определения фауны (в комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР).

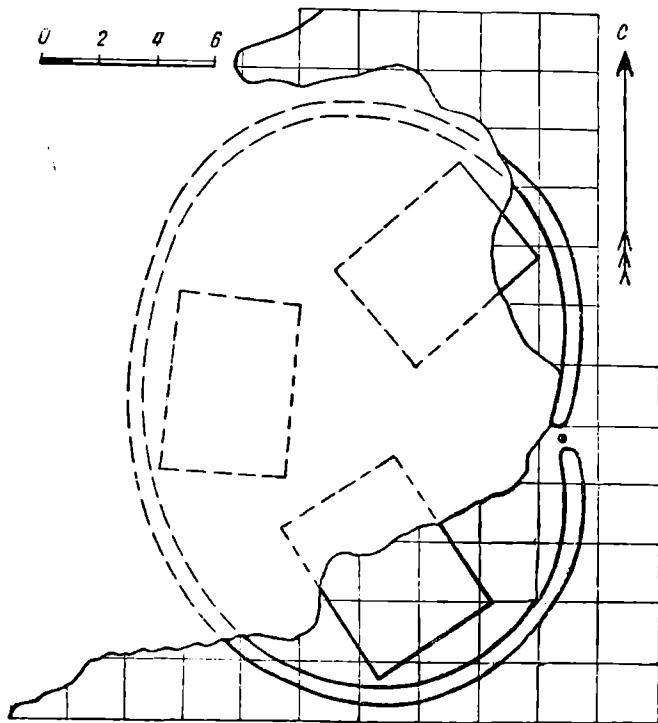

Рис. 39. План реконструкции полуземлянок и ограды на Полуденской стоянке в Зауралье

На восточном склоне Урала Четвертичным отрядом АН исследовался еще один памятник — неолитическая стоянка на р. Полуденке. Эти раскопки были уже третьими подряд, и если в предыдущие годы они дали существенный материал, связанный с вопросами стратиграфии четвертичных отложений Среднего Урала, то летом 1946 г. их целью было доисследование следов ограды, внутри которой располагались жилища. Задача эта была выполнена полностью. Установлено даже место прохода в ограде; с одной его стороны — следы ямы от

столба, вероятно, связанного с устройством навесной двери — ворот (рис. 39).

Одновременно раскопки на Полуденке значительно обогатили коллекцию вещей с этой стоянки, превратившуюся, насколько нам известно, в богатейшую неолитическую коллекцию Урала. Основной комплекс стоянки, с которым, без сомнения, связаны жилые сооружения, является типично неолитическим. Рядом культурных особенностей он отличается, с одной стороны, от одновременных стоянок Прикамья, с другой — от стоянок Сибири, и характеризует тот неолитический субстрат, на базе которого вырастает последующая шигирская культура.

Во время раскопок на Полуденке, неподалеку, на левом берегу реки была открыта новая стоянка, относящаяся к тому же типу. В том же районе выявлено еще несколько местонахождений каменных орудий.

Помимо работ, выполненных по линии Четвертичного отряда АН, произведены раскопки еще двух памятников для Тагильского музея.

Были продолжены раскопки жертвенного места на скалистой вершине Голого Камня. Добыт большой материал, состоящий из круглодонной керамики раннеананьинского облика, костяных орудий и остатков фауны. Среди последних — пережженные кости. Для общих представлений о жертвенных местах Зауралья интересен культурный слой того же времени, обнаруженный у основания скалы, непосредственно под высшей точкой шихана, господствующей над окрестностями, где, вероятно, главным образом и приносились жертвы. Здесь, у основания шихана, культурные остатки залегают на глубине в 1.5 м, будучи перекрыты каменной осыпью и отчасти суглинками.

Своеобразный интерес представляет позднейший из исследованных нами в 1946 г. памятников — так называемое Ермаково городище на р. Тагиле, у подножия Медведь-Камня. Эти раскопки являлись одним из пунктов плана большой комплексной экспедиции по теме «Путь Ермака через Урал», к проведению которой привлекался ряд научно-учебных организаций Молотова, Свердловска и Тагила.

Рекогносцировочные раскопки Ермакова городища на р. Тагиле показали его своеобразное устройство: земля из крепостного рва выброшена не внутрь, а наружу, а по концам рва оставлены на площадку два проезда. Разрез рва показал его значительную первоначальную глубину. Культурные остатки — позднерусские, XVII, а может быть и XVIII в. Впрочем, когда П. С. Паллас¹ в 1780 г. посетил Ермаково городище, оно уже представляло археологический памятник, имело современный нам вид и было известно среди населения как «Ермаково городище». Исходя из этого, мы полагаем, что исследуемое сооружение действительно принадлежит Ермаку, представляя собой остатки укрепленного «стана на реке Тагиле» близ устья р. Баранчи, где Ермак после тяжелого волока из Серебрянки в Баранчу строил новые большие лодки.

Культурный слой на городище относительно мощен и содержателен, включая также остатки глинобитных сооружений, вероятно, избынных печей. Такой слой не мог образоваться в течение трех недель, которые, по преданию, Ермак провел под Медведь-Камнем. Надо думать, что он оставил в городке на р. Тагиле хотя бы несколько человек и что здесь были поставлены избы, существовавшие не один десяток лет. Таким образом, надо полагать, что этот тагильский городок некоторое время представлял собой опорный пункт на пути в Сибирь, за перевалом, и что, следовательно, он, этот тагильский городок, а не обский городок, как это некоторые считают, был первым русским укрепленным городком в Сибири.

---

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, СПб., 1786.

обуха, а также общая потертость. Кроме заточки острия, лезвие не имеет следов шлифовки; его поверхность выщерблена и неровна.

Самым же любопытным являются выбитые чеканом рельефные изображения животных на щечках обуха и на перемычке. Всего таких изображений четыре, по два с каждой стороны. Изображения довольно грубы, стилизованы, но резко подчеркивают массивность изображаемого зверя в лежащем положении. Толстые подогнутые под себя лапы, выдающийся вверх загорбок и спущенная книзу удлинненная морда представляют собой изображение характерного для таежной полосы сибирского медведя (рис. 40). Для детализации надо сказать, что морды слегка расширены к концу и имеют поперечную полосу на месте глаз, отделяющую лоб от конца морды. Это разделение лба и морды — очень характерная черта

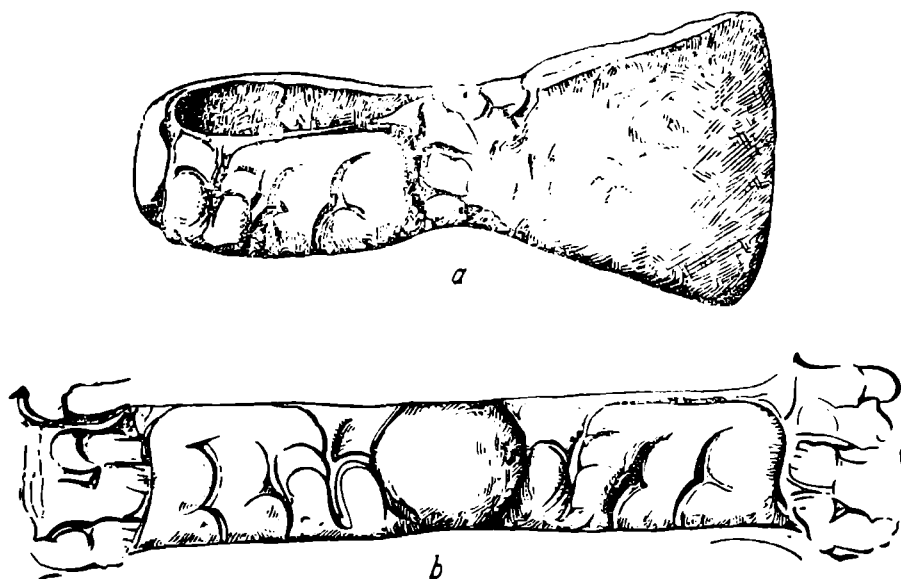

Рис. 40. Железный топорик из Снявичо

сибирского звериного стиля, особенно культовых изображений животных, восходящая к карасукскому времени. Известно, что фигурки-амулеты, изображающие животных, являлись и в тагарской культуре изображениями родовых духов-покровителей. Эти изображения переносились на предметы культового характера. Отметим изданный В. П. Левашевой позднеатагарский железный кинжал, на эфесе которого изображены нанесенные чеканом фигурки двух волков, полусидящих с подогнутыми под себя лапами, с длинной опущенной вниз мордой, пересеченной резкой чертой, отделяющей ощеренную пасть зверя от лба.¹

На нашем топорике необходимо различать изображения медведей на щечках обуха от более мелких схематизированных и менее различных изображений их на перемычке топора. Барельефы медведей на обеих щечках расположены совершенно симметрично. Прилегающая к головам зверей подковообразная вырезка, идущая к навершию обуха, композиционно не связана с изображением зверей. Ее назначение неясно, и она носит, как мне представляется, чисто орнаментальный характер, заполняя пустоту.

Вторые, по порядку описания, мелкие фигуры зверей имеют совершенно те же стилевые особенности. Они размещены так же строго симметрично

¹ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, Красноярск, 1939, табл. VIII, рис. 7.

по обеим сторонам перемычки, которая уступом спины животного переходит в лезвие, причем задняя лапа зверя, не уместаясь по ширине, заходит, преломляясь, на ребро перемычки. Медведи расположены спинами к лезвию и ногами к обуху. Один из них значительно сглажен. В отличие от больших медведей, их передние лапы почти не согнуты, и на них имеются по две продольные черты, обозначающие когти. От морд уходят на ребро также по две орнаментальные черты. Изображения были занесены чеканом на неостывшем еще изделии, сразу же послековки, когда мягкое железо хорошо подвергается обработке.

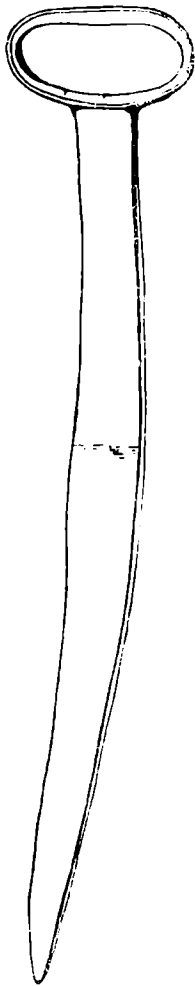

Рис. 41.
Кольчатый нож
(бронза)

Нож красной бронзы, упоминавшийся выше, представляет типичный тагарский нож (рис. 41). Он имеет на конце ручки довольно большое, слегка сплюснутое кольцо. Длина ножа от острия до конца кольца 22 см, без кольца — 19,5 см. Лезвие и ручка гладки и шлифованы, без какого бы то ни было орнамента. Уплощенная спинка слегка иссечена. Острие носит следы заточки и избитости, имеет вогнутость от изношенности, отчего носик ножа кажется чуть загнутым. Кольцо при гладком верхе имеет сточенные во внутрь грани. Техника изготовления совершенна, но следы шлифовки видны в виде мелких штрихов. Нож находит себе множество аналогий среди опубликованных изображений бронзовых ножей тагарской культуры. Достаточно указать на серии этих ножей, изданных В. В. Радловым,¹ Кузнецовым-Красноярским,² В. П. Левашевой³ и другими.⁴

Железный топорик, хотя по форме и не находит себе ближайших аналогий среди сибирских древностей, но характер изображений медведя тесно примыкает к скифо-сибирскому звериному стилю и является новым штрихом к общей его истории. Наиболее близкими аналогиями я считаю подобным же образом стилизованные изображения массивных животных на концах ручек бронзовых тагарских ножей и на эфесах железных позднетагарских кинжалов. Например, совершенно сходные по стилю быки в издании В. П. Левашевой.⁵ Это — животные со сгорбленными спинами, толстыми ногами, скорее похожими на лапы, и с длинными, опущенными книзу мордами. Изображения их с упершимися друг в друга головами составляют эфес железного кинжала.

Очень любопытны фигурки медведей на навершиях бронзовых ножей, изданных Радловым.⁶ Это — совершенно подобные, «тучные», по выражению автора, фигуры медведей с мощным загривком и подогнутыми лапами. Привожу выписку из описания самого исследователя: «медведь, кажется, не стоит, а прилег; на это указывают как форма передних ног,

¹ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, СПб., 1888, т. I, № 3, вып. 1, табл. II, рис. 1—8.

² И. П. Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, Томск, 1908, вып. 1, табл. VI и VIII.

³ В. П. Левашева. Указ. соч., табл. VIII, рис. 1, 4, 5, особенно 3, 9 и 10.

⁴ Martin. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk, Planche 14—15, Stockholm, 1893.

⁵ В. П. Левашева. Указ. соч., табл. IX, рис. 1.

⁶ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 1, СПб., 1894, табл. III, рис. 22, 23; табл. IV, рис. 13, 22, 23.

образующих угол, так и то обстоятельство, что голова сильно опущена вниз и морда находится несколько ниже внутреннего края конца ручки». ¹ Совершенно такие же изображения «лежачих четвероногих животных имеются и на эфесах кинжалов». ² Описывая бронзовый кинжал, Радлов сообщает: «Эфес и здесь состоит из двух лежачих медведей... Черты, отмечающие форму туловища этих животных, очень глубоко врезаны, что на первый взгляд затрудняет понимание рисунка». ³ Интересен кинжал переходного типа, у которого ручка железная, а клинок бронзовый. И он также имеет «лежачих медведей», вычеканенных на эфесе. ⁴ Совершенно в такой же позе, как и медведи топорика, даны медведи на эфесе уже железного кинжала. ⁵

Об аналогичных по стилю изображениях свидетельствует и Д. Клеменц: «Рукоятка многих ножей украшена двойным, либо одиночным изображением какого-то животного. Неуклюжесть форм, большая голова и уши дали бы нам право признать в нем слона, если бы не отсутствие клыков и хобота...; по нашему мнению, вероятнее всего, что это — неумелое изображение медведя». ⁶

К вышеприведенному нельзя не присоединить, что около 20 подобных медвежьих фигурок на ручках бронзовых ножей издал Martin. ⁷

Н. Харузин в своем кратком описании Томского музея отмечает пластинку, значащуюся в каталоге музея под № 663, на которой имеется изображение «медведя с опущенной головой». ⁸

Суммируя сведения, приведенные мною, можно сказать, что барельефные изображения топора тесно связаны с единой линией развития медвежьих изображений, начиная с бронзовых карасукских и раннетагарских ножей, через переходные формы к железу позднетагарского времени.

Как известно, в тагарскую эпоху происходит процесс выделения общинного мастерства, а вместе с тем сильная стандартизация форм изделий и стилистических деталей орнаментики. ⁹ Неудивительно поэтому, что вырабатывается единый стиль изображений животных, подчеркивание основных форм, присущих данному виду, с опущением более мелких деталей.

Форма топорика не позволяет нам отнести его к разряду боевых или парадных топоров. Вспомним, что в это время широко распространены в Южной Сибири бронзовые и железные клевцы (чеканы). Уникальность подобной формы топора, который имеет, несомненно, местное происхождение, не позволяет определять его как бытовое орудие. Скорее топорик имел ритуальное назначение и использовался в культовых церемониях.

Мне представляется возможным датировать железный топорик, на основании рассмотренных аналогий и согласно с техническими приемами его изготовления, концом тагарской культуры, поздним ее периодом. Нож относится к несколько более раннему периоду этой культуры.

¹ В. В. Радлов. Указ. соч. Там же, табл. III, описание 23, стр. 22.

² В. В. Радлов. Указ. соч. МАР, СПб., 1891, т. I, вып. 2, № 5, табл. XII, рис. 3, 8, 9, 10. Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig 1893, т. II, табл. 3, 3; Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei, Wien, 1926, табл. X/XI, 6.

³ В. В. Радлов. Указ. соч., т. I, вып. 2, стр. 72.

⁴ То же. Там же, табл. XII, рис. 4.

⁵ То же. Там же, табл. XIV, рис. 8.

⁶ Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 57.

⁷ Martin. Указ. соч., Planche 16.

⁸ Н. Харузин. О древностях Томского музея, М., 1895.

⁹ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. Изв. ГАИМК, 1933, вып. 65.

резной линии, от которой спускаются на плечики фестоны в виде треугольников из двух линий; в промежутках этих фестонов имеются изображения четырех человеческих фигур. Пространство между фигурами занято рисунками двух животных, рыбы, гор и, повидимому, звездного неба (рис. 42). Рисунок очень схематичный — шея и туловище человечков представлены одной резной линией, такими же линиями изображены руки и ноги; глаза, нос и рот воспроизведены посредством глубоких точек, причем у двух фигур носы, кроме точек, показаны защипами, выпуклые. На щеках фигур с лепными носами тонкие нарезы, посаженные косо от глаз книзу, в одном случае напоминающие схематические изображения животных, а в другом — волнистые линии вроде змеек. Эти линии не могли изображать усы, так как они идут от переносицы; повидимому, это татуировка. Рисунки рыбы и животных также нанесены схематическими нарезками, определить

Рис. 43. Фрагмент второго сосуда из кургана № 2 раскопки 1928 г. близ с. Саргатка

породу животных затруднительно. Между второй и третьей фигурой человека вырезаны горы, причем правая нога третьей фигуры как бы шагает через них. Точки, заполняющие пространство между первой и второй фигурой, разбросанные по дну сосуда и поднимающиеся к ногам четвертой фигуры, повидимому, можно объяснить как изображение звезд. На это наталкивает расположение их между первой и второй фигурой, напоминающее искаженный рисунок созвездия Большой Медведицы, и самый замысел рисунка — люди, животные, земля (горы), вода (рыба), недостает только изображения неба, которое, вероятно, и представлено путем точек-звезд.

В кургане № 2 раскопск 1928 г. найден другой сосуд, по своему рисунку как бы дополняющий первый. Найден он в обломках, по реставрированной части его можно судить, что по форме оба сосуда очень близки, хотя по размерам второй сосуд значительно крупнее — высота сохранившейся части 13,5 см, предполагаемая высота всего сосуда около 18 см, диаметр края 8 см, диаметр плеч 13 см (рис. 43). Орнаментирован по шейке резными штрихами в елочку, ниже — одна горизонтальная линия, от которой спускаются на плечики 6 фестонов в 5 резных линий, окаймленных бахромой из коротких штрихов. На плечиках, в промежутках между фестонами, размещено 6 резных изображений летящих птиц. Выделка этого сосуда тщательнее первого, правильнее форма, лучше обжиг, ровнее

выполнен орнамент. Если принять для первого сосуда объяснение рисунка как изображение антропоморфных духов и олицетворений стихий земли, воды, неба, животного мира, то изображения птиц на втором сосуде можно объяснить или как изображения в прямом смысле, или как символ солнца, огня. Рисунок этих сосудов, особенно первого, заставляет предположить для них какое-то особое, необытовое значение; повидимому, здесь художник хотел отобразить определенные религиозные представления племени.

Круглодонные сосуды с резным орнаментом по шейке обычны для курганов Западной Сибири, они известны из раскопок Зырянова в Шадринском уезде 1883 г., Гейкеля в Ялуторовском и Тюменском уездах,¹ Плахова под Омском в 1897 г.,² П. А. Дмитриева под Тюменью в 1927 г.,³ в раскопках В. П. Левашевой в 1926—1928 гг. в Омском и Барабинском округах, причем очень часто встречается орнамент в виде фестонов, но аналогии саргатским сосудам по сюжету рисунка в них нет.

Характер рисунка наших сосудов ближе всего напоминает изображения, высеченные на скалах и могильных камнях в южной части Красноярского края, синхроничные омским курганам.

---

¹ Heikel. Antiquités de la Sibérie Occidentale.

² Отчет о деятельн. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва за 1897 г.

³ П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. Тр. секции археологии, РАНИОН, М., 1929.

В 20-х годах прошлого века Ходаковский, обследуя древние городища, посетил и Изборск, но, к сожалению он принял за остатки древнего Изборска другое городище, расположенное севернее Изборской крепости на восточном берегу рч. Смолки, поэтому делается совершенно понятным его

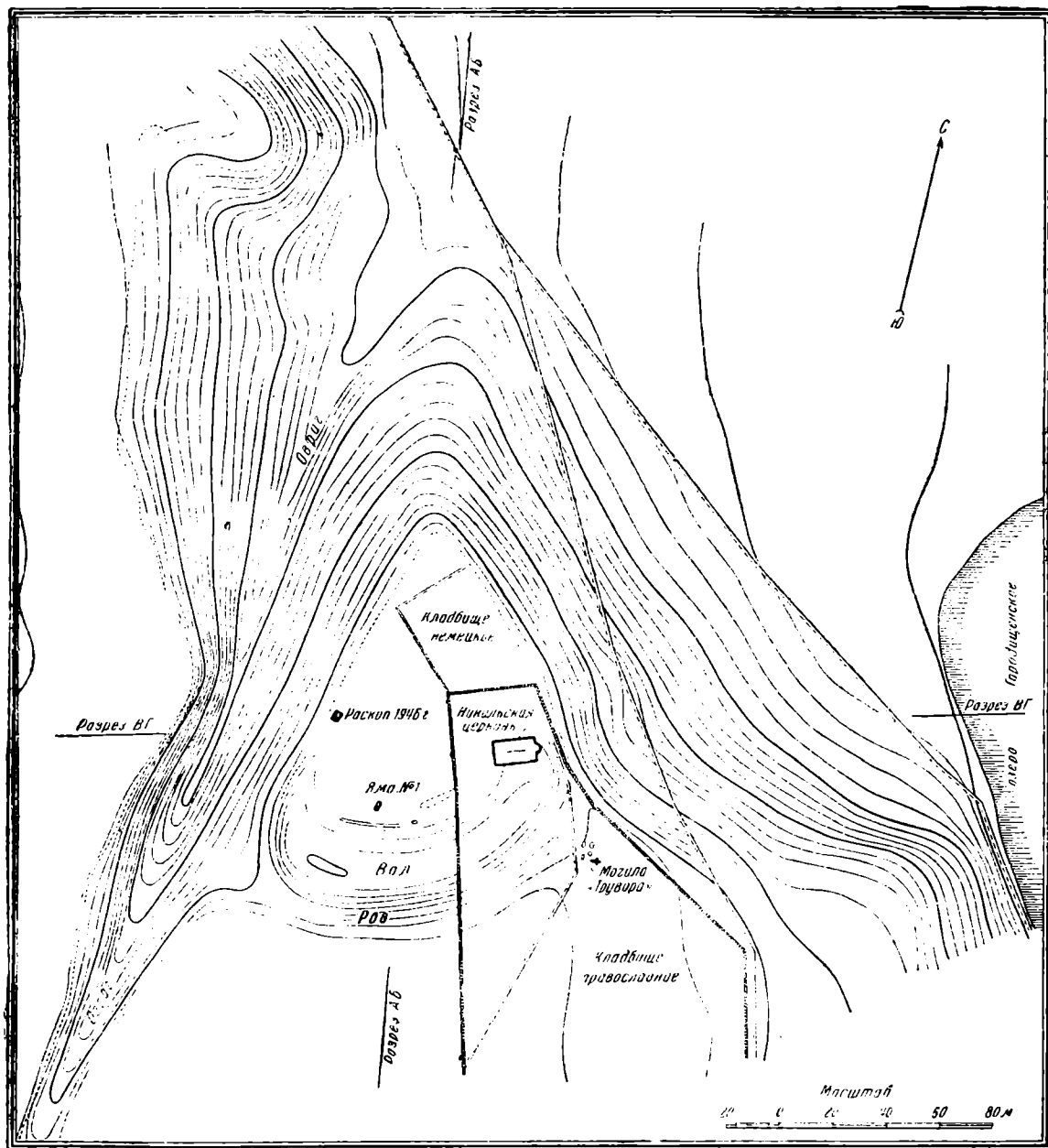

Рис. 44. План городища Старого Изборска

замечание, что он «не мог открыть, где были Славянские ключи, при которых, как обыкновенно полагают, построен был древний Изборск». ¹

Годовиков, изучая городища и древние укрепления Псковской губ., составил план древнего Изборска (Труворова городища), но этот план отличается большой схематичностью, неточностью и сопровождается весьма кратким формальным описанием. ²

¹ Журнал Мин. нар. просвещения, 1838, кн. XII, стр. 519.

² И. Ф. Годовиков. Описание и изображение древностей Псковской губ., Псков, 1880, Альбом.

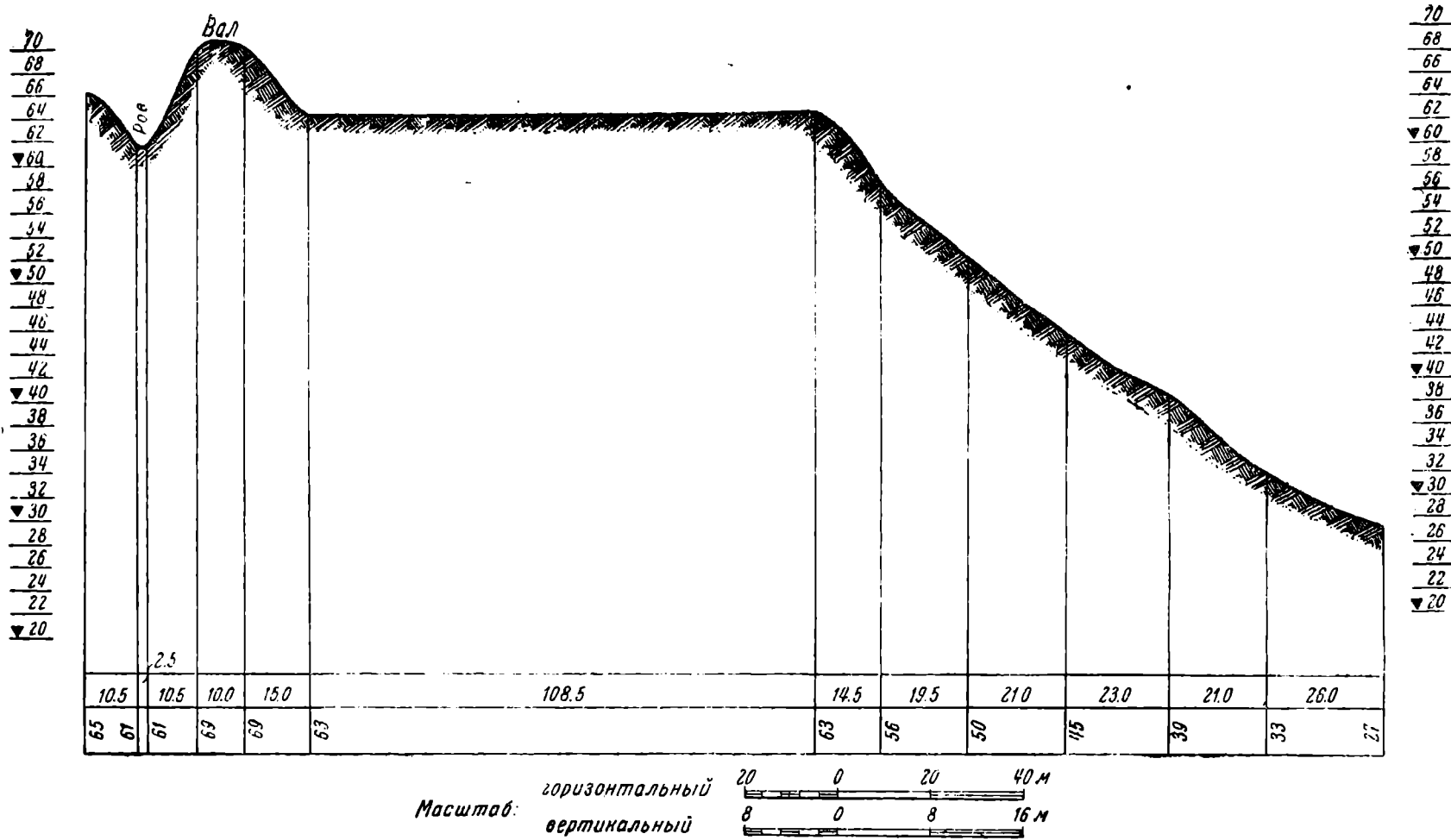

Рис. 45. Профиль городища Старого Изборска (по разрезу АБ)

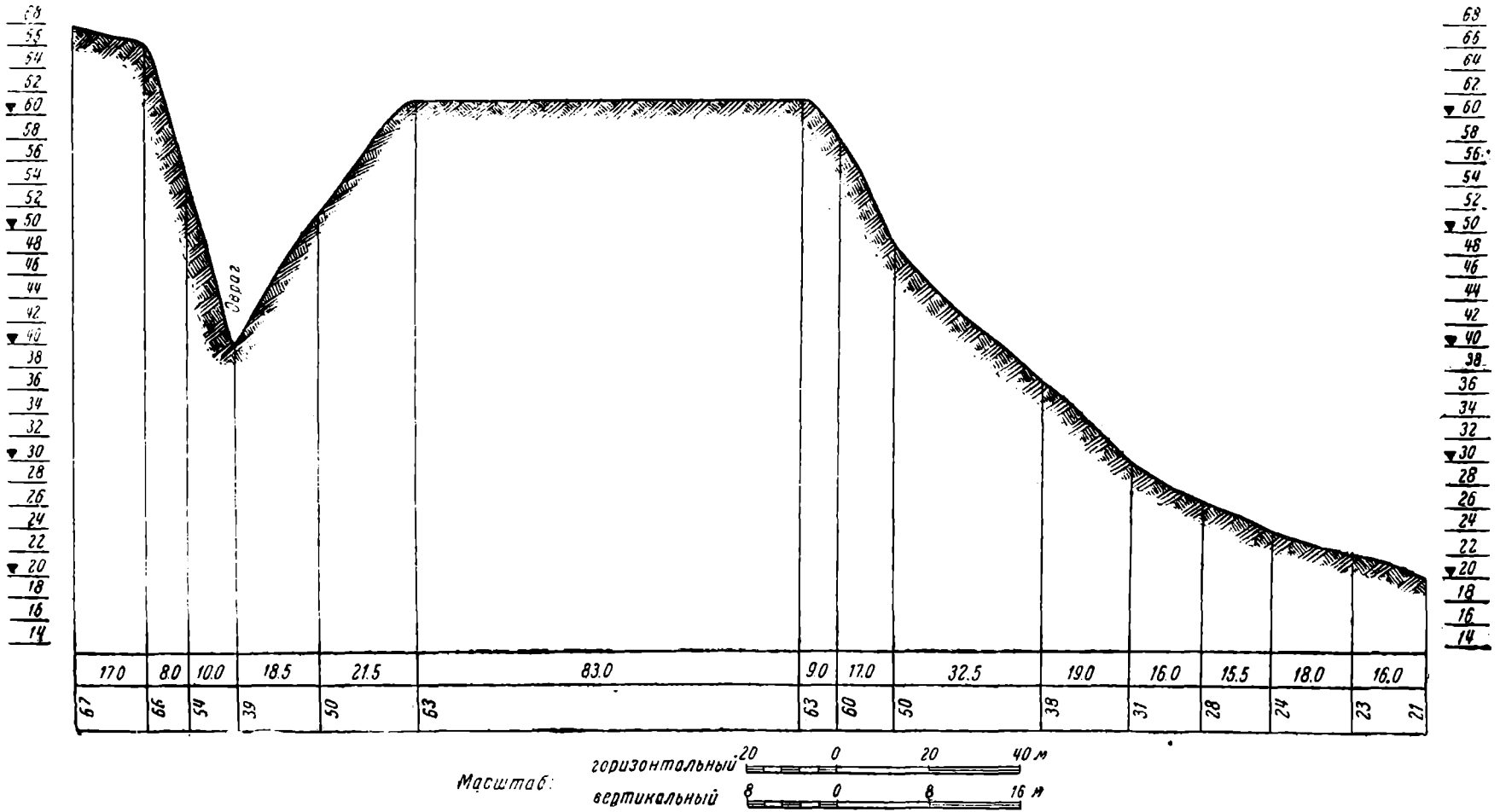

Рис. 46. Профиль городища Старого Изборска (по разрезу ВГ)

До последнего времени археологических исследований на городище «Старый Изборск» советскими археологами не производилось.¹

Летом 1946 г. археологической экспедицией ИИМК АН СССР совместно с Псковским областным краеведческим музеем было произведено обследование Старого Изборского городища. При этом была сделана

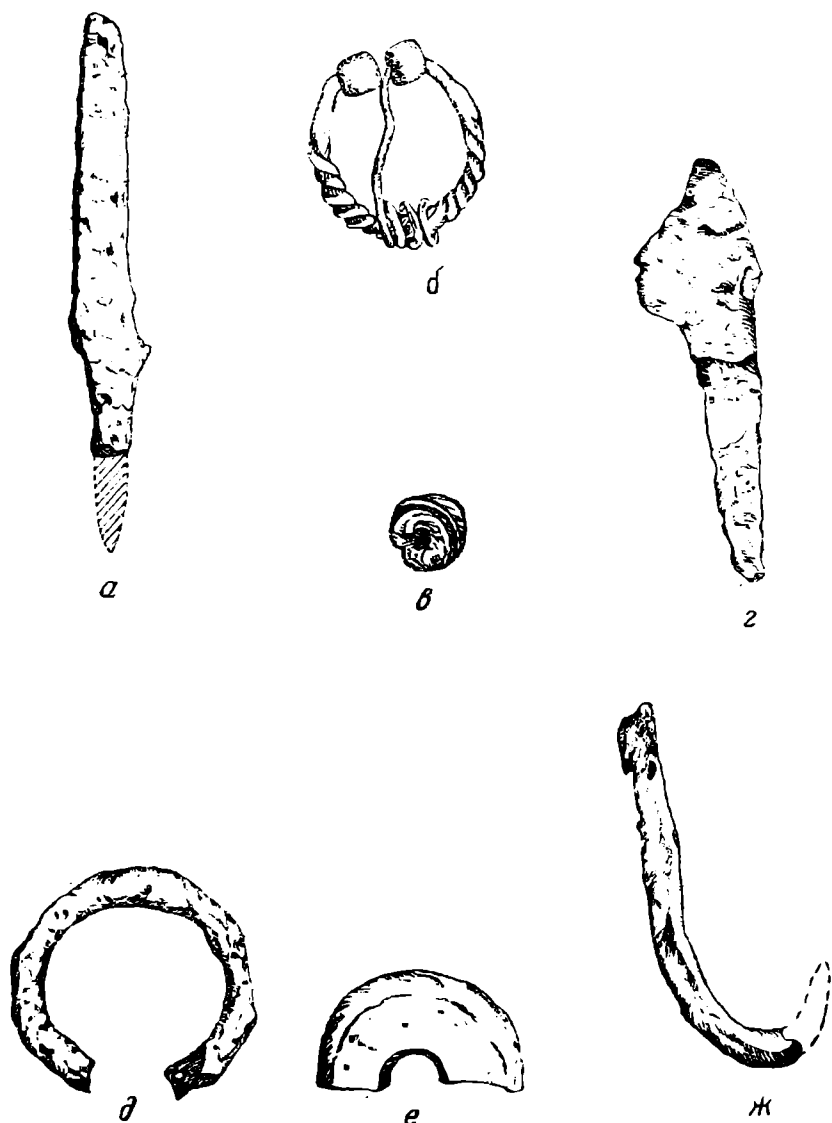

Рис. 47. Находки на Труворовом городище. Яма № 1 (нижний горизонт)

инструментальная съёмка плана городища и проведены небольшие раскопки разведывательного характера. Приступая к обследованию городища, экспедиция, естественно, поставила своей задачей выяснить вопрос, какие причины побудили псковичей перенести в начале XIV в. Изборск на новое место?

Городище занимает восточную часть высокого холма на западном берегу Городищенского озера, находящегося в четверти километра западнее Изборской крепости. С севера и северо-западной стороны часть холма ограничивается глубоким оврагом, по дну которого протекает ручей. Обра-

¹ От местного учителя А. И. Макаровского мне стало известно, что в 20-х годах нашего столетия на Труворовом городище производились археологические раскопки студентами Тартуского университета. О результатах этих работ сведений я не имею.

зубчатый таким образом мыс имеет в плане форму сектора, острый угол которого обращен к северу. С южной стороны городище отделяется от плато искусственным рвом глубиной в 3 м и валом, проходящим по южному краю площадки городища высотой в 6 м. Вал подковообразной формы охватывает своими концами части восточного и западного края площадки (рис. 44). Склоны городища высоки и круты. Восточный склон высотой в 48 м над уровнем озера; западный 23 м (до дна оврага). Северный склон (острого угла) также высок, но с более пологим спуском (рис. 45). Хорошо заметен в юго-восточной части выезд на городище, пересекающий ров и огибающий вал по краю площадки (последняя занимает около 9500 м²). Становится понятным, почему этот маленький по своим размерам

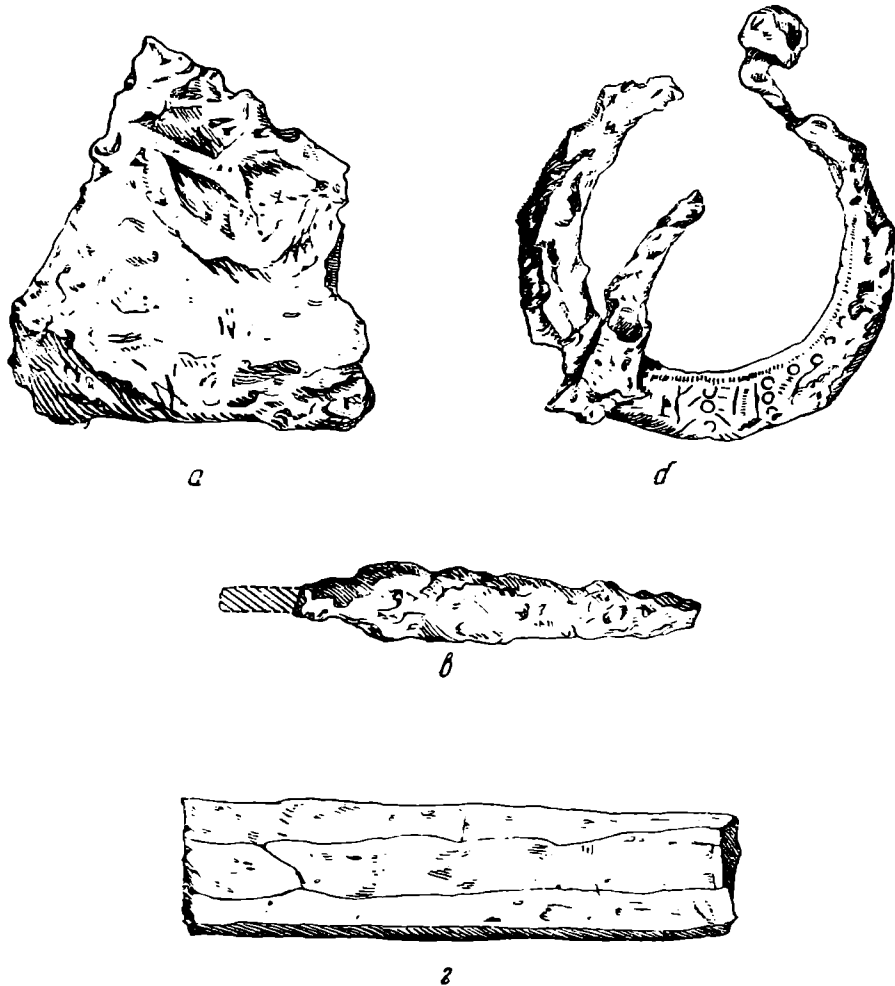

Рис. 48. Находки на Труворовом городище. Яма № 1 (нижний горизонт)

город, лишенный по топографическим условиям возможности расти территориально, был в начале XIV в. перенесен на новое место.

Перед экспедицией встала и другая, не менее интересная задача, разрешить которую по условиям работы удалось только частично, а именно: выяснить, древнее ли Пскова старый Изборск. С этой целью были внимательно обследованы все обнажения культурного слоя на городище, а также заложен шурф размером 2 × 4 м² у западного края площадки. Непосредственно под дерном шел слой земли черного цвета с большой примесью перегноя органических остатков. В нем изредка встречался мелкобитый гранитный камень, мелкие угли, кости животных, небольшие куски

обугленного дерева. На 15—25 см глубже в земле появилась значительная примесь песка и глины. Местами земля была плотно утрамбована с вкраплением мелкого угля. В этом слое найдены: обломок арабского диргема, славянская круговая керамика курганного типа с линейным и волнистым орнаментом, мелкие кусочки металлического шлака, обломок бронзового узкого пластинчатого браслета с резным узором в косую сетку, датированный, по аналогии с браслетами Гдовских курганов, XI в.,¹ длинный железный предмет с обломанными концами.

На глубине 30—45 см от современной поверхности были обнаружены три группы сравнительно мелких камней, лежавших сплошной массой вдоль края площадки городища. Кое-где между камнями была глиняная обмазка. При их расчистке найден обломок железного ножа, кости животных, рыб и мелкие угли. Расположение камней дает основание предполагать,

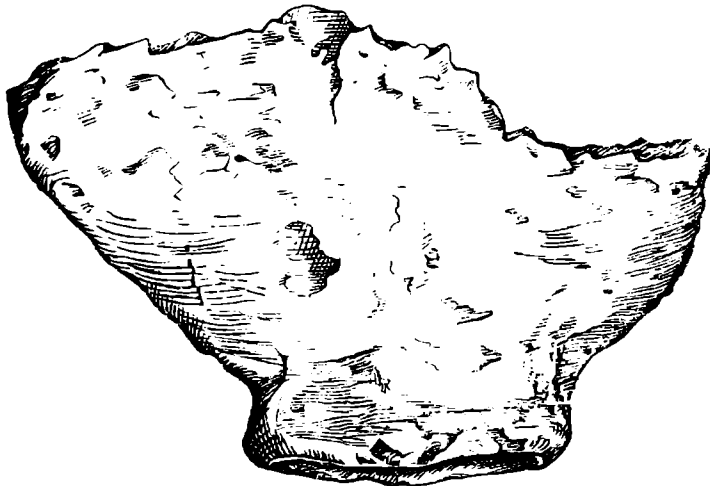

Рис. 49. Находки на Труворовом городище.
Яма № 1 (выброс)

что это остатки городищенского укрепления, вероятно, фундамента стены. Встреченные в верхнем горизонте слоя куски обугленного дерева, потревоженные распашкой, возможно, относились к остаткам этих укреплений.

Под камнями находилась земля того же состава, что и в верхнем горизонте слоя, но здесь было найдено несколько фрагментов лепной гладкой славянской керамики. Кроме того, были найдены: маленький железный ножик, железный, сильно окисленный предмет, каменное грузило, большой точильный брусок из песчаника, костяной полуобработанный предмет. Общая толщина культурного слоя в шурфе достигает 65—90 см. Его подстилает тонкая прослойка чистого песка, затем идет материк (песок с примесью гальки и мелкого плитняка).

Культурный слой был прослежен и в имеющихся на городище ямах. Одна из них находится в южной части городища возле вала. По свидетельству местных жителей, отсюда немцы брали землю, предварительно ее просеивая, для могил своих солдат, погребенных на площадке городища. В большой куче земли около ямы были найдены: обломок железного ножа с горбатой спинкой, два маленьких железных ножа, два железных рыболовных крючка, бусина круглая пастовая, кольцо железное поясное, обломок каменного плоского пряслица, половинка кабаньего клыка, маленькая бронзовая фибула, витая, с отогнутыми концами в форме квадратных шляпок и

¹ МАР, № 29, табл. XXII, 26.

проволочной иглой, закрепленной вокруг фибулы в несколько оборотов, обработанная кость (рис. 47).

Зачистка северного профиля ямы дала следующие результаты. Культурный пласт достигает здесь 70—90 см и состоит из черной земли с примесью песка. В верхнем горизонте слоя в изобилии встречались славянская керамика курганного типа и кости животных. В нижнем горизонте вместе с круговой керамикой встречалась гладкая лепная славянская керамика. Здесь среди находок следует отметить: фрагмент днища кругового сосуда с клеймом, обломок железного серпа, каменное грузило, фибулу бронзовую с резным орнаментом, с отогнутыми концами в форме квадратных шляпок и плоским язычком, закрепленными вокруг тела фибулы, обработанные кости (рис. 48) и часть лепного сосуда на подставке (рис. 49).

Названия урочищ, окружающих городище, свидетельствуют в известной степени о его этнической принадлежности. На запад от городища находится так называемое «Славянское поле», на котором кое-где сохранились остатки курганных насыпей. В Городищенское озеро впадает ручей, известный под названием «Славянские ключи».

Найденный материал дает возможность предполагать, что славянское поселение на месте городища появилось не ранее VIII—IX вв. н. э. Следовательно, Изборск значительно моложе Пскова.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция КС ИИМК получила от проф. Л. А. Мацулевича письмо, в котором выражено сомнение в подлинности медного сосуда, опубликованного в статье М. В. Покровского «Новый сасанидский сосуд из Краснодара» (КС ИИМК, вып. 18, стр. 54—57).

В связи с этим принимаются меры к получению этого сосуда из Краснодара в Москву для экспертизы с участием проф. Л. А. Мацулевича. О результатах экспертизы будет сообщено в одном из ближайших выпусков КС ИИМК.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей
ГрузФАН — Грузинский филиал Академии Наук СССР
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
Изв. АзФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии Наук СССР
Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. УзФАН — Известия Узбекстанского филиала Академии Наук СССР
ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
МАК — Материалы Археологии Кавказа.
МГУ — Московский государственный университет

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

о докладах и полевых исследованиях Института истории
материальной культуры Вып. XI—XIX¹

Содержание

Вып. XI.

От редакции

I. Доклады на пленуме Института, посвященном археологическому изучению древнерусских городов (11—15 марта 1941 г.)

М. К. Каргер. Землянка-мастерская киевского художника XIII века

Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища

И. М. Хозеров. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска

Н. А. Андреев и Н. П. Милонов. Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г.

М. А. Тиханова. Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнездове

В. И. Равдоникас. Старая Ладога

В. А. Петров — Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладоги (IX—X вв.)

Е. А. Рыздзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнерусской литературе

А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 г.

С. А. Тараканова. Археологические разведки в новгородских пятинах

Н. Н. Воронин. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца.

В. В. Гинзбург, М. М. Герасимов. Андрей Боголюбский

А. Ф. Дубынин. Археологические исследования гор. Суздаля (1936—1940 гг.).

А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.)

Е. С. Медведева. О датировке врат Суздальского собора

Ф. Я. Мишуков. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси

В. Голубович и Е. Голубович. Кривой город — Вильно

Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР

II. Критика и библиография

Вып. XII.

От редакции

I. Статьи и сообщения

А. П. Окладников. Первая палеолитическая находка в бассейне Лены

М. В. Галицкий. Палеолитическая стоянка «Пещерный Лог»

Т. С. Пассеки **Е. Ю. Кричевский.** Трипольское поселение Коломыйщина (опыт реконструкции)

П. А. Дмитриев Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г.

С. И. Капошина. Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрополе и в погребениях приднепровских скифов.

А. П. Круглов. Культовые места горного Дагестана

А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба

П. Н. Шульц. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака

Г. Д. Белов. Античные материалы из раскопок 1940 г. в Херсонесе

В. Д. Блаватский. Ялтинская голова и истоки стиля Скопаса

Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская А. О.)

Н. А. Прокошев. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев.

С. П. Толстов. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г.

Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда

А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома)

В. А. Крачковская. Печать Баграта Ашота с арабской надписью

И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв.

А. Д. Варганов. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.)

Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI в.

Н. П. Сычев. Поливной сосуд из Билляра

¹ Содержание вып. I—X см. КСИИМК, вып. X.

- Л. А. Диндес. Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра
- II. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны (1943 г.)
 Московское отделение
 Ташкентская группа
 Елабужская группа
 Ленинградская группа
- III. Информация
 Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии Академии Наук СССР
 Письмо археологов СССР археологам Англии
 Ответ проф. Е. Н. Minns

Вып. XIII.

- I. Статьи и доклады
 Е. Ю. Кричевский. О роли межплеменных сношений в древнейшей истории Р. Гиршман. Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан)
- В. В. Гольмстен. Буртасы
 А. П. Смирнов и Н. Ф. Калинин. Реконструкция Булгарской бани XIV в.
 А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества
 П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет
 Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв.
 Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий
 В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв.
 С. А. Тараканова. К вопросу о крепостных стенах Пскова.
- II. Полевые исследования
 Л. М. Славин. Археологические исследования Украинской Академии Наук за 25 лет
 М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г.
- Г. П. Сосновский. Обследование палеолитических стоянок у гор. Красноярска
 А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен
 В. П. Мизинава. Археологические разведки в районе гор. Елабуги Татарской АССР.
 А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье
 М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939—1941 гг.

IV. Критика и библиография

- В. В. Гольмстен. По поводу книги Л. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» (вместо рецензии)
 С. В. Киселев и В. Н. Чернецов. Рецензии на книгу Д. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала»
 С. В. Киселев. Рецензия на книгу А. П. Окладникова «Исторический путь народов Якутии».
 В. А. Крачковская. Новый труд Э. Херцфельда по истории культуры древнего Ирана

- III. Тезисы диссертаций, защищенных в дни Великой Отечественной войны
 С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму
- А. П. Круглов. Северовосточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э.
- Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону
 Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском
 Г. Д. Белов. Херсонес Таврический
 С. П. Толстов. Древний Хорезм
- Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда
 В. Н. Чернецов. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э.
- М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв.
 А. П. Смирнов. Волжские булгары
 А. Л. Якобсон. Архитектура средневекового Херсонеса
 Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси
 Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII вв.
 М. А. Ильин. Русское зодчество XVI столетия
- IV. 25 лет советской археологии (в связи с 25-летием ГАИМК—ИИМК АН СССР).
 Сессия Отделения истории и философии АН СССР
 Пленум Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 7—10 июня 1944 г.
 Юбилейное заседание Ташкентской группы ИИМК
 Юбилейное заседание Елабужской группы ИИМК
- V. Информация
 Б. Н. Граков. А. Н. Зограф — «Античные монеты»

I. Статьи и доклады

- Н. Я. Марр. Древности Ширака
 М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы
 А. П. Окладников. Писаницы около пос. Свирского на Ангаре
 П. П. Хороших. Писаницы Алтая
Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье).
 А. П. Смирнов. Новый сасанидский золотой сосуд из Молотовской области
 А. Н. Бернштам. Буддийская терракота из Сукулук
 М. М. Кобылина. Краснофигурная пелика Ялтинского музея
 А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки
 Н. П. Сычев. К вопросу о болгарских сфероконических сосудах
 Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладжья
 Н. Н. Воронин. Боголюбовский саркофаг (К вопросу о княжеских погребениях XII—XIV вв.)
 М. А. Ильин. Из истории гражданского здешства ранней Москвы (Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря 1469 г.)

II. Полевые археологические исследования.

- В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.
 С. А. Тараканова. Археологические работы в Городне на Волге в 1944 г.

И. И. Никишин. Наральник из городища Городня на Волге

Л. В. Черепнин. **В. К. Лукомский** (1882—1946)

III. Информация

- А. К. Тахтай. Археологические открытия в Херсонесе в 1942—1944 гг.
 М. А. Наливкина. Античный Коринф в свете новейших археологических исследований (Обзор последних изданий, посвященных Коринфу)
 М. В. Сузин. Бронзовый барельеф XIII—XIV вв.

IV. Критика и библиография

Г. Ф. Дебец. К вопросу о влиянии искусственной деформации на головной указатель

Е. В. Ершtedт | В. Д. Блаватский —

«Греческая скульптура»
 В. А. Крачковская. В. А. Гордлевский — «Государство сельджукидов в Малой Азии»

V. Хроника

- С. А. Тараканова. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1944 г.
 А. Работа секторов и групп
 1. Московская часть
 2. Ленинградская часть
 Б. Обследование археологических памятников
 С. А. Тараканова. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в 1945 г.

От редакции

I. Статьи и доклады

- Н. Я. Марр. Албанская надпись (с предисловием академика И. И. Мещанинова)
 В. А. Крачковская. Арабская надпись из раскопок Н. Я. Марра в Ани.
 Л. М. Меликсет-Беков. Вишапы и вишапоиды Грузии
 С. П. Толстов. К вопросу о протохорезмийской письменности
 Р. Гиршман. Раскопки французской экспедицией города Шапура в Фарсе
 В. Д. Блаватский. О технике росписи арибаллических лекифов
 А. К. Тахтай. Новая надпись из Херсонеса Гаврического II в. н. э.
 А. Иванова. Голова варвара из Херсонеса
 Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из Прибалтийских могильников
 В. А. Миханкова. Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936—1944 гг.

II. Полевые археологические исследования

- Н. П. Милонов. Археологические исследования по реке Цне в Рязанской области
 М. Д. Гвоздовер. Палеолитическая стоянка Бугорок
 А. П. Окладников. Археологические работы на реке Лене в 1944 г.
 В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище Барсучья Горка
 Е. И. Горюнова. Селище Полянки
 К. В. Элле. Клад Джучидских монет в Чувашской АССР
 Е. И. Крупнов. Грузинский храм Тхаба-Ерды на Северном Кавказе
 С. А. Ершов. Данденакан (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.)

III. Информация

- А. П. Окладников. Уникальное каменное тесло с реки Колымы
 С. А. Семенов. Костяные разбивники из Роданова городища

- А. В. Збруева. О датировке акинака из Луговского могильника
- IV. Хроника
- С. А. Тараканова. Всесоюзное ар-

- хеологическое совещание.
- С. А. Тараканова. В Ученом совете ИИМК АН СССР в 1945—1946 гг.

✓ Вып. XVI.

Василий Алексеевич Городцов (1860—1945).

- I. Статьи и доклады
- М. Е. Фосс. О датировках неолита по данным естественных дисциплин
- А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура
- О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры
- Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре
- А. В. Збруева. Городище Грохань
- В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов
- Б. Н. Граков. Термин «Σχόλια» и его производные в надписях Северного Причерноморья
- В. Д. Блаватский. Осада и оборона в античном Причерноморье
- С. В. Киселев. Из истории торговли енисейских кыргызов
- Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян
- А. Л. Монгайт. К вопросу о трех центрах Древней Руси.
- Г. Б. Федоров. Происхождение московской монетной системы
- II. Полевые археологические исследования.
- М. С. Акимова. Балановский могиль-

ник (предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.)

- Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в гор. Ворошиловске (раскопки в 1940 г.)
- О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. (предварительное сообщение)
- Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья
- Л. А. Евтюхова. Кыргызское поселение у с. Малые Копёны

А. А. Иессен. **М. В. Фармаковский** (1873—1946)

III. Информация

- А. П. Смирнов. Новые памятники дьяковской культуры
- М. П. Грязнов. К методике определения типа рубящего орудия (топор, тесло)
- И. И. Никишин. Некоторые замечания о почвообрабатывающих орудиях
- IV. Тезисы защищенных диссертаций
- А. Н. Бернштам. История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания
- Л. А. Голубева. Топография домонгольского Киева
- М. Г. Рабинович. Новгородское войско
- А. Л. Монгайт. Старая Рязань

✓ Вып. XVII.

- I. Статьи и доклады
- С. П. Толстов. Городища с жилыми стенами
- А. Н. Бернштам. Берккаринская пряжка
- А. Н. Бернштам. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью
- М. М. Герасимов. Портрет Тамерлана (опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе)
- В. Ф. Гайдукевич. Некоторые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов
- А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани
- Л. И. Якунина. Новгородская обувь XIII—XIV веков
- В. К. Лукомский.** Герб как исторический источник
- II. Полевые исследования
- А. Я. Брюсов. Краткий отчет о работах Северной археологической экспедиции в 1945 г.
- М. Е. Фосс. Новые памятники в рай-

оне Галичской культуры

- И. К. Цветкова. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником
- В. Н. Чернецов. Результаты археологической разведки в Омской области
- О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник
- Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция
- В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г.
- А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.
- И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы
- С. А. Тараканова. Раскопки в Пскове
- А. М. Ефимова, Н. Ф. Калинин и А. П. Смирнов. Раскопки городища «Великие Болгары» в 1945 г.
- Н. Н. Воронин. К архитектурной истории Дмитриевского собора во Владимире

III. Тезисы диссертаций, защищенных в 1944—1946 гг.

- Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов
Л. И. Якунина. История жемчуга в русской одежде
Г. Б. Федоров. Русские монеты удельного периода

IV. Информация

- И. А. Талицкая. Археологические памятники р. Кувы
С. А. Тараканова. Находка из Городни на Волге
И. И. Никишин. Некоторые соображения о земледельческом назначении

каменной находки из Городни на Волге

- И. В. Синицын. Археологические работы в Саратовской области в 1945 г.
В. А. Сафонов. Археологические работы Дзержинского краеведческого музея в 1940—1944 гг.
С. Н. Ильин. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги
V. Хроника
А. П. Смирнов. Обзор археологических исследований в РСФСР в 1945 г.

Вып. XVIII.

I. Статьи и доклады

- П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении
М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае
А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до нашей эры
Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе
Ф. Д. Гуревич. Обряды погребения в Литве

II. Полевые археологические исследования

- А. П. Окладников. Древние поселения в долине р. Хатанги

III. Информация

Ал. Каландадзе. М. М. Иващенко
(1881—1946)

- Н. В. Трубникова. К вопросу о назначении кобанских «сечек»
М. В. Покровский. Новый сасанидский сосуд из Краснодара

М. М. Иващенко. Грузинские аналогии Перещепинского клада

А. Л. Монгайт. Рязанская скульптура

П. А. Раппопорт. Годуновская церковь в Борисове городке

А. В. Кирьянов. О клее для реставрации древней керамики

Вып. XIX.

I. Статьи и доклады

А. П. Окладников. Древняя тюркская культура в верховьях Лены

П. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья

В. А. Миханкова. О работе кабинета Н. Я. Марра в 1945 г.

II. Полевые археологические исследования

И. И. Ляпушкин. Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы (из полевых изысканий 1945 г.)

П. Д. Степанов. Памятники I тысячелетия н. э. в восточной части Мордовской АССР

М. М. Иващенко Находка визан-

тийского экскагия в Грузии

С. А. Тараканова. Раскопки поселения Городня на Волге в 1945 г.

Л. С. Бретаницкий, С. И. Дати́ев, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Мотис. Укрепление в Бакинской бухте.

III. Информация

Н. Н. Воронин. И. М. Хозеров

А. Н. Бернштам. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины

Н. Н. Воронин. Археологические заметки

А. Л. Монгайт. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>И. К. Цветкова.</i> Стоянка Володары (По материалам раскопок 1946 г.)	3
<i>Я. И. Гуммель.</i> Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана	15
<i>А. Л. Якобсон.</i> Из истории армянского средневекового зодчества. Церковь в Воскепаре	29

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>М. В. Воеводский.</i> Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г.	36
<i>А. Я. Брюсов.</i> Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г.	45
<i>А. В. Эбруева.</i> Камская экспедиция 1946 г.	50
<i>М. Е. Фосс.</i> Результаты Галичской экспедиции 1946 г.	58

III. ИНФОРМАЦИЯ

<i>Е. И. Крупнов.</i> Археологические работы в Грозненской области в 1946 г.	67
<i>А. И. Тереножкин.</i> Археологические находки в Таджикистане	74
<i>О. Н. Бадер.</i> Археологические исследования на Урале в 1946 г.	78
<i>Л. Кызласов.</i> Железный тиспорик из Синяино	82
<i>В. П. Левашева.</i> Два сосуда из курганов Омской области	86
<i>С. А. Тараканова.</i> Старый Изборск	89
От редакции	97
Список сокращений	98
Краткие Сообщения ИИМК XI—XIX выпуск (содержание)	99

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова.* Технический редактор *Н. А. Колгурина*

ИКСО АН СССР 2759. А—03132. Тип. заказ 3664. Подп. в печ. 23/III 1948 г. Формат бум. 70×106¹/₁₆.
Печ. л. 6¹/₂+2 вкл. Уч.-изд. 9¹/₂. Тираж 3000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
4	3 сн.	Кубенина	Кубенино
15	14 сн.	курганскую	курганную
35	17 св.	аркатурной	аркатурой

Краткие сообщения ИИМК, вып. XX